

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

Том 15 № 3 (2018)

DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3

<http://journals.rudn.ru/education-languages>

Научный журнал

Издается с 2004 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-73496 от 17.08.2018 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главные редактор

Синячкин В.П., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов
E-mail: sinyachkin_vp@rudn.university

Заместитель главного редактора

Бахтикирева У.М., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Российский университет дружбы народов
E-mail: bakhtikireeva_um@pfur.ru

Ответственный секретарь

Валикова О.А., доктор философии (PhD), научный сотрудник УНИП, Российский университет дружбы народов
E-mail: valikova_o@pfur.ru

Члены редакционной коллегии

Джусупов Маханбет — доктор филологических наук, профессор, Ташкентский государственный университет мировых языков, Узбекистан

Дмитрюк Сергей Валерьевич — кандидат филологических наук, редактор издательского отдела МИЛ, Россия

Евдокимова Светлана — доктор филологических наук, профессор, профессор славистики и компаративной литературы, кафедра славянских языков, Университет Браун, США

Жаксылыков Аслан Жамильевич — доктор филологических наук, профессор, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Жаркынбекова Шолпан Кузаровна — доктор филологических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Астана, Казахстан

Канарайаджа Суреш — почетный профессор, кафедра прикладной лингвистики и английского языка; директор Центра миграционных исследований Пенсильванского университета, США

Кибальник Сергей Акимович — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Кулибина Наталья Владимировна — доктор педагогических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

Куриленко Виктория Борисовна — кандидат педагогических наук, доцент, Российский университет дружбы народов

Лебедево Мария Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, Дальневосточный федеральный университет, Россия

Маслова Валентина Авраамовна — доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

Муди Эндрю — PhD, доцент, кафедра английского языка; заместитель декана, факультет искусств и гуманитарных знаний; Университет Макао, КНР

Муранска Наталия — доктор филологических наук, профессор, профессор русистики и компаративной литературы, факультет философии, Университет Константина Философа, Словакия

Протасова Екатерина Юрьевна — доктор педагогических наук, доцент, лектор, Отделение современных языков Хельсинкского университета, Финляндия

Прошина Зоя Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия

Руденко-Моргун Ольга Ивановна — доктор педагогических наук, профессор, Российский университет дружбы народов

Глостанова Мадина Владимировна — доктор филологических наук, профессор, Линчепингский Университет, Линчепинг, Швеция

Шляхов Владимир Иванович — доктор педагогических наук, профессор, Российский университет дружбы народов

Фирман Уильям — доктор политических наук, профессор, специалист в области языковой политики, почетный профессор Университета Индианы, Центр евразийских исследований, Блумингтон, США

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

ISSN 2618-8988 (online); ISSN 2618-897X (print)

4 выпуска в год

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский

Опубликованные в журнале статьи индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) на базе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru (НЭБ), Академия Google (Google Scholar), Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka

Цель и тематика

В тематическое поле журнала входят актуальные проблемы общего языкознания, лингводидактики, а также интегративные направления новейшей филологии: лингвокультурология, социолингвистика, политическая лингвистика, вопросы билингвизма, межкультурная коммуникация. На протяжении своей истории журнал презентовал стратегии эффективной лингводидактики, механизмы восприятия и усвоения иностранного языка в прагматическом аспекте, методики преподавания русского и иностранного языков и др.

Начиная с 2016 г. журнал расширяет исследовательский контекст публикаций и приглашает к сотрудничеству литературоведов, культурологов, историков, философов и других представителей гуманитарного знания. Вместе с тем особое внимание уделено краеугольным вопросам современного языкознания: Языку в Человеке и Человеку в Языке; Языку в поликультурном обществе; особенностям языкового сознания билингвальной личности; механизмам восприятия и усвоения иностранного языка в когнитивном и прагматическом аспектах; лингводидактике и многим другим.

Миссия (сверхзадача) журнала — интегрировать лингвистический и экстралингвистический опыт специалистов разных стран и научных направлений с целью разработки универсальной стратегии толерантного взаимодействия между представителями различных языков и культур. Редколлегия журнала убеждена, что Язык (и свой, и чужой) может быть мостом к постижению другой культуры, ментальности, этнической сущности. Ослабление конфронтационного восприятия Другого и провозглашение самоценности каждого языка и каждого этноса в мультикультурном социуме — миссия «Вестника», решаемая на уровне конкретных исследовательских задач, среди которых:

- установление, описание, систематизация языковых фактов по заявленной проблематике;
- публикация результатов экспериментальных методик преподавания и изучения иностранных языков;
- исследование языковых процессов в поликультурном пространстве;
- изучение би- и транслингвальных практик в литературе и медиа и т.д.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions>

Электронный адрес: uldanai@mail.ru; vestnik_valikova@mail.ru

Редактор: *И.В. Успенская*

Компьютерная верстка: *О.Г. Горюнова*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Адрес редакционной коллегии журнала «Полилингвистичность и транскультурные практики»:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Тел.: (495) 434-20-12; E-mail: lingj@rudn.university

Подписано в печать 23.08.2018. Выход в свет 05.09.2018. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonС».

Усл. печ. л. 12,58. Тираж 500 экз. Заказ № 823. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел. (495) 952-04-41; ipk@rudn.university

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

VOLUME 15 NUMBER 3 (2018)

DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3

<http://journals.rudn.ru/education-languages>

Founded in 2004

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Professor Dr. Vladimir Sinyachkin

Peoples' Friendship University of
Russia

E-mail: sinyachkin_vp@rudn.university

VICE-EDITOR

Professor Dr. Uldanai Bakhtikireeva

Peoples' Friendship University of
Russia

E-mail: bakhtikireeva_um@pfur.ru

EXECUTIVE SECRETARY

PhD Olga Valikova

Peoples' Friendship University
of Russia

E-mail: valikova_o@pfur.ru

EDITORIAL BOARD

Prof. Suresh Canagarajah — Pennsylvania State University, USA

Prof. Mahanbet Dzhusupov — Uzbekistan State University of World Languages, Tashkent, Uzbekistan

PhD Sergey Dmitryuk — The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Prof. Svetlana Evdokimova — Brown University, USA

Prof. Aslan Zhaksylykov — Kazakh National University of Al-Farabi, Almaty, Kazakhstan

Prof. Sholpan Zharkynbekova — Eurasian National University named after L.N. Gumilyov, Astana, Kazakhstan

Prof. Sergey Kibalnik — the Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences

Prof. Natalya Kulibina — The Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Dr. Viktoriya Kurilenko — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Prof. Lebedko Maria Grigorievna — Far Eastern Federal University, Russia

Prof. Valentina Maslova — Vitebsk State University named after P.M. Masharov, Vitebsk, Belarus

Prof. Andrew Moody — University of Macau, China

Prof. Natalia Muranska — Constantine the Philosopher University, Nitra, Slovak

Prof. Ekaterina Protassova — University of Helsinki, Helsinki, Finland

Prof. Zoya Proshina — Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Prof. Olga Rudenko-Morgun — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Prof. Madina Tlostanova — Linköping University, Linköping, Sweden

Prof. Vladimir Shlyahov — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Prof. Wiliam Firman — Indiana University, USA

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

Published by the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

ISSN 2618-8988 (online); ISSN 2618-897X (print)

4 issues per year

Languages: Russian, English, French, German, Spanish

Articles have been published in this journal are indexed by several systems: Russian Science Citation Index, (RSCI) by "Electronic Scientific Library" foundation (eLibrary.ru), Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, State Commission for Academic Degrees and Titles of Russian Federation

Aim and Scope

The thematic field of the journal includes actual problems of general linguistics, didactics, as well as integrative areas of modern philology: cultural linguistics, sociolinguistics, political linguistics, bilingualism issues, cross-cultural communication.

During its ten-year history the Journal has been offering for discussion by the scientific community significant problems of modern linguistics: Language in Human and Human in Language; Language in a multicultural society; peculiarities of bilingual linguistic consciousness of the individual; mechanisms of perception and learning of foreign language in the cognitive and pragmatic aspects; effective strategy of linguistic didactics and many others.

From 2016, the Journal extends the research context of publications and invites for cooperation culture experts, historians, philosophers, and other representatives of the humanities.

Mission (the supertask) of the Bulletin is to integrate linguistic and extra-linguistic experience of experts from different countries and scientific disciplines. We try to develop universal strategy of tolerant interaction between people of various languages and cultures. The Editorial Board believes that the Language (Own, and Others') may not be only the barrier, but also a bridge between cultures, mentalities and ethnic identities. Our Mission may be implemented in the research tasks as:

- Identification, description, classification of linguistic facts of declared problematics;
- Publication of the results of experimental methods of teaching and learning of foreign languages;
- The study of language processes in multicultural environment;
- The study of bi- and translingual practices in literature, media; etc.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions

E-mail: uldanai@mail.ru; vestnik_valikova@mail.ru.

Editor *I.V. Uspenskaya*

Computer design: *O.G. Gorunova*

Address of the editorial board:

3, Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Address of the editorial board Journal "Polylinguality and Transcultural Practices":

6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

Ph. +7 (495) 434-20-12; E-mail: lingj@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price.

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Peoples' Friendship University of Russia"

6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3, Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation,

Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ	343
АРСЕНАЛ	
Баласаян Л. Г., Московкин Л. В. Преподавание русского языка в армянских школах: исторический аспект.....	345
Anipkina L. N., Shchennikova N. V. “On Education” in a Higher School	354
Vinogradova O. I. Automated Vocabulary Evaluation in a Learner Corpus.....	372
ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ	
Сычёва А. В. Англоязычные интернет-неологизмы и формирование искусственного билингвизма	381
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ	
Ахиджак Б. Н. Репрезентация традиционного этнического сознания в художественных текстах Кадыра Нахто	387
Чулкина Н. Л., Касымалиева К. Э., Касымалиев Б. Ж. Этнокультурные идиоглоссы как отражение художественного билингвизма в творчестве Чингиза Айтматова.....	395
ПОЛИЛОГ	
Преображенский С. Ю. О «воображаемой филологии» О. О. Сулейменова.....	406
Красина Е. А. Невидимые тюркизмы в книге Олжаса Сулейменова «Аз и Я» (филологический этюд)	410
Джусупов М. «Язык письма» или «Письмо — язык в графике» (одинаковое в разном и разное в одинаковом).....	422
Sinyachkin V. P., Sinyachkina N. L. Multilingualism in the Republic of Kazakhstan: Viewpoint from the Outside	445
Дианова Л. П. О становлении русско-инонационального билингвизма в России до-советского периода	461
ESSE EST	
Сулейменов О. О. Родина богов (novello).....	472

CONTENTS

TO OUR READERS	343
ARSENAL	
Balasanyan L.G., Moskovkin L.V. Teaching Russian Language in Armenian schools: historical aspect	345
Анипкина Л.Н., Щенникова Н.В. «О воспитании» в высшей школе	354
Виноградова О.И. Автоматизированная оценка лексикона обучающихся при помощи учебного корпуса.....	372
LANGUAGE CONSCIOUSNESS	
Sycheva A.V. English Internet-Neologisms and Formation of Artificial Bilingualism	381
LITERARY DEMENSION	
Akhidzhak B.N. Reflection of Traditional Consciousness in the Texts of Kadir Natho	387
Chulkina N.L., Kasymalieva K.E., and Kasymaliyev B.Zh. Ethnocultural Idioglossia as the Reflection of the Literary Bilingualism in the Works of Chingiz Aitmatov.....	395
POLILOG	
Preobrazhenskij S.J. On “Imaginary Philology” by O.O. Suleimenov.....	406
Krasina E.A. Invisible Turkisms in the Book “AZ i YA” by Olzhas Suleimenov (Philological Essay).....	410
Dzhusupov M. “Language of a Writing” or “Writing as a Language in a Script”	422
Синячкин В.П., Синячкина Н.Л. Многоязычие в Республике Казахстан: взгляд со стороны.....	445
Dianova L.P. To the Formation of Bilingualism in Russia Before the Soviet Period.....	461
ESSE EST	
Suleimenov O.O. Родина богов (novello)	472

РАЗДЕЛЯ ЛУЧШЕЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ

Дорогие читатели! В первом номере за этот год на страницах нашего журнала была представлена гипотеза О.О. Сулейменова о праистории человечества и происхождении языков. Сегодня мы продолжаем дискуссию, предлагая вашему вниманию разные, зачастую полярные мнения специалистов. Так, в архивной рукописи С.Ю. Преображенского звучит идея о «воображаемой филологии» (по аналогии с «воображаемой геометрией» Лобачевского), которая способна расширить горизонты понимания извечных научных проблем силой поэтических прозрений и языковой интуиции. Развернутые отклики представили для этого номера д.ф.н., проф. М. Джусупов и д.ф.н., проф. Е.А. Красина. Ученые представляют аргументированные точки зрения на провозглашенную концепцию.

Рубрика «Арсенал» предлагает вам материалы, посвященные учебной и внеучебной активности студентов. Авторы рубрики «Художественного измерения» углубляют знания о творчестве выдающихся писателей-билингвов Ч. Айтматова и К. Нахто.

Мы хотим обратить ваше внимание на то, что с этого номера наш журнал будет выходить под новым названием: «Полилингвильность и транскультурные практики». Мы стремимся сделать журнал нишевым в филологическом сегменте российской гуманитаристики, сосредоточившись на проблемах многоязычия, транслингвизма и транскulturации как в российском социуме, так и за рубежом. На сегодняшний день полилингвильность (термин, вбирающий в себя смысловые компоненты перечисленных выше аспектов) является одним из наиболее актуальных направлений в мировой науке. Оно активно разрабатывается исследователями крупнейших научных центров и привлекает внимание широкой научной общественности. Новое название журнала призвано четко обозначить тематическую политику журнала и привлечь внимание потенциальных авторов и читателей к проблемам взаимодействия языков и культур в условиях поликультурного общества. В частности, предпочтение будет отдаваться уникальному, не заемному опыту развития российского многонационального общества, осмыслению и описанию русско-инонационального би-, поли-, транслингвизма, межкультурной коммуникации, аккультурации и транскulturации. Основная цель журнала будет поддерживаться обновленным составом редколлегии.

Мы по-прежнему открыты для сотрудничества и совместного решения важных научных задач.

С уважением, д.ф.н.,
проф. В.П. Синячкин,
д.ф.н., проф. У.М. Бахтикиреева

SHARING THE BEST

TO THE READERS

Dear readers! In the first issue of this year, the hypothesis of O.O. Suleimenov about the prehistory of mankind and the origin of languages was presented. Today we continue the discussion, offering you various and even polar opinions of experts. For instance, in the archival manuscript by S.J. Preobrazhenskij sounds the idea of “imaginary philology” (by analogy with “imaginary geometry” of Lobachevsky), which is able to expand the horizons of understanding of age-old scientific problems by the power of poetic insights and linguistic intuition. We’ve received the detailed responses to this issue from Doctor of Philology, prof. M. Dzhusupov, and Doctor of Philology, prof. E.A. Krasina. The scientists present reasoned, rational points of view on the proclaimed concept.

The rubric “Arsenal” offers you materials on the educational and extracurricular activity of students. Authors of the “Literary Dimension” deepen knowledge about the work of the outstanding bilingual writers Ch. Aitmatov and K. Natho.

From this issue our journal will be published under a new title: “Polylinguality and Transcultural Practices”. We strive to make it niche in the philological segment of Russian humanities, focusing on the problems of multilingualism, translanguaging and transculturation both in the Russian society and abroad. To date, polylinguality (the term that incorporates the semantic components of the above-mentioned aspects) is one of the most topical trends in world science. It is actively developed by researchers of the largest scientific centers and attracts the attention of a broad scientific community. The new title of the series is intended to clearly identify the thematic policy of the journal and draw the attention of potential authors and readers to the problems of interaction of languages and cultures in a multicultural society. In particular, preference will be given to the unique, non-borrowed experience of the Russian multinational society, the comprehension and description of Russian bi-, poly-, translanguaging, intercultural communication, acculturation and transculturation. The main purpose of the journal will be supported by an updated editorial staff.

We are still open to cooperation and joint solutions of important scientific problems.

Sincerely, Doctor of Philology,
prof. V.P. Sinyachkin,
Doctor of Philology, prof. U.M. Bakhtikreeva

DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3-345-353

ПРЕПОДАВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В АРМЯНСКИХ ШКОЛАХ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Л.Г. Баласанян¹, Л.В. Московин²

¹ Армянский государственный педагогический университет им. Х. Абовяна
Республика Армения, 0070, Проспект Тиграна Меца, 17

² Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью создания научных основ для написания истории преподавания русского языка в армянских школах. Цель исследования — установить корпус наиболее значимых учебников и методических трудов, которые определяли пути развития методики обучения русскому языку армянских учащихся. Материалом исследования послужили учебники русского языка для армянских школ, а также методические труды, находящиеся в Российской национальной библиотеке, в библиотеке Российской академии наук, в Армянской национальной библиотеке, в библиотеке Армянской академии наук. Исследователями применялись методы историко-педагогического и лингводидактического анализа источников. В ходе исследования отобрано около 30 учебников и более 20 методических трудов, представляющих интерес для описания истории преподавания русского языка в армянских школах. Среди них учебники К. Сарафовой, А. Варагшападского, М. Бжишкяна, учебники и методические труды Р. Мелкумяна, Г. Агабабяна, Б. Есаджяна. Установлено, что методика обучения русскому языку армянских учащихся в целом основывалась на сравнительном методе и переводе в процессе обучения. Особенности последних 50 лет являются направленность на реализацию практических целей обучения, интерес к изучению элементов культуры на уроках русского языка, интерес к внедрению в процесс обучения инновационных образовательных технологий, что полностью согласуется с общемировыми тенденциями в области языкового образования. Данные, полученные в ходе исследования, могут лечь в основу большого систематизирующего труда по истории преподавания русского языка армянским учащимся.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, методика обучения, преподавание в армянской школе, учебники русского языка, методические труды, этапы развития методики, тенденции развития методики

Памяти Беллы Марковны Есаджяна

1. ВВЕДЕНИЕ

В последние 50 лет написаны работы по истории преподавания русского языка как иностранного в России, Болгарии, Сербии, Германии, Великобритании, однако история преподавания русского языка в армянских школах пока еще не описана, хотя и имеются отдельные научные труды, в которых рассматривается история армянских учебных заведений, описываются биографии армянских ме-

тодистов и авторов учебников русского языка [1—8]. В ряде научных работ анализируются учебники и учебные пособия по русскому языку [9—11]. Тем не менее уже назрела необходимость полного и системного описания истории преподавания русского языка в армянских школах и отражения собранных и систематизированных данных в отдельной книге.

Цель исследования — установить корпус наиболее значимых учебников и методических трудов, которые определяли пути развития методики обучения русскому языку армянских учащихся.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили учебники русского языка для армянских школ, а также методические труды, хранящиеся в фондах Российской национальной библиотеки, библиотеки Российской академии наук, Армянской национальной библиотеки, библиотеки Армянской академии наук. В ходе исследования применялись методы историко-педагогического и лингводидактического анализа источников.

2. РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

В процессе исследования было установлено, что начальный этап истории преподавания русского языка в армянских школах был связан с просветительской деятельностью армянской диаспоры в России в XVIII—XIX вв. (крупные армянские колонии существовали в Астрахани, Москве, Санкт-Петербурге, Нахичевани-на-Дону).

У российских армян существовала потребность в изучении русского языка. В связи с этим в Санкт-Петербурге в 1788 г. был опубликован учебник русского языка — «Книга, содержащая в себе ключ познания букваря, словаря и некоторых правил из нравоучения, сочиненная и переведенная с российского на армянской и с армянского на российской языки девицею Клеопатрою Сарафовой; в пользу малолетнего юношества, и всех желающих сему обучаться». Автор учебника — Мария Моисеевна Сарафова, в замужестве Лорис-Меликова, находившаяся при дворе Екатерины II, которая называла ее Клеопатрой.

Книга представляет собой учебник для базового этапа обучения армян русскому языку и русских — армянскому. Она включает армянскую и русскую азбуки с приведением аналогов русских и армянских звуков, армянские и русские слоги для обучения чтению и произношению. Большую часть учебника занимают армянско-русский и русско-армянский словари с транскрипцией слов на родном языке учащихся. Далее даны четыре урока с текстами, содержащими разговоры взрослых с детьми. Заканчивается книга хрестоматийной частью — разделами «Гражданское начальное учение» и «Китайские мысли о совести», в которых приводятся микротексты нравоучительного характера.

Книга К. Сарафовой является типичным букварем, расширенным за счет объемной словарной части (в каждом из словарей дано около 2 тысяч слов). В течение нескольких десятилетий она была единственным учебником русского языка для армян, однако не решала всех вопросов, возникавших в процессе обучения, — кроме букваря ученикам армянских школ необходимы были разговорник и грам-

матика. Эту задачу решил в начале XIX в. иеродиакон Авраам Вагаршападский, издавший учебник устной речи и русскую грамматику.

Учебник А. Вагаршападского «Новые разговоры» (Астрахань, 1820) содержал 72 урока, в рамках которых изучались 34 разговорные темы. Большая часть уроков построена в форме вопросов и ответов. Одни уроки включали материал для обучения выражению определенных интенций: «Как спрашивать» (7—10 уроки), «Как утверждать, отрицать и соглашаться» (13 урок), «Как советоваться» (урок 14) и т.д., другие содержали вопросы и ответы по традиционным темам «О встрече на улице» (18—19 уроки), «О поварне» (34—36 уроки), «О собирании на стол» (41 урок) и т.д. Это позволяет предполагать, что в основе этого учебного пособия лежали разные источники.

«Краткая российская грамматика» А. Вагаршападского (Москва, 1827) включала русский алфавит и объяснение артикуляции русских звуков, характеристику частей речи, правила синтаксической связи слов в предложении, орфографии и пунктуации. В отличие от грамматик, созданных для русских учащихся, в ней давались более простые и ясные определения, приводились более распространенные и понятные примеры, в ряде случаев имели место сопоставления с армянским языком. Несмотря на то, что грамматика А. Вагаршападского была составлена на основе грамматик для русских, она учитывала специфику овладения русским языком нерусскими учащимися. Например, автор давал рекомендацию определять род существительного по окончанию, которая отсутствовала в грамматиках для русских.

В 1828 году в Венеции была издана «Российско-армянская грамматика» Минаса Бжишкяна (Мины Медици), которая отличалась от грамматики А. Вагаршападского тем, что в ней кроме грамматического очерка даны разговорные уроки, тексты для чтения и перевода, сведения о стихосложении и т.д. Книга была предназначена для учащихся армянского училища в г. Карасубазар в Крыму.

Некоторые учебники русского языка при жизни их авторов так и не были опубликованы, например, «Законы русского языка» Арутюна Аламдаряна, инспектора армянского училища «Нерсисян» в Тифлисе, и «Новая теоретическая и практическая грамматика русского языка для армян» Хачатура Абовяна, преподававшего русский язык в Ереванском уездном училище. Лингвистический анализ обоих произведений дан в монографии Д. К. Джагацпаняна [11. С. 111—117, 139—184]¹.

Изучение изданных в XIX — начале XX вв. учебников русского языка для армянских школ Григория Сукиасова, Степана Назарьянца, Седрака Мандиняна, Камсара Тер-Давыдианца, Григория Туманянца, Перикла Корханиди показывает, что в них отразились основные тенденции развития российской и европейской методики обучения неродным языкам: построение первых школьных грамматик по линейному принципу, отказ от линейного принципа организации учебного материала в пользу синтаксического, включение в учебники грамматики языко-

¹ «Законы русского языка» А. Аламдаряна хранятся в Институте древних рукописей имени св. Месропа Маштоца (Матенадаран), а рукопись «Новой теоретической и практической грамматики русского языка для армян» — в доме-музее Х. Абовяна. Рукопись Х. Абовяна была опубликована в полном собрании его сочинений [12].

вых упражнений и текстов, включение заданий игрового характера, перестройка учебников для начальных классов по принципу «от текстов к грамматике», создание учебников для обучения по прямому методу и т.д.

В XX веке в Армении издаются не только учебники русского языка, но и крупные методические труды — методика обучения русскому языку армянских учащихся становится самостоятельным направлением методики обучения русскому языку в национальной школе. Важный этап ее развития был связан с научной деятельностью Рафаела Левоновича Мелкумяна, который в конце 1930 — начале 1940-х гг. вместе с профессором Араратом Сааковичем Гарибяном и заслуженным учителем Марией Александровной Каракешишян издал учебные программы и учебники русского языка для 6—7, 8—9 классов, а в 1942 г. вместе с М.А. Каракешишян — «Методику русского языка в армянской школе» [13]. При активном участии Р.Л. Мелкумяна в этот же период был создан ряд учебных и справочных пособий по русскому языку для учащихся. Учебники русского языка и «Методика русского языка в армянской школе» были удостоены премии Наркомпроса СССР.

В 1950—1980-е годы внимание методистов было направлено на обучение аспектам языка и видам речевой деятельности, сопоставительную методику, в это время издавались учебные словари и работы по лингвострановедению. Значимые методические труды создавали в этот период Гаврил Манучарович Агабабян, Егише Петрович Арустамян, Белла Марковна Есаджанян [14—16] и другие авторы. В 1970-е годы они участвовали в подготовке новой линейки учебников для армянских школ, а также учебника для вузов Армянской ССР (факультетов с армянским языком обучения). Обобщением опыта их научной деятельности стали методические пособия по русскому языку для начальных классов и для IV—X классов армянской школы [17—18].

Наиболее крупным методистом этого периода была Белла Марковна Есаджанян, которая на протяжении 20 лет заведовала кафедрой русского языка и методики его преподавания Ереванского государственного педагогического университета им. Хачатура Абовяна, а затем работала профессором на этой кафедре, была главным редактором журнала «Русский язык в Армении», написала свыше 300 учебных и научных трудов. В 1970 году она защитила докторскую диссертацию на тему «Семантико-статистический и билингвальный сопоставительный анализ падежных конструкций русского языка как лингвистическое обоснование отбора материала для изучения в армянской школе» — первую диссертацию по специальности «Методика преподавания русского языка в национальной школе». В дальнейшем она подготовила 52 кандидата наук, многие из которых стали известными методистами в современной Армении.

Под руководством Б. М. Есаджанян в 1990-е гг. были разработаны концепции билингвального и углубленного обучения русскому языку в армянских школах, современные учебники и учебные пособия: билингвальный словарь для дошкольников, учебники по русскому языку и литературе «Радуга» для 2—5 классов, «Перевертыши» для 6—9 и «Русский язык и литература» для 10—12 гуманитарных классов, сборник текстов для письменных работ и методические пособия с тематическими разработками. Основные положения этих концепций, в которых осуществляется синтез современных инновационных образовательных технологий

и накопленного опыта обучения русскому языку в армянской школе, отражены в серии научных публикаций, среди которых особое место занимает «Методика преподавания русского языка как неродного» [19].

Источники, отобранные нами в ходе работы в научных библиотеках, представляют собой серию книг, позволяющих установить и охарактеризовать основные этапы истории преподавания русского языка армянским учащимся: 1) обучение русскому языку в школах армянской диаспоры в России (XVIII — первая половина XIX в.); 2) обучение русскому языку не только в школах армянской диаспоры в России, но и в школах Армении (вторая половина XIX — начало XX в.); 3) обучение русскому языку в школах Армянской ССР в 1930—1950 гг.; 4) обучение русскому языку в школах Армянской ССР в 1960—1980 гг.; 5) обучение русскому языку в школах постсоветской Армении (с 1990 гг. по настоящее время).

Исследование позволило выявить некоторые тенденции развития методики обучения русскому языку армянских учащихся на протяжении трех веков — опора на сопоставление армянского и русского языков и использование сравнительного метода и перевода в процессе обучения (исключение составляет короткий период конца XIX — начала XX в., связанный с распространением прямого метода, что нашло отражение в учебниках П. Корханиди). Именно на сопоставлении русского и армянского языков построены изданные в XVIII—XIX вв. учебники русского языка К. Сарафовой, М. Бжшкяна, Г. Сукиасова, С. Мандиняна и других авторов.

Эта тенденция доминировала и в советский период истории преподавания русского языка в армянских школах, что показывает анализ методических трудов Р.Л. Мелкумяна. В статьях этого ученого нашло отражение сформулированное им теоретическое положение о делении фактов сопоставления родного и неродного языков на «внешние» и «внутренние», т.е. на материал, необходимый для сообщения учащимся, и на материал, нужный для построения системы преподавания, в том числе для создания учебников и учебных пособий, учитывающий установленные благодаря сравнительному анализу двух языков особенности русского языка в сравнении с родным языком учащихся. Р.Л. Мелкумян считал «внутренние» факты сопоставления более важными, чем «внешние» [20]. В дальнейшем вопросы теории и практики сопоставления русского и армянского языков в учебных целях разрабатывали Г.М. Агабабян, Б.М. Есаджян и другие ученые.

Как показали результаты исследования, каждый этап развития методики отличался большей практической направленностью преподавания, чем предыдущий этап. В последние 50 лет отмечается интерес методистов и авторов учебников к изучению элементов культуры на уроках русского языка, к внедрению в процесс обучения инновационных образовательных технологий.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одним из направлений работы по написанию истории преподавания русского языка в армянских школах должно быть формирование корпуса учебников и методических трудов, определивших направления развития методики в разные периоды ее истории. В ходе исследования выявлено около 30 учебников

и более 20 методических трудов, которые должны быть проанализированы в будущем систематизирующем труде по истории преподавания русского языка в армянских школах. Выделены пять этапов истории преподавания русского языка армянским учащимся, тенденции развития этого процесса. Установлено, что в целом для методики обучения русскому языку в армянских школах характерна опора на сопоставление армянского и русского языков и использование сравнительного метода и перевода в процессе обучения. Особенности развития методики последних 50 лет являются направленность на реализацию практических целей обучения, интерес к изучению элементов культуры на уроках русского языка, интерес к внедрению в процесс обучения инновационных образовательных технологий, что полностью согласуется с общемировыми тенденциями в области языкового образования.

© Баласанян Л.Г., Московкин Л.В., 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Паремужов А.И.* Историческая записка об Астраханском Армянском Агабабовском уездном училище с 1810 по 1910 год. Астрахань: Паровая Новая Русская Типография, 1913.
2. *Карамян Г.Г.* Выдающиеся армянские педагоги XIX века (Х. Абовян, Г. Агаян) и русская педагогическая мысль: автореф. дисс. ... д-ра пед. наук. М.: АПН РСФСР; НИИ теории и истории педагогики, 1950.
3. *Сантросян М.А.* Хачатур Абовян — выдающийся армянский педагог. М.: Учпедгиз, 1957.
4. *Даниелян А.Г.* Педагогические взгляды и деятельность Седрака Мандиняна: автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Ереван: Ереванский государственный университет, 1965.
5. *Закарян А.Г.* Астраханское армянское Агабабовское училище (1809—1918 гг.) // Вестник Ереванского университета. Общественные науки. 1971. № 11. С. 65—70. (на арм. яз.)
6. *Игнатян А.А.* Русско-армянские педагогические связи в XIX и в начале XX века: автореф. дисс. ... д-ра пед. наук. Ереван: Ереванский государственный университет, 1975.
7. *Ананян Ж.А.* Лазаревский институт восточных языков в первой половине XIX века // Историко-филологический вестник (Ереван). 1998. № 1-2. С. 63—74.
8. *Шушара Т.В.* Развитие образования армян в Крыму XIX — начала XX века // Гуманитарные науки (Ялта). 2015. № 3(31). С. 75—79.
9. *Назарян Ш.* Об одной новой рукописной работе Арутюна Аламдаряна // Известия АН Армянской ССР. Отделение общественных наук. 1949. № 3. С. 81—86.
10. *Симонян П.* Об одном неизвестном труде Х. Абовяна по грамматике // Известия АН Армянской ССР. Отделение общественных наук. 1952. № 1. С. 107—109.
11. *Джагацянцян Д.К.* Лингвистические основы первых грамматических трудов по русскому языку для армян. Ереван: Изд-во Ереванского университета, 1957.
12. *Абовян Х.* Новая теоретическая и практическая грамматика русского языка для армян // Абовян Х. Полное собрание сочинений. Т. IX (дополнительный). Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1959. (на арм. яз.)
13. *Мелкумян Р.Л., Каракешисян М.А.* Методика русского языка в армянской школе. Ереван: Просиздат, 1942.
14. *Асабян Г.М.* Использование родного языка при обучении русскому языку в армянской школе. Ереван: Луйс, 1968.
15. *Арустамян Е.П.* Вопросы методики преподавания русской грамматики в армянской школе и трудности изучения некоторых ее категорий. Ереван: Луйс, 1973.
16. *Есаджанян Б.М.* Падежные конструкции русского языка и их армянские соответствия. Ереван: Луйс, 1977.
17. *Байбуртян Н.А., Есаджанян Б.М., Корнейчук С.И.* Методика русского языка: Для начальных классов армянской школы. Ереван: Луйс, 1974.

18. *Агабабян Г.М., Алавердян М.Э., Есаджанян Б.М., Тер-Акопова И.Г.* Методика русского языка: Для IV-X кл. арм. школы: В 2 ч. Ереван: Луйс, 1981.
19. *Есаджанян Б.М., Баласанян Л.Г., Баятян Э.А., Шахкмян Г.Г.* Методика преподавания русского языка как неродного / под ред. Б.М. Есаджанян. Ереван: Филин, 2008.
20. *Мелкумян Р.Л.* О сравнительном анализе грамматического строя русского и армянского языков // *Русский язык в армянской школе*. 1958. № 1. С. 3—19.

История статьи:

Поступила в редакцию: 26.02.2018

Принята к публикации: 27.06.2018

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Баласанян Л.Г., Московкин Л.В. Преподавание русского языка в армянских школах: исторический аспект // *Полилингвильность и транскультурные практики*. 2018. Т. 15. № 3. С. 345—353. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3-345-353

Сведения об авторах:

Лилия Гургеновна Баласанян — кандидат педагогических наук, доцент кафедры методики преподавания иностранных языков Армянского государственного педагогического университета им. Хачатура Абовяна, президент Армянской ассоциации учителей русского языка и литературы общеобразовательных школ. E-mail: balasanyanliliya35@aspu.am

Московкин Леонид Викторович — доктор педагогических наук, профессор, директор секретариата Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ) и секретариата Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ). E-mail: liliyabalasan@mail.ru

TEACHING RUSSIAN LANGUAGE IN ARMENIAN SCHOOLS: HISTORICAL ASPECT

L.G. Balasanyan¹, L.V. Moskovkin²

¹ Armenian State Pedagogical University of Khachatur Abovyan

17, Tigran Metsa Prospect, 0070, Republic of Armenia

² Saint Petersburg State University

7-9, Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The necessity of this study was conditioned by the need to create scientific basis for writing the history of teaching Russian to Armenian students. The aim of the study was to establish the corpus of the most significant textbooks and methodological works that determined the ways of developing the theory and practice of teaching Russian to Armenian pupils. The materials of this study were the Russian language textbooks for Armenian pupils and the methodological works that are stored in funds in the Russian National Library, the Library of the Russian Academy of Sciences, the Armenian National Library, and the Library of the Armenian Academy of Sciences. The researchers used the methods of historico-pedagogical and linguodidactic analysis of sources. During this study, about 30 textbooks and

more than 20 methodological works, which are necessary to describe the history of teaching Russian to Armenian pupils, have been revealed. Among them are textbooks of K. Sarafova, A. Varagshapadsky, M. Bzhishkyan, textbooks and methodical works written by R.L. Melkumyan, G.M. Agababyan, B.M. Yesadzhanyan. It was established that the main feature of the theory and practice of teaching Russian to Armenian pupils was the using the comparative method and translation in the process of teaching. The important peculiarity of the last 50 years is the orientation of teaching to the practical training goals, the interest to the elements of culture and to the innovative educational technologies, which completely agrees with the worldwide trends in the language education. The data obtained during the research can form the basis of a large systematic work about the history of teaching Russian to Armenian pupils.

Key words: Russian as a foreign language, theory of teaching, teaching in the Armenian school, Russian language textbooks, methodological works, stages of Russian language teaching development, trends in Russian language teaching development

REFERENCES

1. Paremuzov, A.I. 1913. *Istoricheskaya zapiska ob Astrakhanskom Armyanskom Agababovskom uezdnom uchilishche s 1810 po 1910 god* [Historical Note about the Astrakhan Armenian Agababov Uyezd School from 1810 to 1910]. Astrakhan': Parovaya Novaya Russkaya Tipografiya. Print. (in Russ.).
2. Karamyan, G.G. 1950. *Vydayushchiesya armyanskie pedagogi XIX veka (Kh. Abovyan, G. Agayan) i russkaya pedagogicheskaya mysl'* [Outstanding Armenian Teachers of the XIX Century (H. Abovyan, G. Agayan) and Russian Pedagogical Thought]. Dr. Thesis. Moscow: APN RSFSR. NII teorii i istorii pedagogiki. Print. (in Russ.)
3. Santrosyan, M.A. 1957. *Khachatur Abovyan — vydayushchiysya armyanskii pedagog* [Khachatur Abovyan — outstanding Armenian Educator]. Moscow: Uchpedgiz. Print. (in Russ.)
4. Danielyan, A.G. 1965. *Pedagogicheskie vzglyady i deyatel'nost' Sedraka Mandinyana* [Pedagogical Views and Activities of Sedrak Mandinyan]: PhD Thesis, Yerevan: Erevanskii gosudarstvennyi universitet. Print. (in Russ.)
5. Zakaryan, A.G. 1971. "Astrakhanskoe armyanskoe Agababovskoe uchilishche (1809—1918 gg.)" [Astrakhan Armenian Agababov School (1809—1918)]. *Vestnik Erevanskogo universiteta. Obshchestvennyye nauki*. 11: 65—70. Print. (In Arm.)
6. Ignatyian, A.A. 1975. *Russko-armyanskie pedagogicheskie svyazi v XIX i v nachale XX veka* [Russian-Armenian Pedagogical Relations in the 19th and Early 20th Centuries]. Dr. Thesis. Yerevan: Erevanskii gosudarstvennyi universitet. Print. (in Russ.)
7. Ananyan, Zh.A. 1998. *Lazarevskii institut vostochnykh yazykov v pervoi polovine XIX veka* [Lazarev Institute of Oriental Languages in the First Half of the 19th Century]. *Istoriko-filologicheskii vestnik*. 1-2: 63—74. Print. (in Russ.)
8. Shushara, T.V. 2015. *Razvitie obrazovaniya arмян v Krymu XIX — nachala XX veka* [Development of Armenian Education in Crimea in XIX — early XX century]. *Gumanitarnyye nauki*. 3(31): 75—79. Print. (in Russ.).
9. Nazaryan, Sh. 1949. *Ob odnoi novoi rukopisnoi rabote Arutyuna Alamdaryana* [About One New Manuscript by Harutyun Alamdaryan]. *Izvestiya AN Armyanskoi SSR. Otdelenie obshchestvennykh nauk*. 3: 1—86. Print. (in Russ.)
10. Simonyan, P. 1952. *Ob odnom neizvestnom trude Kh. Abovyana po grammatike* [On One-unknown Grammar of H. Abovyan]. *Izvestiya AN Armyanskoi SSR. Otdelenie obshchestvennykh nauk*. 1: 107—109. Print. (in Russ.)
11. Dzhagatspanyan, D.K. 1957. *Lingvisticheskie osnovy pervykh grammaticheskikh trudov po russkomu yazyku dlya arмян* [Linguistic Basis of the First Grammatical Works on the Russian Language for Armenians]. Yerevan: Izd-vo Erevanskogo universiteta. Print. (in Russ.)
12. Abovyan, Kh. 1959. *Novaya teoreticheskaya i prakticheskaya grammatika russkogo yazyka dlya arмян* [A New Theoretical and Practical Grammar of the Russian Language for Armenians].

- In: Abovyan Kh. *Polnoe sobranie sochinenii*. T. IX (dopolnitel'nyi). Erevan: Izd-vo AN Armyanskoi SSR. Print. (in Arm.)
13. Melkumyan, R.L., and M.A. Karakeshishyan. 1942. Metodika russkogo yazyka v armyanskoi shkole [The Methodology of the Russian language in the Armenian School]. Erevan: Prosizdat. Print. (in Russ.)
 14. Agababyan, G.M. Ispol'zovanie rodnogo yazyka pri obuchenii russkomu yazyku v armyanskoi shkole [Use of the Mother Tongue in Process of Teaching Russian Language in the Armenian School]. Erevan: Luis. Print. (in Russ.)
 15. Arustamyan, E.P. 1973. Voprosy metodiki prepodavaniya russkoi grammatiki v armyanskoi shkole i trudnosti izucheniya nekotorykh ee kategorii [The Methodology of Teaching Russian Grammar in the Armenian School and the Difficulty of Studying Some of Its Categories]. Erevan: Luis. Print. (in Russ.)
 16. Esadzhanyan, B.M. 1977. Padezhnye konstruktii russkogo yazyka i ikh armyanskie sootvetstviya [Case Structures of the Russian Language and their Armenian Correspondences]. Erevan: Luis. Print. (in Russ.)
 17. Baiburtyan, N.A., Esadzhanyan B.M., and Korneichuk S.I. Metodika russkogo yazyka: Dlya nachal'nykh klassov armyanskoi shkoly [Methodology of the Russian language: For primary Armenian Schools]. Erevan: Luis. Print. (in Russ.)
 18. Agababyan, G.M., Alaverdyan M.E., Esadzhanyan B.M., and Ter-Akopova I.G. 1981. Metodika russkogo yazyka: Dlya IV–X kl. arm. shkoly: V 2 ch [Methodology of the Russian language]. Erevan: Luis. Print. (in Russ.)
 19. Esadzhanyan, B.M., Balasyan L.G., Bayatyan E.A., and G.G. Shakhkamyanyan. 2008. Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak nerodnogo [Teaching Russian language as a non-native Language]. Erevan: Filin, Print. (in Russ.)
 20. Melkumyan, P.L. 1958. O sravnitel'nom analize grammaticheskogo stroya russkogo i armyanskogo yazykov [On the Comparative Analysis of the Grammatical Structure of the Russian and Armenian languages]. *Russkii yazyk v armyanskoi shkole*. 1: 3–19. Print. (in Russ.)

Article history

Received: 26.02.2018

Accepted: 27.06.2018

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Balasyan L.G., and L.V. Moskovkin. 2018. “Teaching Russian Language in Armenian schools: historical aspect”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 15 (3), 345–353. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3-345-353

Bio Notes:

Liliya Gurgenovna Balasyan is a Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages of the Armenian State Pedagogical University of Khachatur Abovian, President of the Armenian Association of Teachers of the Russian Language and Literature of Secondary Schools. E-mail: balasyanliliya35@asp.am

Leonid Viktorovich Moskovkin is a Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Director of the secretariat of the Russian Society of Teachers of Russian Language and Literature (ROPRYAL) and the Secretariat of the International Association of Teachers of Russian Language and Literature (MAPRYAL). E-mail: liliyabalasan@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3-354-371

“ON EDUCATION” IN A HIGHER SCHOOL

L.N. Anipkina, N.V. Shchennikova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

This paper deals with a significant problem of education “outside” the classrooms. Authors present the methodological cases, using their pedagogical experience.

Much attention is paid in the article to specific practical assignments and examples of how best to organize extra-curricular activities of students. This paper is a presentation of a real year program for learners of RUDN University. It may be used in similar cases as its effectiveness is proved by numerous examples.

Key words: upbringing, educational case, extracurricular activities

The art of education is peculiar in that it is seen by almost everybody as familiar and transparent, even easy by some, and the less a person is experienced in it — either in theory or in practice — the more familiar and simple it appears.

K. Ushinsky

1. INTRODUCTION

The requirements to young professionals seem to be somewhat misbalanced nowadays. While professionally they are expected to respond to very high standards and to compete for best jobs, morally they are artificially unbounded: western ideology pushes them to discard ethical and moral norms which are part of the traditional Russian mentality.

In our view, the extracurricular work with students should be aimed at addressing this misbalance. As a prominent pedagogue K. Ushinsky put it, “Education should not only develop one’s intellect and supply a certain amount of knowledge but also instil the desire of serious work, without which there could be no happiness in life”.

The extracurricular work is aimed at forming a highly educated professional who is competent in the professional field and capable of uncovering his or her full potential, who is adapted to new social and economic situation, and who has a high cultural level, a firm civil position, and who is capable of adequately evaluate the degree of his or her social responsibility.

Needless to say, it is necessary to build a solid plan, to determine progress steps and to think through means and methods to achieve such an ambitious goal. With this in mind

the Peoples' friendship university of Russia has elaborated a document called "Plan of action for implementing a program for raising competitiveness ('roadmap')" of the federal autonomous higher education institution "Peoples' friendship university of Russia". This plan (called below "the roadmap") for years 2016–2020 defines University's priorities: "Strategic goal of the Peoples' friendship university of Russia (RUDN University) is achieving world leadership position and establishing Russia's leadership in the domain of world class science and educational services in the interests of innovative social and economic development of the country, especially in the domain of international cooperation".

RUDN University's aspiration is to form "a world elite through unifying by knowledge people of diverse national, racial and religious backgrounds" on a basis of world class scientific and educational standards.

These formulas make obvious the complexity of the task and the need for an integrated approach to solving the problems which the University is facing.

The roadmap points out the favourable conditions created by the university to attract international students. The university has in place elaborated procedures for enrolment and education of foreign students; international students receive extensive support (housing, adaptation, entertainment etc.). The university plans to raise the percentage of international students to 40% by 2020.

2. DISCUSSION

At RUDN University, the education of a modern professional is multi-level process: 1) International and federal level events; university events; 2) Faculty and cross-faculty events; 3) National groups' events (for foreign students); 4) Chair level events. This structure allows involving the entire student corps: even the least active students have chance to prove themselves.

RUDN has elaborated a plan with clear evaluation criteria according to which the chairs structure the extracurricular work with students. To motivate and support social activity of students and student unions, the University puts in place a structure of cultural events: festivals, parties, exhibitions, national culture and traditions events, international festivals of students. Intercultural cooperation trainings become more common. It is planned to broaden the activity of the Student council based on feedback received from students. The university organizes trainings for active students and team building events, involving representatives of national student associations (compatriot unions).

The process is guided centrally but it does not set boundaries to chairs' initiative. It becomes obvious when comparing the roadmap (its part dedicated to upbringing work, 2017 — first approved in 2015) to, for example, "The report of completion of the medium term development program, section V: extracurricular activity in the Faculty of social and humanitarian studies in 2013" (see Appendix 1 and 2). Even a small extract (the list of events is not at all limited to the above cited fragment) clearly demonstrates increased freedom, flexibility and transparency of content and goals of the events. It demonstrates a solid progress in educational work which came closer to students' interests, a shift of focus from pure entertainment to professional orientation and social activity. At the same time, traditionally popular events and activities are thoroughly protected and nurtured.

Below we will look more closely into details of the extracurricular work at the Russian language and intercultural communication chair of the RUDN University.

Although the chair is not graduating, it has a lot of opportunities for organizing the extracurricular work. The course of Russian as a foreign language and teachers of the Russian language are well positioned for this kind of activity for a number of reasons:

- Foreign students form a separate group for the Russian language classes;
- The number of hours dedicated to Russian as a foreign language is high compared to other classes; the students spend more time with their Russian teacher which promotes mutual trust;

- Unlike lectures, the seminar format of the classes allows teachers receiving immediate feedback from students — both for teaching and extracurricular activity.

Each chair holds a position of vice-chairperson responsible for the extracurricular work. A teacher in this position, apart from her or his direct teaching role, is responsible for creating plans and reports of extracurricular activity and for organizing extracurricular events. Each event planned for the current year is assigned to a teacher for supervision. The plan is based on two main sources: 1) teachers' initiative related to their course (for example: a teacher of the course of Rhetoric would propose a round table dedicated to manipulation of conscience), and 2) feedback from students collected in a survey.

The upbringing process is by no means limited to extracurricular activity. Points 1.3a; 1.3b; 2.1b; 2.3; 2.4b; 4.2 of the Roadmap specify topics which are directly related to the curriculum and are part of the studies.

Below we site the Roadmap plan (the original table contains two extra columns, not shown here, which specify a responsible person for each activity and projected number of Russian and International attendants) (Table 1).

Table 1

Roadmap: russian language and intercultural communication chair's plan of the extracurricular work with students of the faculty of social and humanitarian studies for 2017–2018

	GOALS	EVENT NAME	Date d/m/y
13a	Inclusion of the following topics in the curriculum of humanitarian studies: History and geography of Russia; history and geography of students' countries of origin		Throughout academic year
13д 2.4б	Organization and completion of trainings of communication skills, conflict management, intercultural communication and tolerance	Round table on topic "Russian proverbs on peace and freedom as expression of tolerance in the Russian national character"	12.09.17
1.3д 2.4б	Organization and completion of trainings of communication skills, conflict management, intercultural communication and tolerance	Inter-university student colloquium "World languages and cultures. International communication"	24.05.18
1.3 2.4б	Inclusion of the following topics in the curriculum of humanitarian studies: History and geography of Russia; history and geography of students' countries of origin The number of Profession days (according to specialization) tied to professional celebration days etc.	Inter-university student colloquium "World languages and cultures. International communication"	24.05.18
3.2a	Percentage of first year students who participated in lectures and excursions dedicated to the city of Moscow (% of total number of first year students	Visit to the Russian museum of popular and folkloric art. Moscow, Tsvetnoy boulevard, Delegatskaya str., 3	17.03.18

Continuation of table 1

	GOALS	EVENT NAME	Date d/m/y
1.3B 4.2	Organization of professional competition for students Number of prizes won by students in different competitions outside the University, including social and professional competitions and creative competitions	Training of foreign students of the Faculty of Humanitarian and Social studies for participating in student Russian language Olympiad	In a course of 3 months in 2018
2.4 6	Training as a form of active learning and transfer of knowledge and skills	Training dedicated to the International Translation day	30.09.2017
2.4 6	Training as a method of creating opportunities for self-realization of participants and for independent search of solutions for their own psychological challenges.	Training dedicated to the International tolerance day: "My attitude towards UNESCO declaration of principles of tolerance"	16.11.2017
2.46	Training as a form of active learning and transfer of knowledge and skills	Training "Stereotypic reactions in a conflict situation" for 3—4 th year students	28.02.18
2.46	Round table	"Zoomorphic characters in Russian and German culture"	8.02.2017
2.4a	Number of meetings and master classes with Russia and world celebrities and prominent alumni	Meeting Natalia Ufimtseva, head of Ethnolinguistic department of the Linguistics Institute of the Academy of Science of Russia	10.05.18
2.4a	Number of meetings and master classes with Russia and world celebrities and prominent alumni	Meeting Anatoly Kim, a famous writer	December 2017
2.4a	Number of meetings and master classes with Russia and world celebrities and prominent alumni	Meeting scientists from Germany, USA and other countries (the final list under construction)	Nov-Dec 2017
2.1B 2.46	Faculty competition of students' projects The number of Profession days (according to specialization) tied to professional celebration days etc.	Days of Slavic script International conference of young researchers "Languages and cultures of the world" dedicated to the Day of Slavic script	24.05.18 May 24, 2018 12.00-19.00
2.1B 2.46	Faculty competition of students' projects The number of Profession days (according to specialization) tied to professional celebration days etc.	Days of Slavic script. Student fair "Samizdat"	25.05.18
1.36	Interactive forms of teaching: — project competitions; — presentations, round tables (also dedicated to topics related to foreign students' countries of origin)	Round table "Preparing for the examination session: how to work with synopsis of lectures and articles, lists of questions, examination topics... Easy answers to difficult questions".	01.06.18
1.36	Interactive forms of teaching: — project competitions; — presentations, round tables (also dedicated to topics related to foreign students' countries of origin)	Watching and discussing a film dedicated to the WWII, tied to the Victory celebration day ("The dawns here are quiet", "Only old men are going to battle")	04.05.18
1.3a		Discussion with 1 st year students "Students' rules of conduct. Students' rights and responsibilities"	Sep 2017, within 1—2 weeks
1.3a 1.36 1.3д	Inclusion of the following topics in the curriculum of humanitarian studies: History and geography of Russia; history and geography of students' countries of origin Interactive forms of teaching: — project competitions; — presentations, round tables (also dedicated to topics related to foreign students' countries of origin)	A cycle of discussions "Tolerance and political correctness as RUDN standards"	Sep 2017, within 2—3 weeks

Continuation of table 1

	GOALS	EVENT NAME	Date d/m/y
	Organization and completion of trainings of communication skills, conflict management, intercultural communication and tolerance		
1.3д	History and geography of students' countries of origin	Meeting of the student union "The Professional, round table "The role of the language in culture society"	20.09.17 and 22.09.17
1.3б	Interactive forms of teaching: — project competitions; — presentations, round tables (also dedicated to topics related to foreign students' countries of origin)	Round table "Linguistic image of the world: "house" and "bread" personalities in Russian and German culture"	29.09.17
1.3а 1.3д	Inclusion of the following topics in the curriculum of humanitarian studies: History and geography of Russia; history and geography of students' countries of origin Organization and completion of trainings of communication skills, conflict management, intercultural communication and tolerance	Discussion "Who is the head of the family in international marriage? Raising children in mixed families: problem of the language"	12.10.17
1.3а 1.3б	History and geography of Russia; Interactive forms of teaching: — project competitions; — presentations, round tables (also dedicated to topics related to foreign students' countries of origin)	Video excursion "The Golden Ring of Russia" (watching a film)	17.10.17
1.3 1.3а 1.3б	Percentage of first year students who participated in lectures and excursions dedicated to the city of Moscow (% of total number of first year students Interactive forms of teaching: — project competitions; — presentations, round tables (also dedicated to topics related to foreign students' countries of origin)	Visiting the "Peoples' friendship museum"	11.10.17
2.1в 2.4б	Faculty competition of students' projects The number of Profession days (according to specialization) tied to professional celebration days etc.	Literature competition dedicated to a poet's birthday (Sergey Esenin and others)	18.10.17
1.3 1.3б	Inclusion of the following topics in the curriculum of humanitarian studies: History and geography of Russia	Round table "Historical background of celebration of the concordance and reconciliation day"	15.11.17
1.3а 1.3б	Inclusion of the following topics in the curriculum of humanitarian studies: History and geography of Russia Interactive forms of teaching: — project competitions; — presentations, round tables (also dedicated to topics related to foreign students' countries of origin)	Watching a film "Seven walks around Moscow" (topic "Tretyakov gallery")	22.11.17
1.3а 1.3б 3.2а	Inclusion of the following topics in the curriculum of humanitarian studies: History and geography of Russia Interactive forms of teaching: — project competitions; — presentations, round tables (also dedicated to topics related to foreign students' countries of origin) Percentage of first year students who participated in lectures and excursions dedicated to the city of Moscow (% of total number of first year students)	A language and culture lesson: visiting the State Tretyakov gallery Moscow, Tretyakovskaya metro station, Lavrushinsky lane., 10	29.11.17

End of table 1

	GOALS	EVENT NAME	Date d/m/y
3.2a.	Percentage of first year students who participated in lectures and excursions dedicated to the city of Moscow (% of total number of first year students) Inclusion of the following topics in the curriculum of humanitarian studies: History and geography of Russia; history and geography of students' countries of origin	Excursion to the Museum of Defence of Moscow or to Poklonnaya memorial	03.05.18
1.36	Interactive forms of teaching: — project competitions; — presentations, round tables (also dedicated to topics related to foreign students' countries of origin)	Round table "Role of media in international relations"	24.12.17
2.3	Foundation of 3 professional student unions: work of the unions "The Professional", "The Orator", "Politician and Diplomat"	Monthly sessions of the student union "The Professional". First is the organizational session. Agenda for the sessions is co-created with students during the first session according to importance of the topics	12.09.17

To control the chair's extracurricular work, instead of traditional paper reports the University has introduced a new format of a cross-chair competition review of achievement of roadmap annual goals. This format stimulates continuous improvement of this type of activity, encourages creative approach and increases involvement of both teachers and students.

The roadmap touches upon particularities of the upbringing work related to the international character of the student corp. "RUDN's specifics as a multinational university with students coming from 150 countries, concentrates on creating favourable conditions for a social and cultural adaptation of students to social and intellectual environment of the University, of the city of Moscow and of Russia".

In the past the University was offering to every student an introductory course of the Russian language. Currently, due to restructuring, modification of admission criteria and timing, and need to protect students' mobility, the students entering the first year of the bachelor's or master's program have different level of basic knowledge acquired in their countries of origin (from high school or college to bachelor's degree) and also a different level of Russian language skills. Among them there are students who have fully or partially completed the course of the preparation faculty of RUDN; those who graduated from preparatory courses in other Russian cities (Tula, Voronezh etc.); students who learned Russian in their native countries. Entrant students are also very diverse in what comes to their motivation for choosing the University and specialization:

— Entrant students whose family members are RUDN alumni who triggered their interest to studying in Russia and to RUDN in particular (A student from Nigeria: "My grandfather graduated from RUDN. He told me a lot about Russia and the University. He recommended me to enrol this University". A student from Colombia: "My uncle graduated from RUDN, now he's got a business in Moscow. When I graduate I'll get a job in his company".);

— Entrant students whose family members work in embassies of their countries or in Moscow offices of their national companies (A student from Bolivia: "My mother works

in the embassy, I want a similar job, too. But I need a University diploma to get this job, this is why I have chosen to study International relations”);

— Entrant students who have Russian family roots (a student from Syria: “My mother is Russian, when my father lived in Russia he married her and took her to Syria. At home we speak some Russian, so I decided it would be easier for me to study in Russia”);

— Entrant students whose interest was triggered by advice received from alumni, University advertising, attractive price;

— Entrant students sent by different organizations;

— In some cases, the interest is triggered by a sympathy to a charismatic persona (“I wanted to read Leo Tolstoy/Chekhov/Pushkin in their own language”, “I love Stalin”).

As we can see, there is a broad diversity in the student corps which proves that there is not only a need for educational work but also for a very detailed planning of diverse approaches. Which means that, while the end goal of this work remains the same, the ways of achieving it may greatly differ.

For example, familiarizing with the city of Moscow might be relevant mostly for the 1st year students except those who already live in the city for several years (even though they might also need an update of the information they have acquired or changing their attitude).

It is no less difficult to achieve the goals set by roadmap for the work with students from a so-called “close foreign lands”, i.e. from the countries which were part of the former Soviet Union. Entrant students from these countries might have only basic Russian language skills or even none at all; most of them make a lot of mistakes in written Russian and do not master the scientific style. Their attitude towards Russia as a “successor” of the USSR might be controversial, thus working with them requires a lot of attention. There is a need for a thorough, careful work of creating a positive image of Russia without hurting their national feelings; often this involves correcting the negative attitude through positive, learning-oriented activity.

It is a common wisdom in pedagogic that imposing ideas, slogans or one-size-fits-all solutions is not efficient and counterproductive. For that reason the goals should be achieved through creating a friendly, cooperative learning atmosphere, involving teams of students from different countries; through expressing interest in international students’ native culture. Comparison might be a good method: by comparing and emphasizing similar positive mental patterns in Russians and foreigners we come to a conclusion that different nations have a lot in common. This does not mean that foreign students should not be familiarized with the original Russian culture and with traits of national character which are a source of national pride (the language in the first place and, closely related to it, popular counts, sagas; traditional fests with pagan origins and more modern ones; national traditions etc.).

To summarize the above points, the model “we are so different and proud of it” should be replaced with the model “we are different but we have a lot of common positive traits so we will easily understand each other”.

At the University level this approach is formalized in legal acts. Anti-discrimination charts and University norms regulating the organization of work and cooperation of all divisions, teachers and student organizations during the learning process and in a day-to-day life, are the main tools for broadening the intercultural dialogue and to foster

tolerance. It is also planned to elaborate and approve the Declaration of RUDN student community.

Below we look more in detail at several concrete activities of the Chair to share the experience of organizing different forms of events.

1. At a first glance, there might be no need for dedicating an entire session to introducing the University. The students are supposed to learn it all on their own! However, from experience we know that without this introduction session student's ideas about the University remain quite narrow and superficial. The session allows not only explaining a relatively complex University structure comprising many colleges, faculties and chairs, but also familiarizing students with carrier opportunities and showing perspectives of self-development on the base of several additional structures the University has. It is also important to show the history of the University, how it became a well-known brand, tell the students about prominent and successful alumni which will instil in students the sense of pride and belonging to a RUDN community. It is necessary to introduce the University newspaper "Friendship" and other information bulletins; explain how to work with computer classes and with other IT resources created to ensure a timely vertical information sharing (student — tutor, teacher, department) such as Study portal, Telecommunication learning information system aimed at constantly updating students on planned events and activities of other groups and unions. It is also important to create a positive setting to foster cooperation and creativity, demonstrate the advantages of active work. A valuable support to teachers can come from graduating students who should also be involved in the extracurricular work with new entrants as promoters and supporters capable of inspiring by example. It is beneficial for both recent entrants and graduating students who reinforce their sense of responsibility, and it will also strengthen vertical links between students of different years.

2. It is necessary to bear in mind that the extracurricular work's goal is not to entertain students or occupy their free time. It is a thoroughly planned and thought through activity aimed also at developing professional skills. Student professional unions created by the chair is an important tool for achieving this goal. As an example below we include a several month extract from working plan of one of them, "Politician and diplomat" (table 2).

Table 2

Working pean

Date	Session topic
21.09.17	"Discourse of power": introduction to political linguistic (format: roadmap)
05.10.17	Basics of political communication (format: roadmap; discussion; presentation)
19.10.17	Typological characteristics of political communication (format: case study)
02.11.17	Text as a tool of influence (format: master class)
16.11.17	Diplomat's active dictionary (format: training)
30.11.17	Diplomacy: its mission and challenges of modern times (format: discussion; presentation)

Student professional unions' work is no substitute for regular classes: it plays a supportive and developing role; it helps better understand the theoretical information taught in classes due to the usage of concrete examples or by changing the perspective. Diverse formats of interactive learning help digesting the information and better memorizing it,

add a creative element to the learning process, form skills of a joint co-creation of a scientific product: presentations, reports and even scientific publications. Besides, this form of activity offers opportunities for steady progress in achieving upbringing goals.

We would like to point out the diversity of upbringing activities. Besides traditional disputes, exhibition visits, excursions, new interesting formats are introduced:

— A search map. First ideas about using semantic networks in learning were introduced by American psychologist David Ausubel in 1960. He proposed that learning materials should help link new and already known information by comparing and uncovering links between the two. (<http://tip.psychology.org/ausubel.html>). Ausubel proposes to present general concepts in form of a flowchart with fundamental concepts placed in key points and arrows representing links between them. For each arrow it is specified what kind of link it represents (consequence, type, attribute, function etc.);

— Presentation/discussion. Combining these two formats can yield interesting results (work in progress);

— Case study. Harvard School of business was the first to introduce in 1908 case studies to learning process. In Russia this technology was introduced only in the past 3—4 years. It is a form of problem/situation analysis based on learning by solving concrete situations/problems (cases). Its main goal is to boost the ability of finding a solution for a problem by analysing available information;

— Master class. It is a peculiar format of generalization and transfer of pedagogical experience. It is based on a thoroughly elaborated original method with its own principles and structured in a particular way. It is different from other format of experience transfer in that during master class occurs a real time discussion on the outcome; teaching master and students are all involved in a creative search for solution to a problem;

— Lexicographic training etc.

3. Let's look closely at one of these formats. We have already touched upon discussion as a form of teaching Russian as a foreign language. However, discussion as an extracurricular activity has some distinctive traits and is in many ways different from discussion as it is used in teaching Russian as a foreign language. Below we look at these traits in more details since many activities use this format according to the Roadmap:

The discussion was part of the learning process since antique times. Its goal, however, was to identify differences and find the truth in a process of exchanging ideas and opinions about a concrete topic between two or more people. This is reflected in the definition of discussion formulated by the dictionary "Political psychology": DISCUSSION (political dispute), from Latin discussion: consideration, research. A conversation on a pre-determined controversial topic or unsolved problem with a goal of finding the share of truth in each of presented viewpoints and coming to a shared opinion.

For teaching foreign students the Russian language coming to a shared opinion is not relevant: the process itself, i.e. preparation and participation in the discussion is much more important. For a discussion as a form of extracurricular work the exact opposite is true. In this case the discussion is used with its original purpose and its form is secondary.

We have described in an article the difficulties which we faced when organizing a discussion in a group of students studying Russian as a foreign language. Analysing this experience we came to a conclusion that similar problems, mostly related to low student

activity, may arise when organizing a discussion with upbringing goals. Below we briefly list these difficulties:

- Weak fact knowledge (“I didn’t know what to say”, “I was ill and couldn’t prepare” etc.)
- Low general erudition (“the student X. Has already told it all”, “they [other students] have already got it right without me”);
- Weak language skills (“the student Y spoke too fast, I didn’t understand anything”, “It is difficult for me to say it in Russian”);
- Lack of ability to enter the discussion (“they spoke all the time and didn’t listen to me”);
- Traits of character (“I didn’t want to interfere, they were saying all those very interesting things”).

However, we also encounter new problems:

- Avoiding conflict (“I do not agree with X’s opinion but I didn’t want to argue”)

Despite the differences, the requirements for preparative work remain high.

First, the teacher must select a topic which is:

- a) interesting and relevant for all students taking into account their national traits (culture, religion, family values etc.)
- b) sufficiently narrow, so that students could draw conclusions during a single session;
- c) allowing for different points of view. It should not have a single straightforward solution.

Second, the preparation work is compulsory; under teacher’s obligatory supervision students must select materials for an in-depth knowledge of the topic. The preparation may take a format of individual assignments for students, like reading an article selected by a teacher and making an extract or quotes from the article to support the argument etc.

Third, it is necessary to continuously teach the students special language clichés used in scientific or public speech (agreement/disagreement, assertiveness, hesitation etc.)

We have tried to introduce a number of practical tasks and assignments related to this work in the following text books: L. Anipkina “Russian language for sociologists” [1] and L. Anipkina, T. Romanova “Russian language for historians” A Russian language text book for foreign history (Medium Ages, History of Religion) students [2]. These exercises will help students enter the discussion in a more assertive way and conduct it in a stylistically correct manner. We used here some methods of creativity studies for a better effect [3–5].

Once the preparatory stage is completed, the discussion can be kicked-off. There also are several important points to pay attention to.

The teacher naturally takes the role of moderator, with the task of guiding the course of the discussion. The most important role of teacher in this process is to shift focus from the format of the discussion to following rules of political correctness and tolerance. The teacher should block all attempts of the participants to make the discussion personal. It is important for the teacher to avoid imposing her or his own point of view and correcting errors not related to miscommunication thus breaking the line of argument and the rhythm of the discussion. It is recommended to use, as a supportive material, a table into which the teacher will fill key discussion points which all participants can refer to. Teacher’s goal is to involve all students in the discussion, to offer everybody an opportunity

to speak up (hence it necessary to set a time limit for individual arguments, depending on the number of participants). The teacher also needs to make sure that the discussion comes to a logic conclusion and formulate key take-outs, if those are not formulated by students themselves.

Unlike the discussion used in Russian as a foreign language classes, the extracurricular discussion should not use a dedicated preparatory stage or the aftermath review.

When reviewing this type of activity (discussion) with students we established that it triggers the interest toward the topic (“thank you, it was very interesting”, “shall we have more discussions on other topics?”, “where did you find these materials, X? Please share the link, I want to read it through”); it raises motivation for further investigation of the topic and for active creative work (“Next time can I talk about... ?); sometimes it also leads to changing opinion after listening to opponents’ arguments.

We can draw a conclusion that discussion is a very efficient type of interactive work and it is well worth the additional effort for its preparation and organization.

There are ideas to combine presentation with elements of discussion. It is expected that this approach, combining the illustrative presentation of materials with discussion interactions will raise the learning and upbringing efficiency (work in progress).

4. Another popular format of extracurricular activity is visits to exhibitions or musea. The Roadmap refers to it where it comes to familiarizing students with the city and with Russian culture. We have made several observations in this respect. Traditionally University’s chairs organize events related to the anniversary of the victory of Russia in the WWII. In our chair, we organize a visit to the Museum of Defence of Moscow. This excursion always triggers interest of foreign students since they either just know dates of this historic event or nothing at all. First time when we visited the museum we ordered a guided tour, and the guide was warned about the specifics of the audience. But the museum employee decided by mistake that the excursion we needed was the same kind they organize for Russian high school students. Our students were averse to the “preaching” tone of the guide; the excursion was lengthy and overloaded with dates which lead to a fatigue. After analysing the mistakes of this failed experiment we decided that it would be more appropriate to guide the tour ourselves. First, the students are used to the tone and voice of their teacher who also only uses familiar vocabulary which makes it easier to digest the facts. Second, the teacher is capable to focus on those elements of exhibition which are in line with her or his educational goals (learning, corrective or emotional) for a concrete group of students. The teacher must trigger the interest of students by asking questions (“what would you do if you were in place of...”, “what decision would you take in this situation...” etc.). Third, the teacher can monitor the fatigue of the students rather than talking through all dedicated timeframe as professional guides do. The fatigue caused by overload with excessive amount of information is counterproductive and might discard all positive effect of the event by creating a negative impression. Undoubtedly, this kind of work requires a thorough preparation: the teacher needs to know the facts, familiarize her or himself with the exhibition, both permanent and temporary, be ready to react quickly and answer “awkward” questions in a right way. However, despite the difficulties, this type of activity is fairly popular and yields good results as survey results and students’ feedback prove (“I liked it very much...”, “Thank you, it was very interesting...”, “I didn’t realize that...”, “Can you please say again what was that book you recommended... about

the war I mean”). We should also note that surveys on results — in diverse formats and level of details — are a must have component of any activity. They will not only reflect the emotional attitude of students but also will help checking the level of understanding. From students feedback the teacher will see whether the goals of the event were achieved.

5. The chair’s quiz “Humourine” has always been very popular among students. This event, despite its pronounced entertaining character, sets important learning and upbringing goals. It both triggers the interest towards learning Russian and helps understand the humour of native Russian speakers. It is not always easy for foreigners to tell an innocent joke from insult when it is told to them or when they try to tell it in Russian.

The main amount of work is done during at a preparation stage. The first “homework” requires a particular teacher’s attention. Most people use jokes in a day-to-day communication, in life, in learning or at work. A joke helps overcome a tension which might arise in a course of a dispute.

However, one should never forget that each person has a national mentality with all characteristic traits of that mentality, and different logics and mentalities can come into a conflict. Bearing this in mind is a necessary condition for successful communication between Russian and foreign students who represent very diverse cultures.

For that reason, when preparing foreign students for this task it is important to explain social and cultural traits of humour in students from different countries, explain how to avoid awkward situations and errors when telling jokes or reacting to other’s jokes — both during the study in the University and also later, in professional communication.

These topics are covered in a discussion on characteristic traits of humour in different countries, in different social and cultural spaces.

There are psychological researches which answer the question: what is funny? Why some people understand the humour and other do not? Does the presence of the sense of humour depend on one’s educational level?

Any good joke has an element of surprise at the end which triggers laugh. It is useful to note that Russian humour is mainly based on wordplay and pun rather than on a sense of superiority or abstract concepts. This makes it more difficult to translate Russian jokes into foreign languages or to explain their sense to a non-native speaker.

Although jokes might be a deviation from a neutral linguistic and sociocultural standard, and people often laugh at foreign cultures, this kind of jokes needs to be strictly avoided because it can be offensive for people with a different cultural background. Certain topics in certain countries may be an absolute taboo for jokes. Almost in any culture there are jokes about family relations. In Russian culture mocking the mother-in-law (wife’s mother) is very common although jokes about husband’s mother are practically non-existent. But for the Vietnamese for example this kind of jokes might be offensive since a mother-in-law is one of the most respected Vietnamese family members. It is preferable to recommend students using neutral, non-personal jokes which cannot offend their companion and do not ridicule speaker’s own country but just demonstrate a healthy sense of humour.

The format of the “homework” is also important. The attempts to make it similar to professional humourists’ performance, where the jokes follow one another in cascade, failed since foreign spectators could not follow and understand the humour. A role play of comic scenes or anecdotes proved to be more successful.

Other tasks of the quiz are mostly aimed at triggering students' interest to learning Russian. Examples of these tasks are included in the appendix.

6. Slavic script days — “Samizdat” fair — is a proud of our chair. It is organized under supervision of Professor U. Bakhtikireeva. Examples of students' work can be seen on chair's website.

7. A traditional event, warmly supported by students, is narrative competition dedicated to S. Esenin's anniversary. Its main goal is to familiarize students with Russian poetry and to demonstrate the characteristic traits of Russian mentality: love for the nature, proud for the native land, ability to see beauty in small things. An additional goal is to maintain succession between students of different years: graduating students who already participated in this event in the previous years, act as supervisors for first year's students when preparing for the competition.

According to the same principles it is planned to also include in the competition (or perhaps even organize a separate competition) reading of poems of foreign authors (translated into Russian). This allows discovering similarities between Russian and foreign mentality thus strengthening the educational effect of the event.

RESULTS AND CONCLUSION

In a conclusion we would like to name a key element of the extracurricular work: strictly avoiding any form of compulsion. Teacher's role is to create an atmosphere which triggers students' desire for participating in this kind of activity. This is a necessary condition for making the extracurricular work efficient and useful. We would like to emphasise the fact that, although the Roadmap introduces very useful elements of structuring and fostering the extracurricular activity, the end result must not be judged upon paper reports on a number of completed events. Even winning the inter-chair competition should not be seen as an extraordinary success story. Only creation of a positive image of the University and the country in a world educational and political space will be an ultimate prove of success of the extracurricular work.

Appendix 1

To the report of completion of the medium term development program, section V: extracurricular activity in 2013 (as per December 3, 2013).

Faculty of social and humanitarian studies

KPI 5.2. Number of events organized for students outside the University (visiting shows, theatres, exhibitions, galleries, scientific centres, laboratories etc.) and percentage of students who participated in these events (% of the total number of students)

№	Name of event
1	Visit to museum “Battle of Borodino”
2	Visit to skating ring “Dynamo”
3	Visit to museum of Ethnology and Anthropology of the Academy of Sciences of Russia
4	Visit to a cinema, watching and discussing the movie “Les misérables”
5	Visit to the exhibition “French clocks” in the State Museum of History

KPI 5.3. Number of excursions for students (including excursions to musea) and percentage of students who participated in these excursions (% of the total number of students)

№	Name of excursion
1	Excursion for foreign students to Yasnaya Polyana (Tula region)
2	Excursion to Museum of Eastern art
3	Excursion to museum estate of Leo Tolstoy
4	Excursion to Musum of Ethnography of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Academy of Sciences of Russia
5	Excursion to the State Tretyakov gallery. Exhibition of paintings and graphics from the collection of the Kramskoy Art museum of the Voronezh region as part of the project "The Golden map of Russia". Peter Nilus: "capturing the elusion"

KPI 5.4. Number of faculty lecture houses:

5.4.1. — on history and culture of peoples of the world;

5.4.2. — on topics of general culture and civil and patriotic topics.

№	Name of lecture house
5.4.1	
1	Ethnology and problems of social evolution
2	Actual problems of modern culture
5.4.2	
1	role of personality in history
2	Ethical problems in modern society

KPI 5.5. Number of Russian and foreign language Olympiads

№	Name of Olympiad
1	Russian language Olympiad for foreign students
2	Faculty English language Olympiad
3	Faculty French language Olympiad

KPI 5.7. Number of professional student unions

№	Name of student union
1	Student sociology bureau
2	Club of Political consulting
3	Study of Museology

KPI 5.8. Number of art and creative unions, circles, clubs, sport clubs, sport teams

№	Name
5.8.1	
1	Philosophy circle "Mosaic"
2	Circle "Creative industry"
3	Art union "The diamond of the Faculty"
5.8.2	
1	Faculty team of athletics
2	Faculty arm-wrestling team
3	Faculty swimming team
4	Faculty voetbal team
5	Faculty volleyball team

KPI 5.9. Number of student support programs:

5.9.1. — number of scholarship programs and programs of financial support for students.

Appendix 2

Section IV. Education and formation of the World elite.

Faculty of Social and Humanitarian studies

Task № 1

Development of upbringing potential of the learning process and of the upbringing role of teachers and chairs in work with students

Event № 1.3. Inclusion of general humanitarian topics in the curriculum; Interactive forms of teaching, organization of professional student competitions (the table also includes columns “responsible person”; “units of measurement”, “results and timing”).

№	Goal
1.3	Inclusion of the following topics in the curriculum of humanitarian studies:
	History and geography of Russia;
	history and geography of students' countries of origin
1.3a	Inclusion of general humanitarian topics in the curriculum
	Work and personal ethics of a professional
	RUDN's and its professors', teachers' and alumni's history and achievements
	Work ethics
	Characteristic traits of the major class in students' country of origin
1.3.b	Organization of professional student competitions
1.3c	Students' participation in professional competitions outside the University
1.3.d	Organization and completion of trainings of communication skills, conflict management, intercultural communication and tolerance

Task № 2

Improvement of organization of faculty's and chairs' upbringing work

Event № 2.1. Inclusion of general humanitarian topics in the curriculum; Interactive forms of teaching, organization of professional student competitions

2.1e	Student project competition
2.1f	Publication by the chair of textbook “Higher school ethics” (V. Zvyck)

Event № 2.3. Developing activity of professional student unions

2.3	Number of student unions
2.3a	Participation of students of the Faculty in scholarship programs and competitions

Event № 2.4. Interactive events aimed at students' professional and corporative development

2.4a	Number of meetings and master classes with celebrities from Russia and the rest of the world and with prominent alumni
2.4b	Number of Profession days (according to specialization) tied to professional celebration days etc.
2.4c	Number of student participating in professional orientation activity outside the university (exhibitions, schools etc.)

Task № 3

Development of an efficient system of academic and social adaptation of the students

Event № 3.2. Planning and implementation of a series of activities aimed at familiarizing foreign students and students from other cities of Russia with the city of Moscow.

3.2a	Percentage of first year students who participated in lectures and excursions aimed at familiarizing students with the city of Moscow

Event № 3.4. Implementation of the program of orientation for first year students

3.4a	A survey for first year faculty students to evaluate the results of the orientation program
	Level of satisfaction of first year students after participating in the orientation program

Task № 4

Development of creative initiative of the students, their involvement in different types of social activity within and outside the University

Event № 4.1. Broadening the format of inter-cultural dialogue among students (in classes, in day-to day life and in social life).

4.1b	Inclusion in the curriculum of general humanitarian courses “Rhetoric”, “Art of speech”

Event № 4.2. Involving students in projects and competitions outside the University

4.2	Number of prizes won by students in different competitions outside the University, including: — Social and professional competitions; — Creative competitions

Task № 5

Developing the motivation and supporting student and student union social activity

5.1b	Organization of team building events for students and post-graduate students

Event № 5.5. Support for student organizations and activists

5.5a	Identifying leaders using social metrics

Task № 6

Development of modern IT resources and formats of interaction with students

Event № 6.1. Organization of interaction with students using IT resources including student media, corporate portal Office-365, online communities etc.

6.1a	Number of professional student online communities in each study year
6.1b	Organization and maintenance of online communities of student professional unions
6.1c	Number of micro surveys completed on corporate portal Office-365
6.2	Encouraging the usage by student unions of faculty and chairs' online resources for a widest distribution of information about events

Task № 7

Fostering interaction with alumni and unions of alumni in foreign countries based on corporate identity “Alma Mater”

7.1a	Creation of the system of involving alumni in participation in international QS ratings
7.1b	Continuous update of information in alumni database, including databases of the chairs
7.2	Contribution to creation of online magazine “RUDN alumni”

Appendix 3

Example of Russian as a foreign language competition tasks.

1. On a class board is put a colourful poster with a mixture of syllables written on it. The task is to create the maximum number of words using the syllables within a time limit. Each team assigns a group of 2-3 people to the task. Attention: the words that can potentially be created must be known to students. The syllables should not trigger negative associations. It is necessary to exclude a chance of creating an unexpected bad word.

2. In a bag are put items used in a day-to-day life (for example: a hammer, a screwdriver, a chisel, a corkscrew, a can opener, a hair curler, a pin, knitting needles, a dough roller, a cork etc.) The participants approach one by one and without looking pull out one item. The task is to name the item and to explain what it is used for. The results can be very amusing when including items which were commonly used in the last century but less widespread in modern days (a detachable pan handler, a tea strainer, a thimble, a whisk etc.)

© Anipkina L.N., Shchennikova N.V., 2018

REFERENCES

1. Anipkina, L.N. 2001. Russian Language for Sociologists, Moscow, RUDN publishing. Print. (in Russ.)
2. Anipkina, L., and T. Romanova. 2007. Russian Language for Historians. Moscow. Print. (in Russ.)
3. Buzan, T. 2001. The Power of Creative Intelligence. 10 Ways to Tap into Your Creative Genius, London. Print.
4. Csikszentmihalyi, M. 2013. Creativity. The Psychology of Discovery and Invention, New York. Print.
5. Snyder, B. 2005. Save the Cat: the last book on screenwriting you'll ever need, Michigan: Michael Wiese Productions. Print.

Article history:

Received: 06.03.2018

Accepted: 12.06.2018

Moderator: S.V. Dmitryuk

Conflict of interests: none

For citation:

Anipkina, L.N., and N.V. Shchennikova. 2018. “On Education”: A Look From Higher School’s Point of View”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 15 (3), 354—371. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3-354-371

Bio Notes:

Lada Nikitichna Anipkina is a PhD, Assistant Professor, Assistant Professor at the Department of Russian Language and Intercultural Communication of the Faculty of Humanities and Social

Sciences of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: lada-i-dima@mail.ru

Nina Viktorovna Shchennikova is a PhD, Senior Lecturer at the Department of Russian Language and Intercultural Communication of the Faculty of Humanities and Social Sciences of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: ninashenn@gmail.com

«О ВОСПИТАНИИ» В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Л.Н. Анипкина, Н.В. Щенникова

Российский университет дружбы народов (РУДН)
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Статья посвящена проблеме образования и воспитания студентов во внеучебной деятельности. Авторы представляют методологические кейсы, основываясь на собственном многолетнем педагогическом опыте. Большое внимание уделено принципам наиболее эффективной организации внеучебной деятельности студентов. Настоящая работа — презентация годовой программы РУДН по воспитательному блоку. Ее эффективность подтверждена эмпирически.

Ключевые слова: воспитание, образовательный кейс, внеучебная деятельность, креативность

История статьи:

Поступила в редакцию: 06.03.2018

Принята к публикации: 12.06.2018

Модератор: С.В. Дмитрюк

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Анипкина Л.Н., Щенникова Н.В. «О воспитании» в высшей школе // Полилингвильность и транскультурные практики. 2018. Т. 15. № 3. С. 354–371. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3-354-371

Сведения об авторах:

Анипкина Лада Никитична — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Российского университета дружбы народов. E-mail: lada-i-dima@mail.ru

Щенникова Нина Викторовна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Российского университета дружбы народов. E-mail: ninashenn@gmail.com

DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3-372-380

AUTOMATED VOCABULARY EVALUATION IN A LEARNER CORPUS

O.I. Vinogradova

Research University Higher School of Economics
20, Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation

When learners of English have to write texts in academic English, and in preparation for written parts of English examinations in particular, students need feedback when they submit their written works. Besides tips concerning content, coherence, and cohesion, grammatical range and accuracy, all of which are standardly included in instructor's comments, students need advice on directions towards lexical improvements. However, such feedback requires a huge amount of time and effort on the part of instructor, whose workload is heavy enough to make any extra effort undesirable. A learner corpus may help in this, as its wealth of student texts allows researchers to make use of the many samples of student writing by applying certain computer tools. This paper reports the development of a system of automated lexical inspection of student works. Initially, we used essays in the corpus to work out which formal parameters in the essays demonstrate in what ways essays that have been evaluated highly by the examination experts can be distinguished, and then we applied those parameters in the process of automated inspection, after which we proceeded to checking the correlation between the inspection results and the traditional grading. Finally, after a system of lexical inspection of student essays was established, which paves way to the development of automated lexical feedback in order to orient students in how to improve the quality of their writing.

Key words: learner corpus, lexical proficiency, corpus research, feedback on student essay

1. INTRODUCTION

The role of access to a learner corpus has proved to increase efficiency of L2 acquisition for learners as well as teaching efficiency for EFL instructors [1; 2]). This paper presents a computer tool for a learner corpus designed at the computer linguistics department of the Higher School of Economics for both categories of users.

REALEC, Russian annotated Learner Corpus, set up at the School of Linguistics, is the first collection of English texts written by Russian students learning English easily available in the open access at (<http://www.realec.org/>). All errors made by Russian students in their academic writing in English are pointed out to them with special tags by expert annotators (EFL instructors, as a rule). The annotation process is controlled by the research team responsible for consistency in tagging, as well as development of the learner corpus. One of the directions of the development is to look at the lexical features used in student essays. Our approach in this research was to find such lexical features in the essays scored highly by experts which will be different from those features in the essays scored with the lowest grades.

Methods and related research

The essays for the research were those from the past examination in IELTS format administered to 2nd-year Bachelor students at the Higher School of Economics. Each student had to write two essays — the description of an illustration showing results of a particular research, about 150 words long, and an argumentative essay, about 250 words long, both within the period of one hour. After the examination, the essays were evaluated by EFL experts and assigned a grade for either task in the percentage points. For the purposes of the experiment, two groups of essays were selected — those that the experts graded at 75% or higher, and the those with grades of 30% or lower. We designed a special procedure of lexical inspection, i.e. computing the performance of a set of lexical features commonly applied in automated evaluation of a written text. The adjacent field — comparisons of student texts with authentic academic texts — were reported by Canadian researchers from University of Grenoble-II Benoit Lemaire and Philippe Dessus in their work which presents Apex, a system for automatic assessment of a student essay based on the use of Latent Semantic [3]. The procedure was called REALECInspector, and the essays in either group were subjected to it. The results of this inspection in two groups were compared with each other. The code for REALEC Inspector was developed from the automated readability system suggested by Konstantin Druzhkin [4; 5].

The choice of the parameters to be included in evaluation is discussed in [6—9].

For the purposes of our experiment the comparisons were drawn across the following features:

- Length of words;
- Length of sentences;
- Distribution of words across the Common European Framework scale levels (A1-C2);
- Frequency of each word in the Corpus of Contemporary American English;
- Use of academic vocabulary from the two lists — the Coxhead Academic Word List in [10; 11]) and in list included in the Corpus of Contemporary American English (COCA);
- Repetitions;
- Use of linking words;
- Use of collocations (as attested by the presence on the Pearson academic collocation list).

The objective of our experiment was to establish the correlation between the grades that were given by experts and the automated evaluation of lexical content on the basis of certain criteria.

Our hypothesis was that the criteria applied in the developed application would be sufficient for a valid preliminary evaluation of lexical variability of written papers.

2. DISCUSSION

The works in the experiment consisted, on the one hand, of 45 sets (2 essays in each set — an argumentative essay and a description of a diagram or diagrams), — those that were marked by experts at 75% (out of 100%) and higher, and in the second group 900 sets (the same types of essays) marked below 75%. The results of lexical inspection application in the two groups were analysed in comparison. It was revealed that certain

characteristics (for example, the average sentence length, the number of words from academic vocabulary lists) are significantly different in the two groups, which proves that grades assigned by experts do have certain correlations with parameters that can be evaluated by a software application. For one, there are more words on average in “good” texts.

The following are the main numerical results of the comparative analysis:

There are 188 words on average in a diagram description in a “good” essay versus exactly the same number of words in a diagram description from the big collection of essays.

There are 294 words on average in a “good” argumentative essay versus 268 words on average in an argumentative essay from the big collection.

On average, sentences are longer in “good” essays: there are 21.15 words in a “good” diagram description versus 18.4 words in a diagram description from the entire collection, and 20.34 words in a “good” argumentative essay versus 18.1 words in an argumentative essay from the entire collection. The maximum sentence length is longer in “good” texts: it is 37.5 words in a “good” diagram description versus 33.14 words in a diagram description from the entire collection, and 37.4 words in a “good” argumentative essay versus 35.75 words in an argumentative essay from the big collection. All in all, the mean sentence length positively correlates with the quality of learner writing, while the extremes in the length of a sentence rather relate to poor quality in an essay.

At the same time, the average word length was approximately the same for both “good” and “average” essays in the first collection of essays, both argumentative and diagram descriptions. However, with the increase in the number of essays scored highly, the positive correlation of this feature brought us to understanding that the word length is a factor to consider when giving feedback to students. The same stands true for the longest words in the papers and the number of word repetitions.

The number of linking words in “good” diagram descriptions was recognized as a positive factor, though not overwhelmingly so — 3.6 versus 3.23. However, “good” argumentative essays demonstrate a significant difference: 8.97 versus 6.33.

The number of collocations from Pearson’s list (with repetitions) for diagram descriptions was 1.35 in “good” texts versus 0.4 in “ordinary” descriptions, and 1.62 in “good” argumentative essays versus 0.71 in “average” argumentative essays.

The number of collocations without repetitions was for diagram descriptions — 0.88 in “good” ones versus 0.71 in “ordinary” descriptions, and for argumentative essays — 1.46 in “good” versus 0.67 in “average”.

In general, “good” essays have more CEFR scale words at each level, but not many more. This is rather due to the fact that the good papers have more words altogether. So, these figures will not be considered as a separate feature for a positive feedback.

The same stands true for COCA frequencies. The “good” essays on the whole have more words at each level.

At the same time, there are notably more words from academic vocabulary lists in “good” essays: for diagram descriptions it is 43 pieces of academic vocabulary on average versus 36 (with repetitions), and 28 versus 22 (without repetitions), and for argumentative essays, the average number of academic vocabulary items is 70 versus 56 (with repetitions), and 51 versus 40 (without repetitions).

Table below gives the synopsis of the significant differences between essays scored highly and the rest of the essays.

Table

Features of “good” essays in comparison with the mean values of the rest of the REALEC essays

Parameters for automated lexical inspection	Essays scored as high as 75% and higher		Essays scored lower than 75% by experts	
	Task 1	Task 2	Task 1	Task 2
1. Number of words in the essay	188	294	188	268
2. Average length of a sentence in the essay	21.15	20.34	18.4	18.1
3. Length of the longest sentence in the essay	37.5	37.4	33.14	35.75
4. Number of academic words in the essay (with repetitions/without repetitions)	43/36	70/56	28/22	51/40
5. Number of linking words and expressions in the essay	3.6	8.97	3.23	6.33
6. Number of collocations from the Pearson academic collocation list in the essay (with repetitions/without repetitions)	1.35/0.88	1.62/1.46	0.4/0.71	0.71/0.67

The results of the comparisons between “good” and average essays have allowed us to set up an automated application called REALEC Inspector, which presents automated feedback to authors of learner texts uploaded to the corpus (argumentative essays or description of diagrams) and provides some statistical information based on the comparison of the essay’s formal features with the average figures for an essay of this type collected in REALEC, as well as offers some recommendations for improvements.

The stages of work with this application are the following.

There is an input window on its homepage with the “inspect” button to open the page for the lexical analysis.

The first thing on the page that appears after pressing Inspect button is the essay itself. Then comes the short statistics on:

- Number of words in the essay;
- Average length of a sentence in the essay;
- Length of the longest sentence in the essay;
- Average length of word in the essay;
- Length of the longest word in the essay;
- Number of words of each level of CEFR in the essay;
- Number of words from the COCA frequency lists;
- Number of academic words in the essay with repetitions and without them;
- Number of repetitions of words used in the essay. The word most frequently repeated;
- Number of linking words and expressions in the essay;
- Number of collocations from the Pearson academic collocation list in the essay.

In this list of short statistics, each line may be open to reveal detailed lists, comments, or the necessary diagrams. For the histogram of CEFR words distribution (Fig. 1), Word Family Framework was used (the possibility to use English Vocabulary Profile instead has been reserved as well), and each word is lemmatized with the help of NLTK. Stopwords

(153 on the list) are excluded. Words that the system was unable to relate with a particular CEFR level are categorized as “Unclassified” (some misspelled words are among them).

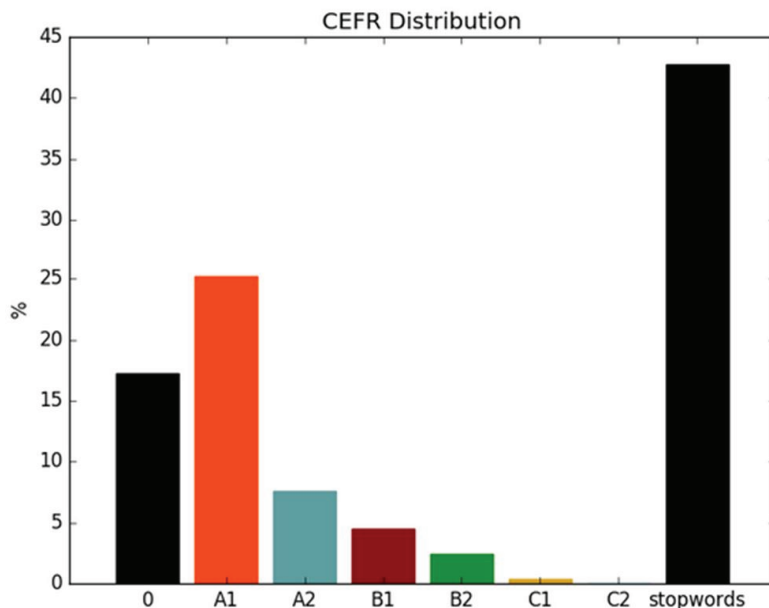

Fig. 1. Distribution of words in a short learner text by CEFR levels

For “Number of words from the COCA frequency lists” the author of the text gets the list of words from the essay that are among the 500 most frequent words in COCA, and then those that are among the 3000 most frequent words in COCA. Stop-words are again excluded. The statistics is presented in the following way:

Frequency:

1-500: 39

501-3000: 36

>3000: 47

The occurrence of academic words is the statistics drawn from the list which is a combination of two — the Academic Word List Coxhead and the Corpus of Contemporary American English. As a result, if a word belongs to either of these lists, it will be counted. The result record is returned in this way:

Academic words: 71 (51 unique)

After the number of words that have been used more than once in the essay the author will see the word that was repeated the highest number of times added to the statistics, namely:

Word repetitions: 44 (‘children’ 6)

The next lines presents an important index of the number of linking tools in the text, which looks like the following:

Linking phrases: 12

The number and the list of linking words and introductory expressions used in the essay are accompanied next by the indication of their categories (Comparison, Time and sequence, Addition, Cause and Effect, Conclusion and summary, Examples, Concession, Repetition, Giving reasons, explanations, Contrast).

The inspector then gives the number and the list of collocations from the essay if they are on the Pearson Academic Collocation List (see Fig. 2 below).

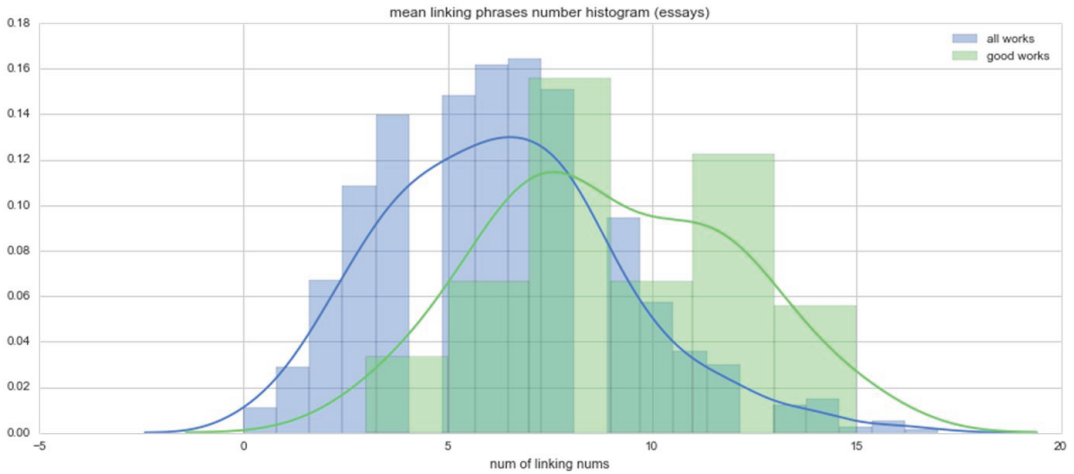

Fig. 2. Diagram showing “good” and “average” distribution of the number of collocations from the Pearson Academic Collocation List

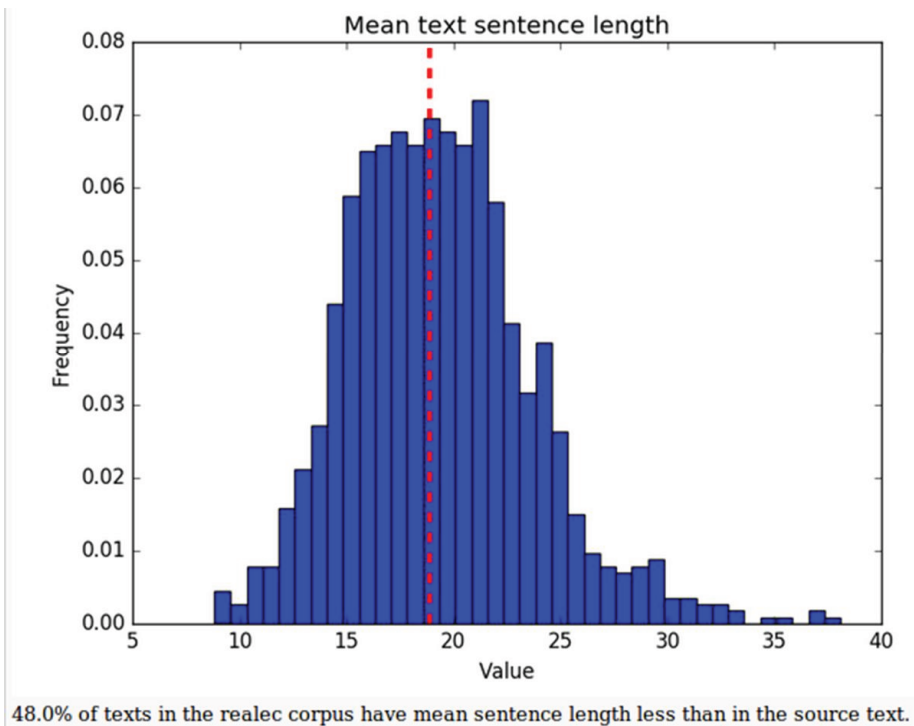

Fig. 3. Histogram for the mean sentence length in the text

If one clicks on any lines with statistics, a diagram or detailed list are presented. Fig. 3 gives the example of the distribution of average sentence length in the corpus. and one can get a similar diagram for the distribution of average word length. The red line on the diagram marks the average index in the essay under inspection for the author to compare with other essays. The comparison can also be numerical, as percentage is given here as well. For example, if under the diagram with the average sentence length there is a figure of 90%, it means the average sentence length is longer than in 90% of all essays in the corpus. More often than not, it is a feature of a good essay, as it implies that sentences are more sophisticated than in the majority of essays. On the contrary, low percentage number is the result of oversimplified sentence structure and has to be pointed out to the author as deficiency.

The last stage of inspection implies the use of syntactic parser UD pipe, which will be described in detail in a separate publication, but we need to mention it here, because the combination of the statistical analysis described above and the results of parsing account for final recommendations to the author, which — in case of mostly positive — may look like this:

You have sufficiently complex sentences in your essay. Keep it up!

3. CONCLUSION

The observations over the features of many student essays in the learner corpus have confirmed the following conclusions important for working out approaches to automated evaluation of student writing:

1. Overall, sentence length and numbers of linking words, collocations, and academic words are larger in essays highly evaluated by experts.
2. Word length and number of repetitions are insignificant as indicators of the writing proficiency.
3. The numbers of words at each CEFR level and of those with high COCA frequency are greater in essays highly evaluated by experts.
4. All parameters in automated inspection except word length are valid in distinguishing essays scored highly by experts, so the application can work as the preliminary stage in evaluating writing proficiency, but not instead of expert evaluation. Nevertheless, REALECInspector makes up a good suggestion for students' independent work on how to expand their writing potential.

With independent training in mind, we are thinking of introducing a few more computer tools that will be of use in the process of writing an essay in the corpus, which will increase the convenience of writing in the corpus in future — time management system, instant demonstration of low-profile features like superfluous repetitions, misspelled words, etc.

© Vinogradova O.I., 2018

REFERENCES

1. Granger, S. 2012. "How to use Foreign and Second Language Learner Corpora". In A. Mackey and S.M. Gass (eds), *Research Methods in Second Language Acquisition: A Practical Guide* Blackwell, Oxford. Ch. 2. Pp. 5—29. Print.

2. Granger, S., G. Gilquin, and Meunier, F. (Eds.). 2013. “Twenty Years of Learner Corpus Research. Looking Back, Moving Ahead”: Proceedings of the First Learner Corpus Research Conference. Vol. 1. Presses universitaires de Louvain. Print.
3. Lemaire B., and P. Dessus. 2003. “Modèles cognitifs issus de l’analyse de la sémantique latente”. In *Cognito — Cahiers Romains de Sciences Cognitives*, In Cognito, INPG, 46 Avenue Felix Viallet, 38031 Grenoble Cedex. 1(1): 55—74. Web: <http://www.in-cognito.net/new/index.php>
4. Druzhkin, K.Yu. “Readability: onlajn-servis” [Readability]. Web: <http://web-corpora.net/wsgi3/readability/index>
5. Druzhkin, K.Yu. 2016. “Metriki udobochitaemosti dlya russkogo yazyka” [Readability Metrics for the Russian Language]. Master’s Thesis, NRU HSE, Moscow. Web: <https://www.hse.ru/edu/vkr/184791276>
6. McCarthy, P.M., and S. Jarvis. 2010. “MTLD, vocd-D, and HD-D: A Validation Study of Sophisticated Approaches to Lexical Diversity Assessment”. In *Behavior Research Methods*. 42 (2): 381—392. Print.
7. Lavallée, M., and K. McDonough. 2015. “Comparing the Lexical Features of EAP Students’ Essays by Prompt and Rating”. *TESL Canada Journal*. 32 (2): 30—44. Print.
8. Crossley, S.A., T. Cobb, and McNamara D.S. 2013. “Comparing Count-based and Band-based Indices of Word Frequency: Implications for Active Vocabulary Research and Pedagogical Applications”. *System*: 41(4): 965—981. Print.
9. Vongpumivitch, V., J.-Y. Huang, and Chang Y.-C. “Frequency Analysis of the Words in the Academic Word List (AWL) and non-AWL Content Words in Applied Linguistics Research Papers”. In *English for Specific Purposes*. 28 (1): 33—41. Print.
10. Coxhead, A. “A New Academic Word List”. *TESOL Quarterly*. 34 (2): 213—238. Print.
11. Coxhead, A. “The Academic Word List 10 Years on: Research and Teaching Implications”. *TESOL Quarterly*. 45 (2): 355—362.

Article history

Received: 02.10.2017

Accepted: 27.05.2018

Moderator: O.A. Valikova

Conflict of interests: none

For citation:

Vinogradova, O.I. 2018. “Automated Vocabulary Evaluation in a Learner Corpus”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 15 (3), 372—380. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3-372-380

Bio Note:

Olga Ilinichna Vinogradova is a PhD in Philology, Associate Professor of the School of Linguistics, Research University Higher School of Economics. E-mail: olgavinogr@gmail.com

АВТОМАТИЗИРОВАННАЯ ОЦЕНКА ЛЕКСИКОНА ОБУЧАЮЩИХСЯ ПРИ ПОМОЩИ УЧЕБНОГО КОРПУСА

О.И. Виноградова

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики
Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

При обучении академическому английскому языку студентам необходима обратная связь в процессе предоставления письменных работ. Это касается оценки содержания работы, релевантности теме, грамматической согласованности и точности. Все перечисленные критерии, как правило, включены в комментарий инструктора. Обучающимся также необходимы подробные комментарии по улучшению лексических навыков. Такая обратная связь требует существенных усилий и временных затрат со стороны преподавателя. Эффективным инструментом в таком случае может выступить учебный корпус, насчитывающий многочисленные образцы студенческих работ в самых разных жанрах. В настоящей статье представлена информация о разработке системы автоматизированной проверки студенческих работ. На материале жанра эссе мы выделили параметры, которые учитываются экспертами при оценке работ такой направленности. Эти параметры были введены в систему автоматизированной проверки, после чего была произведена корреляция полученных результатов с традиционной системой оценок.

Ключевые слова: учебный корпус, лексическое мастерство, исследование корпусов, отзывы о студенческом эссе

История статьи:

Поступила в редакцию: 02.10.2017

Принята к публикации: 27.05.2018

Модератор: О. А. Валикова

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Виноградова О.И. Автоматизированная оценка лексикона обучающихся при помощи учебного корпуса // Полилингвильность и транскультурные практики. 2018. Т. 15. № 3. С. 372—380. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3-372-380

Сведения об авторе:

Виноградова Ольга Ильинична — кандидат филологических наук, доцент Школы лингвистики факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ. E-mail: olgavinogr@gmail.com

DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3-381-386

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ИНТЕРНЕТ-НЕОЛОГИЗМЫ И ФОРМИРОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО БИЛИНГВИЗМА

А. В. Сычёва

Северо-Восточный государственный университет
Российская Федерация, 685000, Магадан, ул. Портовая, 13

Рассматривается лингвокультурологическая специфика новой англоязычной интернет-лексики в контексте обучения искусственному субординативному билингвизму. Цель работы — выявление значения национально-культурного компонента новой лексики интернет-пространства в обучении иностранным языкам и подтверждение практической значимости таких неологизмов в освоении английского языка. Рассматривается знаковая природа неологизма и его семантико-прагматические особенности. Кроме того, анализируются лингвоспецифические характеристики англоязычных неологизмов информационного пространства и IT-технологий, а также семантика интернет-неологизмов, которые послужили материалом настоящего исследования. При проведении исследования применялись следующие методы: метод сплошной выборки, лексический анализ и компаративный лингвостилистический анализ. Основные результаты исследования заключаются в обосновании эффективности внедрения IT-неологизмов и технологий для успешного формирования двуязычной личности.

Ключевые слова: язык, билингвизм, интернет, неологизм, культура, знак, семантика, прагматика

1. ВВЕДЕНИЕ

В современном мире глобальных коммуникаций и открытых информационных границ особое значение приобретает проблема билингвального образования, поскольку человек, свободно владеющий двумя языками и хорошо знающий культуру двух стран, обладает большими возможностями интеллектуального, эстетического и нравственного развития.

Исследователь проблем билингвизма К.З. Закирьянов полагает, что «задача формирования билингвальной личности в процессе обучения языкам не замыкается лишь педагогическими рамками — она выходит далеко за пределы методических задач» [1]. Одним из важнейших условий успешного формирования билингвальной субординативной личности в учебном процессе является понимание неразрывности языка и культуры. Бурное развитие науки и техники наряду с информатизацией общества привело к появлению целого массива новой лексики интернет-пространства, которая весьма часто не относится исключительно к терминологии IT-специалистов, а применяется пользователями Всемирной паутины. Подавляющее большинство неологизмов данной сферы употребления имеет англоязычное происхождение.

Целью настоящей статьи является выявление значения национально-культурного компонента новой лексики интернет-сообщества в обучении иностранным языкам и обоснование практической значимости таких неологизмов в освоении английского языка.

Материалы и методы. Материалом исследования являются многочисленные неологизмы, проявившие в информационном пространстве интернета на протяжении последних нескольких лет.

Основными методами исследования выступили: метод сплошной выборки, лексический анализ, а также компаративный лингвостилистический анализ. Следует отметить, что данная проблематика на использованном нами материале в научной литературе ранее не освещалась.

2. ОБСУЖДЕНИЕ

По мнению В. А. Масловой, «язык теснейшим образом связан с культурой: он прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее» [2. С. 9]. Исследователь называет культурную коннотацию основным фактором осуществления связи языка с национальной культурой. В.А. Маслова под термином «культурная коннотация» понимает интерпретацию денотативного и образно-мотивированного аспектов значения в категориях культуры [2. С. 51]. Именно культурная коннотация придает культурно-значимую маркированность значениям определенных слов. В этом компоненте отражается национально-культурная специфика восприятия народом тех или иных реалий.

Можно предположить, что в семантической структуре номинативных единиц любого языка присутствует экстралингвистическое содержание, которое прямо и непосредственно отражает обслуживаемую языком национальную культуру. Эта часть значения слова называется национально-культурным компонентом, а номинативные единицы языка, содержащие такой компонент, принято называть лексикой с национально-культурным компонентом семантики.

А.Д. Райхштейн, в свою очередь, отмечает, что лингвоспецифические слова отражают и передают образ жизни, характерный для некоторой данной языковой общности, и могли бы рассматриваться как своего рода свидетельства о каких-то особенностях соответствующей культуры. Основными признаками такой лексики являются безэквивалентность и национально-культурная маркированность [3. С. 70].

С ускорением темпов научно-технического прогресса язык начал активно обогащаться специальной новой терминологией, которая со временем из узкого круга вышла в широкие массы мировых потребителей технологических благ и часть которой попала даже в категорию сленга. Как известно, большая часть лингвоспецифических неологизмов информационного пространства и IT-технологий имеет англоязычное происхождение. Это напрямую связано со статусом английского языка *lingua franca* и колоссальным количеством пользователей и IT-специалистов из США и Великобритании, занимающих лидирующие позиции в мире по созданию программного обеспечения и использованию интернета. Сле-

довательно, информационное пространство и новейшие компьютерные технологии являются неотъемлемым компонентом англоязычной лингвокультуры, генерирующей появление маркированных слов, которые уходят в виртуальное пространство других стран и являются вспомогательным и весьма эффективным средством формирования двуязычия.

В контексте билингвального образования необходимо затронуть семантико-прагматический аспект изучения новой лексической единицы. Говоря о таком неологизме как о знаке, отметим, что семантика англоязычного интернет-неологизма в период его стартового употребления может вызывать трудности не только в языке перевода, но и непосредственно в языке его возникновения. В таком случае незаменимы разъяснения автора неологизма, а если таковой отсутствует, необходимо прибегнуть к морфологическому и семантическому анализу новой лексической единицы. Заметим, что под семантикой здесь подразумеваем и то, как смыслы этих отдельных знаков связаны со смыслом целого текста и их смысл в отрыве от текста.

Что касается прагматики слова как знака, то Ю.А. Шрейдер, например, считает, что она связана с изучением категории полезности, ценности, интерпретации и понятности знака, а также с исследованием семантической информации, где существенную роль играет вопрос об оценке информации, извлекаемой данным адресатом из текста [4. С. 43]. Если же обращаться к исследованию прагматического аспекта нового слова, то, например, по мнению Е.В. Москалёвой, прагматика нового слова отличается от прагматики традиционной лексической единицы тем, что в прагматическом значении инновации отражается след времени. Иными словами, в прагматическом значении нового слова содержится временная коннотация новизны, которая создает внутреннюю рематичность новообразований [5. С. 35]. Данное утверждение трудно оспорить, ведь неологизмы, как и другие слова, тоже могут выходить из употребления. Неологизм считается таким только до тех пор, пока он прочно не закрепится в сознании носителей языка и не перестанет быть словом, используемым только в узком кругу. В этой связи справедливым будет отметить, что интернет-неологизмы имеют тенденцию быстро терять свою новизну в силу развитости Всемирной паутины и, соответственно, переходить в плоскость мировой IT-терминологии.

В тесной взаимосвязи с семантико-прагматическим аспектом изучения новой интернет-лексики находится переводоведческий аспект. В отечественной переводческой практике в тех многочисленных случаях, когда отсутствует эквивалент перевода при передаче неологизмов с английского языка на русский, используется ряд приемов: транслитерация, транскрибирование, калькирование, прямое включение, описательный перевод.

Транслитерация — передача букв англоязычного слова посредством букв русского алфавита (barbershop — барбершоп, trolling — троллинг).

Транскрипция — передача звуков англоязычного слова при помощи букв русского алфавита (robo-adviser — робо-эдвайзер, hashtag — хештег).

Калькирование — замена морфем слова их прямыми соответствиями на языке перевода (cyberbullying — кибертравля).

Прямое включение — написание в русскоязычном тексте английского слова. Такие варианты перевода представляют собой соответствия, состоящие из двух частей: английской и русской (сбербанк-online, offline-магазин, кнопка trip/reset (в машине), сеть WI-FI).

Описательный перевод — описание средствами русского языка обозначенного неологизмом явления (narcisstick — уничижительное название штатива для селфи; Internet addiction disorder — психическое расстройство, для которого характерно навязчивое желание пользоваться интернетом и невозможность прекратить это; digital detox — время, проведенное вдали от компьютерных и других цифровых устройств; smart watch — наручные часы, которые поддерживают различные приложения, имеют доступ в интернет, могут содержать несколько датчиков).

В условиях современного технологически развитого общества при переводе новой интернет-лексики преобладают такие способы перевода, как транскрипция, транслитерация, калька и метод прямого включения, что позволяет сочетать краткость и экономичность средств английского языка с точным воссозданием семантики исходной лексической единицы. Неологизмы, требующие описательного перевода, после освоения их семантического значения большим количеством носителей языка перевода передаются преимущественно при помощи транскрипции, транслитерации или метода прямого включения (например, словосочетание carsharing ранее переводимое как «совместное пользование автомобилем», теперь транслитерируется: каршеринг).

Изучив семантико-прагматические аспекты новой лексики как знаковой системы, мы пришли к выводу, что некоторые англоязычные маркированные интернет-неологизмы раздвигают семиотические границы языка, поскольку эти языковые знаки весьма тесно и органично связаны с передаваемой ими информацией как в рамках контекста, так и вне его. Кроме того, подобные неологизмы беспрепятственно приживаются в системе других языков, в том числе и русском, и практически безошибочно ассоциируются у адресата со страной своего истинного происхождения.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Использование Мировой паутины и новейших технологий с применением англоязычных неологизмов интернет-пространства может способствовать формированию субординативного двуязычия. Эффективность такого рода неологизмов в процессе билингвального обучения объясняется также тем, что в век высоких технологий нашу речь наводнили самые разнообразные новые лексические единицы, которые мы зачастую даже не воспринимаем как нечто новое, свежее, а принимаем их появление в нашей речи как данность. Стремительное развитие IT-технологий влечет за собою столь же стремительное развитие английского и русского языков, которые включают в себя все новые слова и выражения, отражающие общие для наших культур реалии современного времени.

© Сычёва А.В., 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Закирьянов К.З.* Два феномена: билингвизм и билингвальная личность. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/dva-fenomena-bilingvizm-i-bilingvalnaya-lichnost> (дата обращения: 25.10.2016).
2. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. М.: Академия, 2001.
3. *Райхштейн А.Д.* Национально-культурная значимость слов и словесных комплексов в художественном тексте // Лингвострановедение и текст. М.: Русский язык, 1987.
4. *Шрейдер Ю.А.* Логика знаковых систем. М.: Знание, 1974.
5. *Москалёва Е.В.* Лингвопрагматическая характеристика адаптации английских и русских новообразований в текстах разных функциональных стилей: монография. Мичуринск: Изд-во Мичуринского госагроун-та, 2009.

История статьи:

Поступила в редакцию: 06.12.2017

Принята к публикации: 24.02.2018

Модератор: С.В. Дмитрюк

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Сычёва А.В. Англоязычные интернет-неологизмы и формирование искусственного билингвизма // Полилингвильность и транскультурные практики. 2018. Т. 15. № 3. С. 381–386. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3-381-386

Сведения об авторе:

Сычёва Анастасия Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии Северо-Восточного государственного университета. E-mail: nastik-80@mail.ru

CULTURAL AND SEMANTIC-PRAGMATIC SPECIFICITIES OF ENGLISH INTERNET-NEOLOGISMS IN FORMATION OF ARTIFICIAL BILINGUALISM

A.V. Sycheva

North-Eastern State University
13, Portovaya str., Magadan, 685000, Russian Federation

The article deals with actual issues of linguistic and cultural specifics of the new English Internet vocabulary in the context of artificial subordinative bilingualism. The sign-oriented nature of the neologism and its semantic and pragmatic features are analyzed. In addition, analysis of the specific language characteristics of the English neologisms of information space and IT-technologies, as well as the semantics of Internet neologisms, which formed the material of the present study, is provided. The following methods were applied in the study: continuous sampling method, the methods of lexical

analysis and comparative stylistic analysis. The goal of the study is to identify the importance of national and cultural components of the new Internet space vocabulary in teaching foreign languages and to prove the practical significance of such neologisms in learning English. The major results of the conducted research are as follows: substantiation of the efficiency of IT neologisms and technologies introduction for the successful formation of a bilingual personality.

Key words: language, bilingualism, Internet, neologism, culture, sign, semantics, pragmatics

REFERENCES

1. Zakir'yanov, K.Z. Dva fenomena: bilingvizm i bilingval'naya lichnost' [Two Phenomena: Bilingualism and Bilingual Personality]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/dva-fenomena-bilingvizm-i-bilingvalnaya-lichnost> (date: 25.10.2016).
2. Maslova, V.A. 2001. Lingvokul'turologiya [Cultural Linguistics]. Moscow: Akademiya. Print. (in Russ.)
3. Raikhshtein, A.D. 1987. Natsional'no-kul'turnaya znachimost' slov i slovesnykh kompleksov v khudozhestvennom tekste [Ethno-cultural Significance of Words and Lexical complexes in Literary Text]. Lingvostranovedenie i tekst. Moscow: Russkii yazyk. Print. (in Russ.)
4. Shreider, Yu.A. 1974. Logika znakovykh system [Logics of Semiotic Systems]. Moscow: Znanie. Print. (in Russ.)
5. Moskaleva, E.V. 2009. Lingvopragmaticheskaya kharakteristika adaptatsii angliiskikh i russkikh novoobrazovaniy v tekstakh raznykh funktsional'nykh stilei [Linguistic and Pragmatic Adaptation of English and Russian Neologisms in Texts of Different Functional Styles]. Michurinsk: Izd-vo Michurinskogo gosagroun-ta. Print. (in Russ.)

Article history:

Received: 06.12.2017

Accepted: 24.02.2018

Moderator: S.V. Dmitryuk

Conflict of interests: none

For citation:

Sycheva, A.V. 2018. "English Internet-Neologisms and Formation of Artificial Bilingualism". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 15 (3), 381—386. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3-381-386

Bio Note:

Anastasia Valerievna Sycheva is a Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Philology of the North-Eastern State University. E-mail: nastik-80@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3-387-394

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТРАДИЦИОННОГО ЭТНИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ КАДЫРА НАХТО

Б.Н. Ахиджак

Адыгейский государственный университет
Республика Адыгея, 385016, Майкоп, ул. Первомайская, 208

В статье рассматриваются вопросы взаимоотношения языка и культуры; выявляются адыгские универсальные категории культуры, которые определяют традиционное сознание этноса. Анализируются культурные ценности адыгского народа и способы их отражения в художественных текстах К. Нахто — писателя-адыга, создающего свои произведения на английском языке. Показана роль индивидуального опыта писателя, который способен воспроизводить и описывать ментальное пространство народа, а также транслировать традиционное сознание этноса с помощью языковых средств.

Ключевые слова: национальная культура, образ мира, традиционное сознание, картина мира, культурные ценности

1. ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о взаимоотношении языка и культуры является центральным в исследовании лингвокультурного пространства любого этноса. Если культуру рассматривать как бытие человека, его развитие и способ самореализации индивида в обществе, то язык определяется как особая форма национальной культуры и средство закрепления этнического мировидения и миропонимания этноса, а также самоидентификации индивида и его восприятия себя частью этого этноса. Е.Ф. Тарасов отмечает, что «языковое сознание» в психолингвистике оказывается рядом с понятием «образ мира» в психологии [1], так как «языковое сознание» — это сознание, опосредованное значениями, а «образ мира» — это отображение в психике человека предметного мира, опосредованного предметными значениями и когнитивными моделями восприятия и рефлексии окружающей действительности. При этом «кирпичиками», из которых строится образ мира, как раз и являются предметные значения [2]. Человек воспринимает мир через сетку предметных значений, он «не номинирует чувственные образы, предметные значения есть компонент этих образов, то, что опосредует само существование этих образов» [1. С. 19].

По мнению Е.Ф. Тарасова, образы сознания становятся доступными для стороннего наблюдателя с помощью «овнешнения» [3. С. 9]. При этом «овнешнение происходит в виде предметов, действий, слов, которые необходимы для передачи образов сознания от одного поколения к другому» [3. С. 9].

Соответственно, внешнюю форму образы сознания получают с помощью языковых средств всех уровней — как отдельных лексем и словосочетаний, так и фразеологизмов, текстов и ассоциативных полей. Коммуниканты при производстве и восприятии сообщений описывают полученные в процессе социализации знания, за которыми стоят образы сознания, «овнешняемые» словами. «При этом слово (тело знака) — это та культурная рамка, которая накладывается на опыт каждого индивидуума, проходившего социализацию в определенной культуре. Назвать — значит приписать определенное значение, а приписать определенное значение — значит понять, включить в свое сознание» [4. С. 141].

Как утверждает А.А. Леонтьев, индивид, воспринимая мир через свой образ мира, «постоянно переносит светлое поле сознания с одного предмета на другой. Таким образом, в нашем образе мира, а вернее, в том ситуативном фрагменте, высвечивается отдельный предмет, а затем внимание и сознание переключается на другой — и так без конца. Образ мира многомерен, как многомерен сам мир» [5. С. 269].

2. ОБСУЖДЕНИЕ

Отражение специфических черт культурного этнического сознания

Предметы национальной культуры складываются в инвариантный образ мира определенного этноса: «В основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем. Поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено; видение мира одним народом нельзя простым перекодированием перевести на язык культуры другого народа» [6. С. 20].

Необходимо знать коды культуры, но как «выучить» культуру и возможно ли это? Отвечая на этот вопрос, К. Касьянова пишет, что «понять смысл и значение любого культурного явления можно только в контексте всей культуры, но этот контекст невозможно выучить, будучи вдали от него, вне этой стихии, в которой все переплетено, все взаимосвязано и влияет друг на друга» [7. С. 52].

Язык отнюдь не определяет черты культурного этнического сознания, но эти специфические черты отражаются в языковом сознании их носителей и определяют и влияют на речевую практику последних, в которой это сознание бытует и реализуется.

Этническая картина мира, которой обладает любой традиционный социум, структурирует все аспекты бытия и динамическим образом соотносит их с человеком. Мир в традиционном сознании укладывается в строго упорядоченную и иерархичную систему. Все единицы этой системы имеют в нем свое место и находятся в гармоничной взаимосвязи и взаимодействии. Содержание традиционного сознания, которое С.В. Лурье отождествляет с картиной мира, «представляет собой определенную структуру», где «связи различных составляющих традиционного сознания фиксированы». В соответствии с этой картиной мира человек определяет свое место в мире, устанавливает связи между «я» и «мы», «мы» и «они», «мы» и «внешний мир» [8].

Под традиционным сознанием этноса понимается весь комплекс культурных представлений, который связан с этнической картиной мира. Слово «сознание» употребляется условно, так как включает в себя и сознательное, и бессознательное. «Традиционное сознание (менталитет) — система мировоззрения, основанная на этнической картине мира, передающаяся следующим поколениям в процессе социализации и включающая в себя представления о приоритетах, нормах и моделях поведения в конкретных обстоятельствах. Через описания этих представлений, в свою очередь, может быть описана культурная традиция, присущая этносу или какой-либо его части в данный период времени» [8. С. 228].

Вслед за С.В. Лурье считаем, что под традиционным сознанием можно понимать систему ценностей, которая базируется на культурных традициях того или иного народа и способна формировать национальную картину мира. Для данного исследования интерес представляет традиционное сознание адыгов, которое базируется на *адыгэхабзэ* — «неписанном своде правил поведения, традиций и этикета» [9–11].

Система ценностей традиционного сознания адыгов

Адыгэхабзэ представляет собой традиционную систему ценностей адыгского народа, отраженную в сознании любого инкультурированного адыга, определяющую нормы поведения и бытия. Такого рода систему ценностей мы находим в художественных текстах К. Натхо, адыгского писателя-эмигранта, написанных им только на английском языке (его американском варианте), традиционное сознание которого базируется на адыгэхабзэ. С помощью вербальных и невербальных знаков К. Натхо формирует национальную картину мира. Так, адыгэхабзэ — это прежде всего умение с честью и достоинством нести свое предназначение:

Tighuzhiko Qizbek had earned it by becoming by that time distinguished national hero... and prominent champion of Adyghe Khabze not only of the Natkhuagia tribe but also of the entire Circassian nation (Grand Abduction) [13]. — Тыгужико Кызбеч заслужил это, став, к этому времени выдающимся национальным героем... и известным носителем адыгэхабзэ не только натахайского племени, но и всего черкесского народа (Великое похищение)¹.

Получить право и честь стать аталыком для адыга означало признание его как человека весьма уважаемого, имеющего хорошую репутацию, знающего народные обычаи и военное дело. Именно аталык был тем проводником, который осуществлял передачу многовекового опыта народа и, таким образом, формировал национальное сознание ребенка, которого ему отдавали на воспитание родители. Вслед за Н.В. Уфимцевой мы полагаем, что «формирование национального сознания» базируется как на «врожденных, так и приобретаемых в ходе социализации факторах» [4]. Национальное сознание особым образом определяет и адаптирует поведение человека, в том числе посредством усвоения культурных стереотипов в самом раннем детстве в процессе социализации.

¹ Здесь и далее перевод Б.Н. Ахиджак.

В художественных текстах К. Натхо давние традиции адыгов, такие как атачество, отражаются через культурно-маркированные единицы:

... Aletsook, was, from the first days of his infancy, given for upbringing to his *Atalyq...* (Grand Abduction) [13]. — ... Алицук с первых дней своего рождения был отдан на воспитание *аталыку...* (Великое похищение).

When Tighuzhiqo Qizbek was satisfied that he has developed his *Qan* (foster son, pupil, called in *Adyge Purr*) into a powerful athlete, perfect in manners, bearing and conduct, and an accomplished master in handling his weapons and horse, he took him back to his parents with full Circassian traditional ceremony... (Grand Abduction) [13]. — Когда Тыгужико Кызбеч остался доволен тем, каким сильным и выносливым вырастил он своего *Кана* (прим.: *приемный сын*, ученик), его великолепными манерами и поведением, и тем, как он научился держать себя в обществе, а также мастерством обращения с оружием и лошадьми, он отвез его к родителям в соответствии с черкесскими традициями и церемониями... (Великое похищение).

В центре познания автора находится человек, его ментальное пространство. Анализируя приведенный пример, мы убеждаемся, что существующие системы описания ментального пространства являются отражением определенных качеств и свойств метальных сфер, которые в нем объективно заложены и могут быть узнаны и обнаружены субъектами благодаря существующим архетипам познавательной и информативной деятельности и не могут являться субъективным переосмыслением. Познавая таким образом мир и самого себя, автор противостоит миру не как пассивный объект, а как субъект, формирующий и упорядочивающий определенным образом мир и создающий свою картину мира.

Описывая культурные ценности народа, которыми оперируют его герои, К. Натхо отражает традиционное сознание народа. При этом ментальное пространство выступает как сознательный опыт, который реализуется через взаимодействие субъекта с миром.

Адыгагъэ и *адыгъахъбзэ* — морально-правовой кодекс — две составные части традиционной соционормативной культуры адыгов, которые являются фундаментом для формирования традиционного сознания. Для адыга неукоснительное соблюдение принципов *адыгагъэ/адыгства* является наиболее важным и существенным фактором, обуславливающим его бытие. Р.Х. Савв определяет адыгство как свод законов, которые регулируют личностные качества человека, взаимное общение членов общества, как поступать и как вести себя при решении определенных конкретных задач.

Картина мира как один из ключевых терминов метаязыка культуры

Термин «картина мира» является одним из ключевых терминов метаязыка культуры, употребляется в схожем значении с «этническим видением мира», «национальным образом мира». Окружающий нас мир, ощущаемый как общая данность, не может быть предметом описания: каждый человек руководствуется своим поведением в конкретном культурном пространстве и времени, а картина мира складывается в контексте определенного этноязыкового сознания лингвокультурного сообщества. Обращение к адыгской языковой картине мира приобретает осо-

бую актуальность, потому что представляет собой одну из форм отражения сознания и самосознания этноса.

З.Х. Бижева репрезентирует картину мира адыгов через призму концептов и предлагает на рассмотрение несколько ключевых концептов — «судьба», «человек», «долг», «душа», «сердце», «истина», «честь», «совесть», «пространство и время», «игра» и др. [10]. Она отмечает, что «в адыгских языках выявляются универсальные понятия, входящие в общее понятие базиса языка и мышления человека» [10. С. 110]. Адыгская языковая картина мира, детерминируемая этническим сознанием, имеет свои особенности, предопределенные особым членением окружающего мира. В адыгской языковой картине мира имеются свойственные только ей понятия, в которых отражается то, как мир видится адыгам, т.е. «способ концептуализации, свойственный адыгским языкам, отчасти этнически специфичен» [10. С. 110].

Так, З.Х. Бижева выделяет роль языка в построении картины мира, поскольку каждый язык определенным образом отражает восприятие и организацию мира, причем такое отражение проявляется через концепты [11]. Б.Х. Бгажноков при построении языковой картины мира выделяет процесс восприятия и интериоризации культуры, т.е. отражения культурной информации с последующим закреплением этой информации в психике [9].

Кроме того, картину мира адыгов невозможно представить без «пяти постоянств», как их называет Б.Х. Бгажноков [9. С. 16], адыгской этики, к которым относятся *цIыфыгъэ* — *человечность*, *нэмыс* — *почтительность*, *акъыл* — *разум*, *лIыгъэ* — *мужество*, *напэ* — *честь*. Эти пять постоянств находятся в непрерывном взаимодействии. В художественных текстах К. Натхо эти категории не взаимозаменяемые, а необходимые и неотъемлемые части образа «адыгэ»:

He was one of this new breed... In keeping with the age-old traditional upbringing of his people, from infancy he was taught horsemanship, the arts of war, *endurance, high moral values, traditions, etiquette, eloquence* and above all, *to be true to his word...* (Grand Abduction) [13]. — Он был из этого нового поколения... В соответствии с вековым традиционным воспитанием своего народа с младенчества он обучался верховой езде, искусству войны, выносливости, *познавал высокие моральные ценности, традиции, этикет, учился красноречию* и, прежде всего, *быть верным своему слову* (Великое похищение).

Как видно из приведенных отрывков, в описании взаимодействия героев и отдельно взятого героя с окружающим миром языковое сознание автора отражает своеобразие восприятия и особое членение окружающей действительности, причем языковое сознание писателя в процессе такого рода взаимодействия способно формировать «единый человеческий фактор» [12. С. 17] и проявляться наиболее очевидно в многочисленных суждениях, оценках, мнениях и т.д.

When the elders approached him, he could tell by the way they had prepared themselves that they were resolved to accomplish the task or die. When Adyghe men went to action ready to die, they dressed that way so that when and if killed their white uniforms would serve them for the white shrouds they would need for burial (Grand Abduction) [13]. — Когда его старшие товарищи направились к нему, он по тому, как они были одеты, смог определить, что они были готовы либо выполнить задуманное, либо умереть. Когда адыгские муж-

чины шли в бой с готовностью умереть, они одевались так, чтобы, когда и если их убьют, их белая одежда послужила бы им белым саваном для погребения (Великое похищение).

В указанном примере мы можем наблюдать невербальные проявления традиционного сознания адыга. К. Натхо удается наглядно показать свое умение оперировать как вербальными, так и невербальными знаниями, принятыми в адыгской культуре.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Языковое сознание К. Натхо, способное воспроизводить и описывать национальный колорит и ментальное пространство, в котором существуют культурные предметы, транслирует традиционное сознание народа с помощью языковых средств, за которыми стоят образы. Индивидуальный опыт писателя, языковое сознание которого мы исследуем, и исторический опыт адыгов, описываемый в его творчестве, являются отражением традиционного сознания общества, на котором он базирует и строит свои суждения и мнения о существующем мироустройстве вообще.

© Ахиджак Б.Н., 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Тарасов Е.Ф.* О формах существования сознания // *Язык и сознание: парадоксальная рациональность.* М., 1993.
2. *Леонтьев А.Н.* Образ мира // *Избранные психологические произведения* в 2 томах. М., 1983.
3. *Тарасов Е.Ф.* Межкультурное общение — новая онтология анализа языкового сознания // *Этнокультурная специфика языкового сознания.* М., 1996.
4. *Уфимцева Н.В.* Русские: опыт еще одного самопознания // *Этнокультурная специфика языкового сознания.* Сб. науч. тр. М., 1996.
5. *Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. 3-е изд. М.: Смысл; СПб.: Лань, 2003.
6. *Леонтьев А.А.* Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993.
7. *Касьянова К.* О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики, 1994.
8. *Лурье С.В.* Историческая этнология. М.: Аспект пресс, 1997.
9. *Бгажноков Б.Х.* Адыгская этика. Нальчик: Эльф-фа, 1999.
10. *Бижева З.Х.* Адыгская языковая картина мира. Нальчик: Эльбрус, 2000.
11. *Бижева З.Х.* Перспективы исследования адыгской картины мира // *Всеросс. науч. конф. «Актуальные проблемы общей и адыгской филологии»;* Адыгейский государственный университет. Майкоп, 1999. С. 22—23.
12. *Ахиджакова М.П.* Вербализация ментального пространства языковой личности автора в художественном тексте (на материале творчества Аскера Евтыха): монография. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2007.
13. *Natho K.* Grand Abduction. N.Y.: Bookmasters, 2017. 104 p.

История статьи:

Поступила в редакцию: 23.03.2018

Принята к публикации: 18.06.2018

Модератор: С.В. Дмитрюк

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Ахиджак Б.Н. Репрезентация традиционного этнического сознания в художественных текстах Кадыра Нахто // Полилингвильность и транскультурные практики. 2018. Т. 15. № 3. С. 387–394. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3-387-394

Сведения об авторе:

Ахиджак Бэлла Нальбиевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии факультета иностранных языков Адыгейского государственного университета. E-mail: ms.ahidzhak@mail.ru

REFLECTION OF TRADITIONAL CONSCIOUSNESS IN THE TEXTS OF KADIR NATHO

B.N. Akhidzhak

Adyghe State University
208, *Pervomayskaya str.*, Maikop, 385016, Republic of Adygea

The article reveals the relationship between language and culture and defines Adyghe universal cultural categories that determine the traditional consciousness of the ethnos. Cultural values of the Adyghe people and ways of their reflection in the literary texts of K. Natho, an Adyghe writer, who creates his texts in English, are defined here. The article shows the role of the writer's individual experience, which is able to reproduce and describe the mental space of the people, and to broadcast the traditional consciousness of the ethnos with the help of linguistic means.

Key words: national culture, image of the world, traditional consciousness, world picture, cultural values

REFERENCES

1. Tarasov, E.F. 1993. O formah sushchestvovaniya soznaniya [On the Forms of the Existence of Consciousness]. *Yazyk i soznanie: paradoksal'naya racional'nost'*. Moscow. Print. (in Russ.)
2. Leont'ev, A.N. 1983. *Obraz mira* [Picture of the World]. *Izbrannye psichologicheskie proizvedeniya v 2h tomah*. Moscow. Print. (in Russ.)
3. Tarasov, E.F. 1996. *Mezhkul'turnoe obshchenie — novaya ontologiya analiza yazykovogo soznaniya* [Intercultural Communication as the new Ontology of the Analysis of Linguistic Consciousness]. *Ehtnokul'turnaya specifika yazykovogo soznaniya*. Moscow. Print. (in Russ.)
4. Ufimceva, N.V. 1996. *Russkie: opyt eshche odnogo samopoznaniya* [Russian People: Experience of Self- Understanding]. *Etnokul'turnaya specifika yazykovogo soznaniya*. Sb. nauch. tr. Moscow. Print. (in Russ.)
5. Leont'ev, A.A. 2003. *Osnovy psicholingvistiki* [Psycholinguistics]. Moscow: Smysl; SPb.: Lan', 2003. Print. (in Russ.)
6. Leont'ev, A.A. 1993. *Yazyk i soznanie: paradoksal'naya racional'nost'* [Language and Consciousness: Paradoxical Rationality]. Moscow. Print. (in Russ.)
7. Kas'yanova, K. 1994. *O russkom nacional'nom haraktere* [On Russian National Identity]. Moscow: Institut nacional'noj modeli ehkonomiki. Print. (in Russ.)

8. Lur'e, S.V. 1997. *Istoricheskaya ehtnologiya* [Historical Ethnology]. Moscow: Aspekt press. Print. (in Russ.)
9. Bgazhnokov, B.H. 1999. *Adygskaya ehtika* [The Adyg Ethic]. Nal'chik: El'f-fa, Print. (in Russ.)
10. Bizheva, Z.H. 2000. *Adygskaya yazykovaya kartina mira* [The Adyg Language Picture of the World]. Nal'chik: El'brus. Print. (in Russ.)
11. Bizheva, Z.H. 1999. *Perspektivy issledovaniya adygskoj kartiny mira* [Prospects for the Study of the Adygean Picture of the World]. «Aktual'nye problemy obshchej i adygskoj filologii» Proceedings: Adygejskij gosudarstvennyj universitet. Print. (in Russ.)
12. Ahidzhakova, M.P. 2007. *Verbalizaciya mental'nogo prostranstva yazykovej lichnosti avtora v hudozhestvennom tekste (na materiale tvorchestva Askera Evtyha): monografiya* [The Verbalization of the Mental Space of the Author's Language Identity in an Artistic Text (on the Basis of Asker Yevtykh's work)]. Krasnodar: Kubanskij gosudarstvennyj universitet, 2007. Print. (in Russ.)
13. Natho, K. 2017. *Grand Abduction*. N.Y.: Bookmasters.

Article history

Received: 23.03.2018

Accepted: 18.06.2018

Moderator: S.V. Dmitryuk

Conflict of interests: none

For citation:

Akhidzhak, B.N. 2018. "Reflection of Traditional Consciousness in the Texts of Kadir Natho". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 15 (3), 387—394. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3-387-394

Bio Note:

Bella N. Akhidzhak is a Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of English Philology of the Faculty of Foreign Languages of Adyghe State University. E-mail: ms.ahidzhak@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3-395-405

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ИДИОГЛОССЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО БИЛИНГВИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА

Н.Л. Чулкина¹, К.Э. Касымалиева¹, Б.Ж. Касымалиев²

¹ Российский университет дружбы народов (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

² Кыргызский национальный университет им. Жусупа Баласагына

Кыргызская Республика, 720033, Бишкек, Фрунзе, 547

В статье при помощи междисциплинарного и комплексного подхода представлен анализ этнокультурной идиоглоссы «женщина», являющейся центральной в этнической авторской картине мира Чингиза Айтматова. По статистическому анализу этноидиоглосса «женщина» является самой частотной и имеет сквозной характер. Структура текстового ассоциативного поля «женщина» представлена в виде семантических гештальтов, которые наименованы по их содержанию. В когнитивной интерпретации использованы этнографический, исторический, культурологический комментарий, а также фрагменты из произведений писателя и комментарии авторов статьи. Таким образом, за общеупотребительной русской лексической единицей «женщина» в этнической авторской картине мира писателя стоит культурноспецифическая реальность киргизского этноса.

Результаты проведенного исследования позволяют авторам утверждать, что Чингиз Айтматов — билингвальная бикультуральная языковая личность, которая передает национально-культурную специфику своего этноса не только при помощи тюркизмов, но и общеупотребительных ключевых единиц, названных нами этноидиоглоссами.

Ключевые слова: этноидиоглосса, текстовое ассоциативное поле, семантический гештальт, Чингиз Айтматов, когнитивная интерпретация, билингвизм, бикультуральность

1. ВВЕДЕНИЕ

Чингиз Айтматов — талантливый писатель-билингв, который создавал свои произведения на своем — первичном — киргизском языке и приобретенном — вторичном — русском языке, умело переключаясь с одного языкового и культурного кода на другой, сохраняя при этом стилистику и выразительные средства двух языков.

У.М. Бахтикиреева о художественном билингвизме пишет: «Умение найти адекватный способ описания на языке другой культуры — навык, который не приобретается путем чтения грамматик. Он возникает только в результате равноценного усвоения писателем своей языковой культуры и опыта классической (в данном случае русской) литературы. Таким образом, два потока, два русла соединяются вместе: процесс сложный, многообразный, богатый, несомненно, способствующий кристаллизации нового типа писателя» [1].

О природе своего двуязычия, о связи двух языков и культур Ч. Айтматов говорил: «Так сложилось, что я двуязычный писатель. Писатель двух культур: русской и киргизской. И кто бы меня ни упрекнул за это, пусть из моего аила, пусть из стана русской критики, — все тшетно! С русской литературой я связан кровно!» [2. С. 77]. Вместе с тем он отмечает: «Когда я создаю свои произведения на киргизском языке, я чувствую неповторимость своего высказывания, неповторимость выражения своего “я”» [3. С. 10—11]. Чингиз Айтматов широко использует возможности родного языка, включая в художественную ткань произведения его лексику. Она помогает воссоздать национально-исторический колорит, экспрессивнее и многомернее передать национальные черты жизни и быта, характеры героев. Киргизские слова открывают для русского читателя мир киргизской культуры.

Следует отметить, что Ч. Айтматов использует различные приемы введения киргизской лексики, например прием постепенного введения киргизских реалий в русскоязычный художественный текст. Рассмотрим семантическое поле слова «конь». В повести «Прощай, Гульсары!» сюда входят лексемы *волосяной аркан* (веревка, сплетенная из конского хвоста), *кишен* (железные пути), *укурук* (приспособление для ловли коней), *камча* (плетка); в повести «Ранние журавли» — *акур* (глинобитная кормушка), *Камбар-Ата* (покровитель лошадей), *манасовы тулпары* (сильные иноходцы легендарного батыра Манаса); в произведении «Джамбия» — *тулпар* (сказочный крылатый конь); в «Белом пароходе» — *погребальная попона* (попона, которой при захоронении батыра покрывали коня).

Таким образом, постепенно вводя номинации реалий, из которых складывается этническая авторская языковая картина мира, писатель облегчает русскоязычному читателю их понимание в художественном контексте.

2. ОБСУЖДЕНИЕ

Методология исследования

Изучение текстов Чингиза Айтматова позволило прийти к заключению, что многие базовые концепты, определяющие этническое содержание произведений писателя, представляют собой общеупотребительные русские лексемы, за которыми в сознании киргизов стоит культурно-специфическая реальность. Такое положение привело нас к решению выявить и описать эти лексемы. Это, в свою очередь, позволило бы русскоязычным читателям глубже проникнуть в мир произведений и поэтику писателя-билингва. Для решения этой задачи надо было найти эффективные методы реконструкции смыслового содержания названных лексических единиц и его описания.

Такие методы мы нашли в работах Ю.Н. Караулова. Наиболее продуктивными из них для решения наших задач являются: *метод текстового ассоциативного поля*, *реконструкция семантических геистальтов*, а также *метод когнитивной интерпретации*. Выявленные нами из текстов писателя лексические единицы по заданным параметрам (частотности и сквозному характеру), мы назвали этноидиоглоссами, используя уже существующий термин «идиоглосса», предложенный Ю.Н. Карауловым и Е.Л. Гинзбургом [4. С. 426—427].

Этноидиоглосса — это такая лексическая единица, в которой помимо семантических и когнитивных характеристик, отражающих мировоззрение автора, со-

держатся еще и этноспецифичные, культурно-маркированные элементы смысла, раскрывающие особенности того или иного (в нашем случае киргизского) этноса [5. С. 202].

В произведениях Ч. Айтматова были выявлены следующие базовые этноидиоглоссы: «женщина» (1304), «конь» (1240), «горы» (444). Каждая базовая этноидиоглосса представлена в реконструкции текстового ассоциативного поля и когнитивной интерпретации. В нашем исследовании самой частотной этноидиоглоссой, имеющей сквозной характер, является этноидиоглосса «женщина», которая встречается в исследуемых произведениях 1304 раза, что соответствует критериям этноидиоглоссности.

Этнокультурная идиоглосса «женщина»

Предпримем попытку раскрыть этнокультурный идиосмысл лексической единицы «женщина» в этнической авторской языковой картине мира Чингиза Айтматова, которая является национально-маркированной в киргизской культуре.

В произведениях Ч. Айтматова представлена разнообразная лексика киргизского и русского языков, связанная с этноидиоглоссой «женщина», описывающая женщину в разных ее ипостасях. Сравните: слова киргизского языка: *эне* (мать), *ана* (мать), *байбиче* (женщина преклонного возраста), *джене* (жена старшего брата), *келин* (невестка), *сакманищица* (помощница чабана), *токол* (вторая жена); слова русского языка: *дочка*, *сестренка*, *невестка*, *невестушка*, *мать*, *мама*, *мамочка*, *жена*, *свекровь*, *вдова*, *женщина*, *баба*, *тетушка*, *бабушка*, *старуха*, *бабка*. Кроме того, автор также большое место отводит ономастической лексике, которая является наиболее частотной в рассматриваемых произведениях. Это прежде всего киргизские женские имена: Асель — (145), Алиман — (101), Джамия — (100), Толгонай — (61), Джайдар — (52), Алтынай — (52), Инкамал-апай — (27), Гульджамал — (27).

Ч. Айтматов посвятил женщинам ряд своих произведений, в которых изобразил не только их социальный статус в семье и обществе, но и национально-культурное своеобразие, а также их неповторимую, индивидуальную, яркую личность с богатым внутренним миром. Это такие повести, как «Джамия», «Тополек мой в красной косынке», «Материнское поле», «Первый учитель», «Лицом к лицу», рассказы «Белый дождь», «Красное яблоко», публицистические произведения — «Женщина из Тянь-Шаня». Необходимо учесть то, что женщина является во всех произведениях Ч. Айтматова ключевым сюжетобразующим элементом.

Детство писателя прошло в военные годы, когда большая часть мужского населения была на фронте, и воспитанием Чингиза Айтматова и его брата Ильгиза и сестры Розы в основном занимались мама, бабушка, тетя и женщины села. Ч. Айтматов пишет:

о матери:

Все мы в долгу перед нашими матерями. Самозабвенная и бескорыстная любовь матери — что есть на свете более высокого и благородного, чем это чувство? Чувство, требующее истинного целомудрия для его выражения. Оно обязывает нас, детей человеческих, жить по самому строгому и высокому кодексу совести [2. С. 25].

о бабушке:

...бабушка привила мне любовь к родному языку.. Она украсила мое детство сказками, песнями, встречами со сказителями и акынами, она всюду непременно брала меня с собой: и в гости, и на похороны, и на свадьбы [3. С. 150—151].

о женщинах военных лет пишет:

...будь я скульптором или художником, жизнь посвятил бы тому, чтобы создать образ женщины военных лет, в котором попытался выразить в едином порыве все чувства благодарности, восхищения, гордости и сострадания к ней, к этой великой фигуре XX века [3. С. 173].

Одной из важных предпосылок описания и раскрытия образов киргизских женщин Ч. Айтматовым явилось и то, что в киргизском фольклоре особое место занимают образы женщин. Писатель продолжает эту традицию в духе нового времени, что связано с развитием языкового сознания киргизского этноса и общими тенденциями мирового сообщества. Проследим представленность образа киргизской женщины в устном народном творчестве и историческом фонде киргизской культуры.

В эпосе «Манас» представлены такие яркие женские образы, как *Каныкей* — жена Манаса, которая символизирует мудрость, *Кыз Сайкал* — символ храброй воительницы, *Айчүрөк* — символ красоты и мудрости. В эпосе «Жаныл мырза» героиня символизирует образ храброй девушки, которая защищает свой народ.

Создание образа девы-богатыря является характерным явлением для эпико-мифологических произведений древних киргизов и в целом для тюркских народов. В пареомнологическом фонде киргизского языка широко представлены половицы и поговорки:

о женщине: Аялдын көркү балада — досл. Дети красят женщину;

о матери: Эненин ою балада, баланын ою талаада — досл. Все мысли и думы матери о детях, а мысли детей витают в облаках;

о жене: Вазир жакшы — хан жакшы, аял жакшы — эр жакшы — досл. При мудром советнике и хан (глава этноса) умный, при мудрой жене и муж хорош.

Исторической личностью, внесшей огромный вклад в развитие киргизской государственности, была Курманжан датка, прозванная русскими генералами Алайская царица, которая после смерти мужа возглавила алайский киргизский народ. Она была не только видным государственным деятелем, готовым идти на жертвы во имя интересов народа, но и прекрасной женой, мудрой советчицей мужа, заботливой, любящей матерью, воспитавшей шестерых сыновей, которым сумела привить любовь к родной земле, мужество и бесстрашие перед врагами и смертью.

Следует полагать, что рассмотренные нами предпосылки повлияли и на творчество Ч. Айтматова, в частности на представление образов киргизских женщин.

Реконструкция текстового ассоциативного поля этноидиоглоссы «женщина»

Представим сформированные и наименованные нами семантические гештальты этноидиоглоссы «женщина» в этнической авторской картине мира Ч. Айтма-

това: «имена», «труженица», «труженица-невестка», «описание в работе», «хозяйка».

Рассмотрим семантические гештальты «труженица», «труженица-невестка» этноидиоглоссы «женщина».

«Труженица»

в горах — подменный табунщик, ночной сторож, сакмакшица (18), кошара, окот, пасти овец, бессонные ночи, расплодная, приглядывать, овца, работать, не роптать, в три погибели, ходить (ружье);

в поле — работа (50), работать (15), поле (34), пахать, сеять, жатва (21), хлеб (40) — святой, сыновний, народный вкусный, свой, горячий, нового урожая; благословить хлеб, совершить святой обряд; стеречь (посев), жница, приходить, расцвет, жать, вязать, снопы; спориться в руках;

мужская работа — кетмень (2), не выпускать, колхоз; бригадир (13), бригадирский (3), конь (15), по-мужски; туго, крепко — подпоясаться (3); держаться в седле, битва, молотить, кидать, пшеница, вилы, мажары, молотилка, ток, колос, сыпаться, работа не из легких, не каждому по плечу, мука одна; готовиться, ремонтировать, плуг, борона, бричка, присмотреть (семья), старик; телега, упряжь, хомут, кузница; хозяйство, тянуть, силы, кланяться, народ, колхоз, мужаться, бессмертный, дело, не сгибать, плечо, рассвет, на ногах, колхозный двор, степь, горы, ночь, контора; выполнить план, не спать, распахать, залежь, поделить, собирать, семена, обходить, двор, умолять, просить, ругаться, выхватывать; утешение, люди, поблагодарить; пашня, провеять, очистить, сорняк, перебирать; пахать огород, стиснуть, зубы, стерпеть.

«Труженица-невестка»

Алиман — работящая, хозяйство, дом, жать, пшеница, кетмень, очистка, арык; ловко, погонять, бык, пахать, установить плуг, быки, пахота, засеять, семена, кукуруза, пашня;

Джамия — под стать матери, неутомимая, сноровистая, работящая; возница, управиться, пароконная, бричка, уверенно, запрягать, лошадь (2); знать, дочь, табунщик, горного аила Бакаир; работать, напористо, быстро, мужская хватка; сенокос, скидывать, сено, бросать, копна, мажара, наполнять; тащить мешки, нагружать бричку, задерживаться, ток, братья, помогать, высоко, сильно, вскидывать.

Когнитивная интерпретация семантического гештальта «труженица»

Киргизская женщина всегда была опорой, мудрой советчицей и помощницей своего мужа. Днем успевала по хозяйству, а ночью помогала мужу стеречь скот. В повести «Прощай, Гульсары!» ночным сторожем, сакманщицей является жена Танабая — Джайдар:

А в полночь разбудила его жена: — Вставай, Танабай, замерзла я совсем. Снег идет. Руки у нее были холодные, и вся она пахла мокрым снегом. И ружье было мокрое и холодное [б. С. 150].

В семантическом гештальте «труженица» лексема *сакманщица* является национально-маркированной. Она образована от киргизского слова *сакман*. В толковом словаре киргизского языка лексеме *сакман* дается следующее определение: «Сакман — койлордун туут учуру», т.е. время окота овец [7. С. 1064]. Лексема *сакманчы* (сакманщик, сакманщица) образовалась при помощи аффикса *-чы*, который в киргизском языке наряду с аффиксами *-чи-*, *-чу-* является показателем рода деятельности. В словаре киргизского языка данная лексема означает «помощник чабана, который помогает только во время расплодной овец» [7. С. 1064]. Например, в повести «Прощай Гульсары!» читаем:

Закружились круговертью дни и ночи чабанские, наваливалась расплодная — ни вздохнуть, ни разогнуться [6. С. 200].

В семантическом гештальте «труженица» автор особое значение придает полевым работам, показывая тем самым, что киргизские женщины, несмотря на то, что в недавнем прошлом вели кочевой образ жизни, быстро и охотно приспособились и к земледельческому труду.

В семантическом гештальте «труженица» лексема *работа* встречается 50 раз, *хлеб* — 40, *работать* — 15, *поле* — 34, *жатва* — 21. Все это говорит о том, что кочевой народ истинно любит землю, которая кормит людей:

Земля, мать-кормилица, ты держишь всех нас на своей груди, ты кормишь людей во всех уголках света...; И работа спорилась в моих руках, я всегда любила работать. Если человек здоров, если руки-ноги целы — что может быть лучше работы? [6. С. 296].

Главная героиня — Толгонай — любящая жена, заботливая мать, труженица, в трудное военное время, когда ее муж и другие мужчины айла ушли на фронт, становится бригадиром.

В семантическом гештальте «труженица» лексемы *бригадир*, *бригадирский*, *конь* являются базовыми. Кульминацией повести «Материнское поле» является момент, когда Суванкул (муж Толгонай) передает бразды правления колхоза своей жене Толгонай:

Ты теперь остаешься не только хозяйкой дома, не только головой над Алиман и Джайнаком — тебе придется и *бригадиром остаться вместо меня*: Присмотри за многодетными семьями, за стариками... [6. С. 315];

Что ни говори, тетушка Толгонай, а придется *по-мужски, крепко подпоясаться и сесть на бригадирского коня*. Землю, и воду, и народ нашего айла никто лучше вас не знает [6. С. 315].

Русский писатель-путешественник Е. Марков в своих очерках о киргизских женщинах писал:

У редких цивилизованных народов женщина пользуется таким огромным значением и уважением, какими пользуются среди киргизов их жены и матери. Они никогда не закрывают своего лица и пользуются наравне с мужчинами правом... [7].

Таким образом, Ч. Айтматов возводит свою героиню Толгонай на пьедестал: ведь эта женщина в очередной раз доказывает свою жизненную стойкость в тя-

желое военное время, когда важны решительные смелые действия для того, чтобы защитить землю от врагов и сохранить мир и спокойствие, например:

Вдали шла битва, лилась кровь, а нашей битвой была работа [6. С. 313]; Все, что добывали, отдавали фронту [6. С. 316].

Кроме того, она мать, и кому как не ей знать душевные потребности детей! Природа заложила в женщине материнский инстинкт, чувство материнского долга перед детьми, любовь, терпение, мудрость, зоркость и справедливость. И поэтому Толгонай — героиня повести, — недолго думая, соглашается стать главой своего народа ради мужа и сохранения своего народа.

Рассмотрим лексему *конь* в семантическом гештальте «труженица». Русский путешественник И.Г. Андреев в своей работе «Описание Средней орды киргизкайсаков» о киргизских женщинах пишет: «...они ездят всегда верхом на верблюдах, и лошадях, и быках; и великие бывают из них наездницы» [8].

Например, у Айтматова читаем:

Я вскочила на коня и пошла галопом, не разбирая пути, через арыки, через сугробы, с письмом в руке... и я закричала им на скаку: — Суйунчу, суйунчу — радость! [6. С. 323—324].

В семантическом гештальте «труженица-невестка» показан труд, связанный с умением запрягать и распрягать лошадь, например:

Она схватила коней под уздцы, уверенно подвела их к бричке и принялась запрягать. И ведь сама запрягала, только один раз попросила меня показать, как налаживать вожжи [6. С. 97].

Девушки и молодые женщины участвовали в конных состязаниях как вместе с мужчинами, так и отдельно. А. Головачев в статье «О киргизской женщине» о девушках пишет следующее: «Она показывается в народе с открытым лицом, и в весенних перекочевках, и различных празднествах участвует в играх с молодежью» [9], например:

Однажды весной на скачках он будто не сумел догнать Джамилю [6. С. 85].

В семантическом гештальте «труженица-невестка» Ч. Айтматов раскрывает труд невестки, используя такие наречия, как *ловко* (невестка Алиман); *уверенно*, *напористо*, *быстро*; *высоко*, *сильно*, *с размаху*, *пружинисто* (невестка Джамиля).

В киргизской культуре девушек с детства готовят к семейной жизни:

Помогала маме сестренка, смешная девочка с ниточками в косичках; «усердно работала»; «пасла ягнят и телят обоих дворов, собирала кизяк и хворост, чтобы всегда было в доме топливо»; скрашивала одиночество матери... [6. С. 82].

Воспитание девушек отражено в киргизских пословицах и поговорках:

Кыздуу үйдө кыл жатпайт — досл. В доме, в котором живет девушка, не должно быть и пылинки; Кызга кырк үйдөн тыйуу — досл. Запреты девушке из сорока семей (девушке каждый мог сделать замечание, наставление).

Нравоучение со стороны родственников, а также чужих людей воспринималось девушкой как должное. Таким образом, девушка, став невесткой, должна уметь хорошо готовить, знать основные традиции и обычаи киргизского народа.

Айтматовские героини-невестки Алиман и Джамия не выбирают работу, будь она мужской или женской, принимают жизнь такой, какая она есть:

... Джамия с детства гоняла с отцом табуны, — она у него была одна, и за дочь и за сына, — но в характере у нее проявлялись какие-то мужские черты, что-то резкое, а порой даже грубоватое. И работала Джамия напористо, с мужской хваткой [6. С. 85]; ... мы снова установили плуг в борозду и продолжали пахоту [6. С. 349].

В киргизской культуре по сей день по убранству в доме определяют, какая в нем хозяйка. Русские путешественники, историки, этнографы XIX—XX вв. в своих очерках и заметках особое место уделяют киргизским женщинам.

Этнограф А. Головачев в статье «О киргизской женщине» пишет, что в ведении хозяйства огромную роль играла женщина: она должна была доить кобылиц, коров, овец, делать кумыс, готовить кушанья, заниматься шитьем одежды, выделкой кожи, тканьем армячины, приготовлением топлива из навоза, собиранием его, постановкой юрты и даже не редко заседлыванием лошади для своего мужа и подсаживанием его на седло [9].

В данной статье мы при помощи вышеперечисленных методов попытались раскрыть лишь одну грань идиосмысла «женщина» в этнической авторской картине мира писателя-билингва — «женщину-труженицу».

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, этноидиоглосса «женщина» является центральной в этнической языковой картине мира Чингиза Айтматова. Несмотря на то, что лексема является общеупотребительной в русском языке, в киргизской культуре за этой лексической единицей-этноидиоглоссой стоит национально-специфическое содержание, открывающее русскому читателю красоту и необычайную жизнеспособность киргизской женщины.

Такого эффекта Чингизу Айтматову позволило добиться его совершенное знание двух культур и владение художественным языком, что позволяет нам назвать эту языковую личность билингвальной и бикультурной.

© Чулкина Н.Л., Касымалиева К.Э., Касымалиев Б.Ж., 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахтикуреева У.М.* Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2009/12/ba12.html>
2. *Айтматов Ч.Т.* Статьи, выступления, диалоги, интервью. М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1988.
3. *Айтматов Ч.Т.* В соавторстве с землей и водою... Очерки, статьи, беседы, интервью. Кыргызстан, 1979.
4. *Караулов Ю.Н.* Понятие идиоглоссы и словарь языка Достоевского. Слово Достоевского 2000: сб. ст. М., 2001.

5. *Касымалиева К.Э.* Этнокультурная идиоглосса Горы в авторской языковой картине мира Чингиза Айтматова // Вопросы психолингвистики. М.: 2017. № 2 (32). С. 201—209.
6. *Айтматов Ч.Т.* Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. Повести. М.: Молодая гвардия, 1982.
7. *Марков Е.Л.* Россия в Средней Азии: Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. СПб., 1901. По Фергане.
8. *Андреев И.Г.* Описание Средней орды киргиз-кайсаков, с касающимися до сего народа, также прилегающих к российской границе, по части Колыванской и Тобольской губернии, крепостей дополнениями // Новые ежемесячные сочинения. СПб.: Имп. АН. 1795, 1796.
9. *Головачев А.* О киргизской женщине // Сибирская жизнь (иллюстрированное приложение). Омск: 1903, 12, 19 октября. № 222 и 228.

История статьи:

Поступила в редакцию: 26.02.2018

Принята к публикации: 27.06.2018

Модератор: В.П. Синячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Чулкина Н.Л., Касымалиева К.Э., Касымалиев Б.Ж. Этнокультурные идиоглоссы как отражение художественного билингвизма в творчестве Чингиза Айтматова // Полилингвистика и транскультурные практики. 2018. Т. 15. № 3. С. 395—405. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3-395-405

Сведения об авторах:

Чулкина Нина Леонидовна — доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов. E-mail: nina.chulkina@yandex.ru

Касымалиева Кайркул Эсенгуловна — ассистент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов. E-mail: kaira_17@mail.ru

Касымалиев Болотбек Жолдошбекович — старший преподаватель межфакультетской кафедры государственного языка кыргызской филологии Кыргызского национального университета им. Жусупа Баласагына. E-mail: kasymaliev_b@mail.ru

ETHNOCULTURAL IDIOGLOSSIA AS THE REFLECTION OF THE LITERARY BILINGUALISM IN THE WORKS OF CHINGIZ AITMATOV

N.L. Chulkina¹, K.E. Kasymalieva¹, B.Zh. Kasymaliev²

¹ Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya, 6, Moscow, 117198, Russian Federation

² Kyrgyz National University Zhusup Balasagyn
547, Frunze, Bishkek, 720033, Kyrgyz Republic

The article, using interdisciplinary and integrated approach presents an analysis of the ethno-cultural idioglossia the “woman” that is central in the ethnic picture of the world of Chingiz Aitmatov. According

to statistical analysis, ethnoidioglossia “woman” is the most frequent and has the “cross-cutting character”. “Woman” is presented in the form of semantic gestalts, which are named for their content. In the cognitive interpretation were used ethnographic, historical, and cultural comments, and also excerpts from works of the writer and comments of the author. Thus, for a common Russian lexical unit “woman” is corresponded the ethnic picture of the world of the writer and specific reality of the Kyrgyz ethnic group.

Thus, the results of the study allow the authors argue that Chingiz Aitmatov is bilingual linguistic personality, which conveys the cultural identity of his ethnic group not only through turkisms, but also through common key units named us ethnoidioglossia.

Key words: ethnoidioglossia, text, associative field, semantic Gestalt, Chingiz Aitmatov, cognitive interpretation, bilingualism, biculturality

REFERENCES

1. Bahtikireeva, U.M. 2009. Tvorcheskaya bilingval'naya lichnost' (osobennosti russkogo teksta avtora tyurkskogo proiskhozhdeniya) [Creative Bilingual Personality]. Web. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2009/12/ba12.html>
2. Ajtmatov, Ch.T. 1988. Stat'i, vystupleniya, dialogi, interv'yu [Articles, Dialogues, Interview]. Moscow: Izd-vo Agentstva pechati Novosti. Print. (in Russ.)
3. Ajtmatov, Ch.T. 1979. V soavtorstve s zemleyu i vodoyu... Ocherki, stat'i, besedy, interv'yu [In Co-authorship with Earth and Water... Essays, Articles, Interview]. Kyrgyzstan. Print. (in Russ.)
4. Karaulov, Yu.N. 2001. Ponyatie idioglossy i slovar' yazyka Dostoevskogo [Idioglossa Term and Dostoevsky Thesaurus]. Slovo Dostoevskogo 2000: sbornik statej. Moscow. Print. (in Russ.)
5. Kasymaliev, K.Eh. 2017. “Ehtnokul'turnaya idioglossa Gory v avtorskoj yazykovoj kartine mira Chingiza Ajtmatova” [Ethnocultural Idioglossa Mountain in Literary Language Picture of the World]. Voprosy psiholingvistiki. 2 (32): 201—209. Print. (in Russ.)
6. Ajtmatov, Ch.T. 1982. Sobranie sochinenij [Collection]. Moscow: Molodaya Gvardiya. Print. (in Russ.)
7. Markov, E.L. 1901. Rossiya v Srednej Azii: Ocherki puteshestviya po Zakavkaz'yu, Turkmenii, Buhare, Samarkandskoj, Tashkentskoj i Ferganskoj oblastyam, Kaspijskomu moryu i Volge [Russia in Central Asia]. Saint Petersburg, 1901. Print. (in Russ.)
8. Andreev, I.G. Opisanie Srednej ordy kirgiz-kajsakov, s kasayushchimysya do sego naroda, takzhe prilgayushchih k rossijskoj granice, po chasti Kolyvanskoj i Tobol'skoj gubernii, krepostej dopolneniyami. Web. URL: <http://vostlit.info> Dokumenty
9. Golovachev, A. 1903. O kirgizskoj zhenshchine [About Kyrgyz Woman]. Sibirskaya zhizn' (illyustrirovannoe prilozhenie). Omsk. No. 222, 228. Print. (in Russ.)

Article history

Received: 26.02.2018

Accepted: 27.06.2018

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Chulkina N.L., K.E. Kasymaliev, and Kasymaliev B.Zh. 2018. “Ethnocultural Idioglossia as the Reflection of the Literary Bilingualism in the Works of Chingiz Aitmatov”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 15 (3), 395—405. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3-395-405

Bio Notes:

Nina Leonidovna Chulkina is a Doctor in Philology, Professor at the Department of General and Russian Linguistics of the Philological Faculty, Peoples' Friendship University of Russia. E-mail: nina.chulkina@yandex.ru

Kairkul Esengulovna Kasymalieva is an Assistant of Department of General and Russian Linguistics of the Philological Faculty, Peoples' Friendship University of Russia. E-mail: kaira_17@mail.ru

Bolotbek Zholdosbekovich Kasymaliev is a Senior Lecturer of the Inter-faculty Department of the Kyrgyz National University named after Zhusup Balasagyn. E-mail: kasymaliev_b@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3-406-409

О «ВООБРАЖАЕМОЙ ФИЛОЛОГИИ» О.О. СУЛЕЙМЕНОВА

С.Ю. Преображенский
(16.06.1955—20.06.2017)

Данная статья-отклик — одна из архивных рукописей филолога С.Ю. Преображенского, посвященная осмыслению книги «Код слова» О.О. Сулейменова. Автор пытается анализировать выдвигаемые О.О. Сулейменовым гипотезы как со строго филологической точки зрения, так и с позиции исследователя, признающего факт гениальных поэтических прозрений в развитии истории мысли.

Ключевые слова: этимология, языковой знак, воображаемая филология

Для начала нужно определить, к какого рода текстам относится рецензируемое «Введение». Менее всего хотелось выступать с позиции ученого-гелертера (тем более что автор отзыва не является специалистом-этимологом) и с порога отказывать «Введению» в какой-либо познавательной ценности на том основании, что это не научное языковедческое исследование, и навешивать ярлыки вроде «псевдо-», «лже-», «любительского» (по выражению А.А. Зализняка) и т.д. языковедения. Тем более что за определением «любительский», бывает, скрываются кастовые предрассудки. Многие этимологии М.М. Маковского в «Сравнительном словаре мифологической символики...» кажутся специалистам по меньшей мере смелыми, однако, насколько известно, никто не предъявил доктору филологических наук обвинения в «любительщине» Тем не менее, объективно говоря, в тексте «Ведения в Универсальный этимологический словарь» [1] черты «любительства» присутствуют. Причем интересные и меткие суждения и наблюдения чередуются с обобщениями и утверждениями, способными навлечь на себя праведный гнев «профессионала».

Скажем, бесспорно, соссюрровский постулат о немотивированности, «символичности» языкового знака страшно навредил лингвистике и семиотике (к такой критической оценке «любителя» О.О. Сулейменова не грех бы присоединиться экспертному сообществу), однако к иероглифам, по самому своему существу иконическим знакам, соссюрровское положение менее всего применимо, и такая трактовка связи между означающим и означаемым иероглифа никак не относится к принятой всеми языковедами. Вообще, категоричность утверждений признак в первую очередь публицистических, а не научных текстов: не так чтобы «генетики и археологи договорились» о том, что возраст современного человека ровно 100 тыс. лет и родом он непременно из Кении — есть и другие не менее авторитетные версии (о Сахаре и Намибии и о более юном возрасте первопродка); не факт что «начальный этап формирования языка был несомненно звукоподража-

тельным», т.е. ономотопы, конечно, появлялись в значительном числе, но, вероятно, были и другие звуковые сигналы с более сложной мотивировкой. Иероглифическое письмо базировалось, вероятнее всего, на традиции пиктограммы, так картинка превращалась в иероглиф. К этому моменту пучки синкретических образов, заменявших для мифологического мышления понятия, концепты уже складывались. Пиктограмма быка-производителя [2. С. 35] вполне могла стать изобразительным знаком и силы, и богатства, и могущества, и божеств соответствующих качеств. Безусловно, материал, на котором запечатлевались визуальные сигналы, и инструмент, которым наносились рисунки, играли важнейшую роль в том, какую стандартную форму получали теперь уже символические изображения, так что то, что у одних полумесяц, то, возможно, у других шеврон (особенно, если шеврон выбивают на камне или режут на кости). Остается только доказать, что письменности *заимствовали* друг у друга символические элементы, а не создавали их независимо. Но как раз допущения в «Универсальном словаре» часто приобретают вид аксиоматических положений. Результатом становятся логичные вроде бы, но абсолютно априорные построения вроде утверждения, что универсальные графемы образуют некие первоэтимоны для центральных концептов разных языков. Естественнее предполагать, что некоторое многозначные письменные знаки сохраняли за собой слово-первоназвание: за шевроном закреплено имя «му», а означает шеврон и богатство, и лунного бога, и свет — которые звучат по-разному. Когда шеврон рисуют, его называют «му», точно так же, как древний новгородец называл буквицу П *покоем*. Разве что для культур с тысячелетней иероглифической традицией «обратные влияния» графического знака на семантические связи лексической единицы выглядят временами достоверно, в общем же случае логика очевидна: вербальная полисемия развивается своим путем, а визуальные знаки ее оформляют в письменной передаче. Есть «проверенная книга» И. Фридриха «История письма» (она, кстати, написана позже, чем вскользь процитированная во «Введении» книга Истрина, там достаточно ярко показан переход от иероглифического письма к фонетическому — естественно, фонетические знаки несут на себе печать своего иероглифического прошлого и самые яркие тому примеры — отдельные буквы финикийского алфавита).

На основе априорных утверждений, приведенных выше, во «Введении» практически утверждается, что жрецы изобретают и навязывают прочим носителям языка значения многозначных слов, но между криптограммами «посвященных» и общенародным языком — пропасть, даже если это народ — малое племя. Устанавливая универсальные первоэтимоны, нельзя не встать на скользкий путь пренебрежения отдельными мелочами ради глобального эффекта, поэтому появляются утверждения, опровергаемые с очевидностью: утраты носовых как общеславянского процесса не было, иначе откуда бы польский *j* звук; лука и ложка не восходят к общему этимону луна ни при каких условиях; общий для всех (??!) языков уменьшительный суффикс едва ли дает рефлекс *j*: «...Самым первым формантом уменьшительности в раннем языке был — ***ha** > **a** > **wa**... После к нему прибавился формант ***j**». Для доказательства такого утверждения лингвисту понадобилось бы минимум полглавы, поскольку он знает, что суждение никто не примет на веру. Еще более невероятно и трудно доказуемо превращение картин-ки копья в «общечеловеческую» стрелу *j* — как если бы палатального звука до

рисунка вовсе не существовало в качестве элемента отдельных фонетических систем или как если бы этот звук был в числе исходных первофонем, дающих все многообразие звуков всех языков. Этимология всегда была полем соблазнов — с самых ее начал. Она часто превращалась из разговора о происхождении слов в разговор о происхождении всего сущего («о началах» Исидора Севильского). Автор «Универсального словаря» говорит именно «о началах», а языки и история письма для него только предмет, от которого мысль отталкивается.

Так было и в более ранних сочинениях О. Сулейменова, где филологический материал давал повод поговорить о философии истории, попутно автору удавались тонкие наблюдения как вполне прикладного, так и общетеоретического филологического свойства. То есть парадоксальным образом происхождение в рассуждениях о происхождении не главное для О. Сулейменова — важнее пучки связей. Отдельные острые соображения, такие как влияние бустрофедона на центральную симметрию древнегреческих графем, не кажутся автору достойными долгого нудного рассуждения («профессионал» пожалел бы об этом). Но щедрый на догадки О. Сулейменов движется дальше в поисках связей, а детали оставляет на усмотрение читателя. Между прочим, когда несколько десятилетий тому назад О. Сулейменову приписывали пантюркизм на том основании, что он пытался обнаружить в индоевропейском тюркское, только узкие специалисты среди историков языка знали, что ностратическая теория сводит обе «языковые ветви» к единому «древу». Сейчас ностратика — одно из самых перспективных направлений сравнительно-исторического языкознания XXI века. Так что творческая интуиция любителя иногда парадоксально совпадает с логическими построениями «профессионала» С этой точки зрения «Универсальный словарь» интересен как всякое смелое обобщение. Пусть морфемный анализ не позволяет слово *рань* членить на *ра-нь*, да еще так, что *нь* — постфикс отрицания. На уровне поэтической этимологии такое членение тут же обрастает смыслами. Специализировавшийся на Велимире Хлебникове известный лингвист В.П. Григорьев применил и к Велимиру и к Олжасу Сулейменову (имея в виду книгу последнего «Аз и Я») общее определение — «воображаемая филология». Это гораздо менее уничтожительно, чем «псевдо-», «лже-» и подобные им префиксоиды, и контекстуально восходит к «воображаемой геометрии» Лобачевского. Из «воображаемой» филологии в научную могут экстраполироваться некоторые конкретные соображения, открытия, догадки (например, про бустрофедон и греческую графику, про пространственную ориентированность изображения луны, превращающегося то в лук, то в бычьи рога). Однако главная ценность «воображаемой» филологии в том, что она будит фантазию, создавая миры альтернативной (но художественной, поэтической, а затем и философской) истины, в которых язык и метаязык не разведены по полюсам, но, напротив, взаимодополняющи. Как в поэтическом тексте, утверждения «воображаемой филологии» безоговорочно истинны в заданном возможном мире, а в иных мирах могут оказаться истинными по стечению обстоятельств.

Книга Олжаса Омаровича Сулейменова — гимн «воображаемой филологии», из коей извлекаются (в том числе и научные) истины.

© Преображенский С.Ю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сулейменов О.О. Код слова. Азия. Алматы: Литературный Альянс, 2013.
2. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.

История статьи:

Запланирована: 24.05.2018 (архивная рукопись)

Модератор: О.А. Валикова

Для цитирования:

Преображенский С.Ю. О «воображаемой филологии» О.О. Сулейменова // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2018. Т. 15. № 3. С. 406—409. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3-406-409

Сведения об авторе:

Преображенский Сергей Юрьевич (16.06.1955—20.06.2017)

ON “IMAGINARY PHILOLOGY” BY O.O. SULEIMINOV

S.J. Preobrazhenskij
(16.06.1955—20.06.2017)

This article is a response — it is one of the archival manuscripts of the outstanding philologist S.J. Preobrazhenskij, dedicated to the comprehension of the book “The Code of the Word” by O.O. Suleimenov. The author tries to analyze the hypothesis of O.O. Suleimenov from both strictly philological point of view, and the position of the researcher who recognizes the fact of genius poetic insights in the development of the History of Thought.

Key words: etymology, linguistic sign, imaginary philology

REFERENCES

1. Sulejmenov, O.O. 2013. Kod slova [Word Code]. Azija. Almaty: Literaturnyj Al'jans. Print. (in Russ.)
2. Benvenist, Eh. 1995. Slovar' indoevropskikh social'nyh terminov [Dictionary of Indo-European Social Terms]. Moscow. Print. (in Russ.)

Article history:

Planned: 24.05.2018 (Archives)

Moderator: O.A. Valikova

For citation:

Preobrazhenskij, S.J. 2018. “On ‘Imaginary Philology’ by O.O. Suleimenov”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 15 (3), 406-409. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3-406-409

Bio Note:

Сергей Юрьевич Преображенский (16.06.1955—20.06.2017)

DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3-410-421

НЕВИДИМЫЕ ТЮРКИЗМЫ В КНИГЕ ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА «АЗ И Я» (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТЮД)

Е.А. Красина

Российский университет дружбы народов (РУДН)
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Настоящая статья посвящена анализу так называемых невидимых тюркизмов, которые обсуждаются в книге О.О. Сулейменова «Аз и Я». Исходным методологическим принципом является понимание особой ситуации билингвизма, культурно-исторических и языковых контактов между Древней Русью и Степью, что нашло своеобразное выражение в тексте литературного памятника «Слова о полку Игореве». Разделяя взгляды О.О. Сулейменова — поэта, лингвиста-тюрколога и билингвальной языковой личности, автор статьи стремится дать лингвистическое объяснение сущности невидимых тюркизмов в древнерусской поэме. Не прибегая исключительно к методу лингвистической реконструкции и этимологическому и палеографическому анализу, но привлекая текстовый анализ в многообразии его форм с опорой на синтагматический, парадигматический и функциональный аспекты, используя семиологический подход в трактовке слов-лексем вплоть до звукобуквенных содержательных категорий кириллического алфавита, исследователь дает характеристику основных ступеней семиозиса как перехода от иконического означивания к символическому, одновременно предпринимая попытки описать становление символичности и многозначности слова-лексема в процессе ее текстового узуса и семантических преобразований.

Очевидно, что текст «Слова о полку Игореве», который неоднократно подвергался переписыванию и переводу, как документ своей исторической эпохи и как объект культурно-исторического и филологического наследия сохранит непреходящее значение в становлении и развитии междисциплинарного исследования в области гуманитарного знания.

Ключевые слова: двойное означивание, протограф, прототекст, семантика, семиотика, сигнификация, символ, тюркизм

Habent sua fata libeli.

Книги имеют свою судьбу (*латинская поговорка*)

1. ВВЕДЕНИЕ

В марте 2018 г. в интервью с Сергеем Шергуновым, молодым российским писателем, Олжас Омарович Сулейменов — классик советской литературы, поэт, культуролог, тюрколог, европейский дипломат и посол доброй воли, писатель-билингв, всю свою жизнь свободно творящий на русском языке, вновь вернулся к обсуждению книги «Аз и Я», посвященной интерпретации текста памятника древнерусской культуры «Слово о полку Игореве» [1].

Впервые книга О. Сулейменова «АЗ и Я. Книга благонамеренного читателя» (она состоит из двух частей: часть I. АЗ. СОКОЛЫ И ГУСИ; часть II. Я. ШУМЕР-НАМЕ) была опубликована в 1975 г. в Алма-Ате в издательстве «Жазушы» тиражом 100 000 экземпляров, который сразу же после жесткой критики по указанию ЦК КПСС был изъят полностью. Если в 1976 г. акад. Б.А. Рыбаков характеризовал книгу как «яростно антирусскую», то десять лет спустя акад. Д.С. Лихачёв с интересом обсуждал позицию автора, утверждая, что О. Сулейменов «... изначально исходит из фантастической концепции истории текста (а не делает ее результатом исследования), дает без ссылок безапелляционные неверные утверждения, связанные с историей, языком, палеографией, перепиской рукописей; предлагает тюркские прочтения для слов, хорошо известных в древнерусском языке, игнорирует существующую литературу о “Слове”» [2. С. 11].

В это же самое время американский журнал «Проблемы коммунизма» называет эту книгу О. Сулейменова в числе немногих историко-литературных произведений, которые подготовили перестройку.

Позднее обсуждение авторской позиции, как и в целом содержания книги неоднократно возобновлялось. Тридцать лет спустя, в 2005 г. выходит второе значимое издание книги, которое повторяет издание 1975 г., теперь уже в Москве, в издательстве «Грифон-М», и снова бесконечно малым тиражом — всего 3 000 экземпляров (!). И снова интервью, полемика, критика... [2].

Для писателя и исследователя О. Сулейменова памятник древнерусской словесности «Слово о полку Игореве» изначально представлял собой двуязычный текст, который изобиловал тюркской лексикой, зачастую искаженной или непонятой, благодаря тому, что текст «Слова» неоднократно переписывался и переводился, иными словами, у этого текста было много авторов, включая переписчиков и переводчиков. Одновременно О. Сулейменов предлагает свое собственное видение исторического контекста похода князя Игоря как усобицы «между своими», а сам князь предстал как отрицательный персонаж «с дьявольскими чертами».

Вследствие геополитических факторов и тесных постоянных контактов между Степью и Древней Русью неизбежно возникало и языковое взаимодействие, языковые контакты, которые оставляли следы в обоих языках. По этому поводу О. Сулейменов говорил так: «Я впервые заявил, что “Слово о полку Игореве” было написано для двуязычного читателя двуязычным автором. Допустим, русским, который владел и тюркскими языками. Значит, на Руси тогда существовал билингвизм. Я попытался это доказать, опираясь на данные многих древнерусских источников. В советской исторической науке считалось, что в русский язык за время половецкого и татаро-монгольского нашествия попало всего несколько тюркских слов, таких как *аркан* или *кумыс*. Я же говорил о НЕВИДИМЫХ тюркизмах, которые всегда считались русскими. Вот это и потрясло академиков. Я, как ни странно, оказался первым двуязычным читателем “Слова о полку Игореве”...» [3].

Если наличие ряда тюркских лексических единиц в тексте «Слова» и было отмечено до О. Сулейменова [см., например, 4], то тюркологи-профессионалы не оказали поддержки его точке зрения: «... он (О. Сулейменов. — Е.К.) создает новые слова, не считаясь с тем, известны ли они древнерусскому языку, создает

новую грамматику, противоречащую грамматике древнерусского языка, новую палеографию, не подтверждаемую ни единым примером из рукописей, — и все это для того, чтобы иметь возможность предложить новые прочтения в тексте “Слова”» [5. С. 257].

Обсуждение нового взгляда на толкование содержания, сопоставительный лингвистический (этимологический) анализ «Слова о полку Игореве» ведется в части I книги (СОКОЛЫ И ГУСИ), а в части II (ШУМЕР-НАМЕ) автор приводит 60 тюркизмов, представленных в так называемых шумерских глиняных книгах, т.е. зафиксированных на клинописных табличках. Позднее его ученик из Азербайджана А. Мамедов расширил число тюрко-шумеризмов до 800 единиц.

2. ОБСУЖДЕНИЕ

На наш взгляд, уместно начать с обсуждения названия книги «АЗ и Я»: это своеобразная криптограмма (от греч.: *kryptos* тайный и *gramma* пишу), иными словами, это запись с помощью условных знаков или букв, как отмечают словари иностранных слов. И потому она читается на одном дыхании как АЗИЯ — Азия, вызывая аллюзию на начало поэмы А. Блока «Скифы», включая эпиграф:

Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но нам ласкает слух оно...
Вл(адимир) С(оловьев)

Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы,
С раскосыми и жадными очами!
Для вас — века, для нас — единый час.
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас
Монголов и Европы!

Verba volant — scripta manent

Слова летают, надписи остаются (*латинская поговорка*)

С другой стороны, **Азь** — это первая буква древнерусского кириллического алфавита, а **Я** — последняя буква алфавита современного русского языка, тогда их сочетание можно интерпретировать через известную идиому: *альфа и омега, от альфы до омеги*, т.е. ‘всё в целом, полностью’. Обратимся к началу кириллического алфавита, расположив в таблице его первые буквы с указанием на соотношение с современным алфавитом, графическим представлением, числовым значением и названием:

Ретроспектива начального фрагмента кириллического алфавита

Буква	Графика	Число- значение	Чтение	Название	Буква	Графика	Число- значение	Чтение	Название
А	а	1	[а]	азь	Д	д	4	[д]	добро́
Б	в		[б]	бу́ки	Е	е	5	[е]	есть
В	в	2	[в]	ве́ди	Ж	ж		[ж]	живе́те
Г	г	3	[г]	глаго́ль					

Каждая из букв имела определенный смысл, что в целом делало азбуку своеобразным посланием к славянам — людям, которые ею пользовались.

Вот толкование первых трех букв *азь*, *буки*, *веди*: *азь* — ‘я’; *буки* — ‘буквы, письмена’; *веди* — познал, совершенное прошедшее время от *ведети* — ‘знать, ведать’.

Их сочетание создает осмысленную фразу: *Азь буки веде* — ‘Я знаю буквы’. *Азь* (передает значение ‘Я’) — не последняя, а первая буква алфавита, очевидно потому, что весь мир концентрируется вокруг субъекта Я как мой мир, моя вселенная, как начало и основа всех других начал. Если продолжить объединять кириллические буквы в подобные фразы, то получим такой текст:

Азь буки веде. Глаголь добро есте. Живите зело, земля, И, иже како люди. Мыслете наш он покой. Рцы слово твёрдо. Укъ ферть херь. Цы, черве, шта ъра юсь яти!

И его примерный перевод:

Я знаю буквы. Письмо — это достояние. Трудитесь, усердно, земляне! Как подобает разумным людям. Постигайте мироздание. Несите слово убеждённо! Знание — дар Божий. Дерзайте, вникайте... Чтобы Сушего свет постичь [6].

Обратившись к данным палеографии, напомним, что первая буква финикийского алфавита *алеф* послужила прототипом для букв в алфавитах других языков.

Начало финикийского алфавита

Символ	Первоначальное значение-мотивация	Первоначальное название и фонетическое значение	Потомки в современных алфавитах
	бык	Алп = [ʔ] гортанная смычка	א (алеф) в иврите ا (алиф) в арабском Ⲁ (алеф) в сирийском Α (альфа) в греческом A в латинском А в кириллице

Несмотря на то, что мотивация содержания связана с быком, внешний вид буквы напоминает плуг, а оба компонента — *бык* и *плуг* оказываются не только взаимосвязанными, но и важнейшими историко-культурными и этническими составляющими жизнедеятельности человека [7]. Процесс смыслонаделения буквы указывает на семиозис, разворачивающийся от иконического знака к знаку-символу, от пиктограммы к идеограмме и, следовательно, к абстракции, многозначности и новым функциям.

Принимая во внимание эти рассуждения, приходим к заключению, что название книги «АЗ и Я» создает аллюзию на описание мира человека, его мировидение, миросозерцание в определенный исторический период, на определенном геополитическом пространстве, когда убедительным свидетельством контактов народов служил язык в его символической функции, когда Степь и Русь сосуществовали в синкретичном единстве. Эту идею, с нашей точки зрения, и пытался обосновать О. Сулейменов, анализируя многослойный текст «Слова о полку Игореве».

Будучи носителем идеального и материального, осуществляя синтез звукобуквенной и мыслительной деятельности, язык проявляет свою семиотическую сущность и реализует принцип двойного означивания как посредник между миром

и человеком, по В. фон Гумбольдту. Если семиотическое означивание свершается в слове, то семантическое — в предложении, но синтез плана выражения и плана содержания — означающего и означаемого — в первую очередь свершается в слове [8. С. 122].

Очевидно, что этот принцип вполне реализуется и применительно к этапу становления звукобуквенных алфавитов, когда, по О. Сулейменову, осуществляется переход от первого — *звукоподражательного* этапа становления человеческого языка ко второму этапу — *знакоподражательному* (выделено О. Сулейменовым. — Е.К.), когда графический знак, или первоиероглиф отпечатлевается в значениях слов [2. С. 11].

Этот переход также запечатлевается в механизмах становления лексемы. Обратимся к примерам О. Сулейменова. Графические знаки он называет настоящими знаками, а далее анализирует становление важнейшего для человека и его первой религии знака.

Так, знак **☾ *mũñ** — букв. ‘бык’ в дальнейшем послужил основой для названий месяца и луны:

☾ — ‘юная луна, месяц’, т.е. символ роста, знак будущего: месяц дорастет до полной луны. Этот знак стал способен передавать понятия «жизнь», «радость», «счастье», «юность», а жрецы учили носить этот знак-улыбку на лице как символ лунопоклонничества.

♠ — ‘угасающая луна’, т.е. символ старости — уголки губ опущены; обозначает понятия «грусть», «печаль», «тоска».

♠☾ — сочетание обоих знаков философы трактовали как диалектику жизнь, аналогично в китайской традиции сочетание двух «рыб» передавало взаимодействие двух противоположных начал Инь и Янь, мужского и женского. Сравните также древнегреческие маски комедии и трагедии, современные смайлики.

С точки зрения языкового принципа двойного означивания эти знаки становятся особой системной характеристикой слова-лексемы, ее означающим, в то время как означаемое такой лексемы содержится в толкованиях — и языковых, и неязыковых [2. С. 11].

С этой точки зрения в центре внимания нашего обсуждения лишь один раздел «Невидимые тюркизмы» части I книги О. Сулейменова «АЗ и Я»¹.

Приведем цитату из публикации известного российского тюрколога Н.А. Баскакова: «Проникновение элементов тюркского фольклора с его мифологией, поэтикой, переживанием тотемических представлений прослеживается на протяжении всей поэмы. Автор “Слова о полку Игореве” видит после сражения поле битвы, которое “птицы крылами приодели, а звери кровь полизали”, слышит, как “крычат телеги полунощи, рцы лебеди распужены”, т.е. употребляет образы и сравнения, характерные для половцев, тотемом которых, судя по их названию, был лебедь (quman < qu = “лебедь” и -man — аффикс, образующий название предмета по производной основе, что соответствует русскому суффиксу -анин — “лебедянин”). Подметил автор “Слова” и неразличение синего, голубого, серого и зеленого оттенков цвета, которые объединены для тюрка в едином цвете, выраженном словом Kök ~ gök — *небо, синий*. Если русская поэтическая традиция

¹ Здесь и далее цитируем и анализируем раздел текста по [9. С. 47—54].

различает “голубой” Дон, “синее” море, “серую” мглу, “зеленое” вино, “лиловые” молнии, то для половца — а вслед за ним и для автора “Слова” — все представляется “синим”: “синий Дон”, “синее море”, “синее вино”, “синяя мгла”, “синие молнии”» [4. С. 59]. Лексико-семантические средства языка «Слова» свидетельствуют о том, что в ней нашли отражения традиции тюркского эпоса, тюркской символичности и поэтики, что ярко проявляется в образах зверей и птиц: сокола, волка, лебедя, быка и ворона как «наиболее характерных представителей животного мира кипчакского и огузского героического эпоса, а названия волка, быка и лебедя — тотемами древнетюркских племен» [4. С. 60].

Вот наиболее очевидные тюркизмы «Слова»:

- географические названия: реки Сула и Каяла; город Тьмуторокань;
- этнонимы (названия племен): хинови, тьлковины, оварьскыя, угорскыи, могуты, татраны, шельбиры, ревугы, ольберы;
- имена собственные: Шарокань, Кончак, Гза/Гзакь, Кобяк, Овлур/Влур;
- социальные, воинские и бытовые лексемы: каган, быля, боярин, салтан, чага, кощей; сабля, харалуг, хоругвь, чолка, шерешир, телега, орытма, япончица, жемчуг, ногата, котор, босый, багряный и др.

Весь этот арсенал тюркизмов общепризнан, этимологически выверен и подтвержден авторитетным мнением ученых. Тем не менее, существуют и невидимые тюркизмы, о которых идет речь в книге «АЗ и Я». Их существование и пытается обосновать исследователь-билингв О. Сулейменов: «К числу не увиденных Переписчиком тюркизмов я отношу прозвище Всеволода — буйтур. (...)

...Игорь ждеть мила брата Всеволода.
И рече ему буйтурь Всеволодь...» [9. С. 48].

Со ссылкой на А.И. Мусина-Пушкина О. Сулейменов повторяет, что «имя: Буй — значит Дикий, а тур — вол. И так, Буй-туром или Буйволом называется здесь Всеволод в смысле метафорическом, в рассуждении силы и храбрости его» [9. С. 48]. Он предлагает ассоциировать слово *богатырь* с объединением этих двух единиц — *буй* и *тур*.

Далее отмечается: «Ни один из позднейших толкователей не увидел в “буйтуре” постоянного сочетания. Эпитет “буй” в дальнейшем тексте “Слова” произвольно заменяется Переписчиком на другой, созданный им по аналогии — “яр”, так же в форме краткого прилагательного. Это выдает его понимание эпитета “буй” (“буй — буйный”, следовательно, “ярый” должен быть в форме “яр”)» [цит. по: 9. С. 49]

... Ярь туре Всеволоде,
стоиши на борони,
прыщеши на вои стрелами,
гремлеши о шеломы мечи
харалужными.
Камо Турь поскочяше...
Тамо лежать поганья головы Половецкия;
поскепаны саблями калеными шеломы Оварьскыя оть
тебе Ярь Туре Всеволоде.

Реконструкция протографа, по О. Сулейменову, предполагает отдельные вторые, которые могли не понравиться переписчику:

- 1) Буйтуре Всеволоде, стоиши на борони.
- 2) камо буйтуре поскочяше...
- 3) от тебе, буйтуре Всеволоде...

При этом приводятся веские аргументы как со ссылкой на протографический текст «Задонщины», еще одного древнерусского памятника, так и на тот факт, что автор «Задонщины» мог использовать только тот список «Слова», в котором отсутствовал «яр тур». Поэтому О. Сулейменов утверждает, что на фоне частотного использования в тексте «Слова» лексемы *буй* сочетания *буй тур* и *яр тур* — «нововведения, звучащие фальшиво», тем более что «... термин “тур” даже не в качестве имени-прозвища, а в обычном употреблении никогда не встречается с определением, не говоря уже о таких необычных эпитетах, как “буй” или “яр”. А в эпоху постоянного эпитета такое разнообразие — неоправданная роскошь: “комонь” всегда “борзый”, “волк” всегда “серый” (или по-тюркски “бозый”, “босый”, от боз, бос — серый), ворон всегда “черный”. Море — синее, трава — зеленая, солнце — светлое» [9. С. 50].

Зададимся вопросом: чем же заслужил не очень популярный «тур» — буйвол сразу два эпитета, и притом такие редкие? Если бы Автор хотел передать прилагательное «буйный» в краткой форме, то, вероятно, получил бы «буйн», «буен», а не «буй» [9. С. 50]. О. Сулейменов дает пояснение в комментарии в следующем разделе «Буйные». Он вновь обращается к текстам «Слова» и их реконструкции с опорой на синтагматические предложенческие и текстовые образцы: «Мне кажется, термин “буй” входил в число титулов, выражая какую-то ступень княжеской иерархии в Киевской Руси».

В тюркских языках варианты буй, бий, бай, бей, бой применялись к людям, пользующимся властью и уважением.

В Златом слове есть случаи оригинального употребления интересующего нас эпитета. Святослав, обращаясь к князьям с призывом встать на защиту Русской земли, находит каждому достойное, уважительное определение. И вдруг почему-то к четырем князьям он обращается буквально на *ты*:

...Ты буй Рюриче и Давыде!
Не ваи ли вои злачеными шеломы
по крови плаваша?
...А ты буй Романе и Мстиславе!
Храбрая мысль носить ваю умь на дело.

А перевод, скорее всего, опирается на точку зрения очередного переписчика «Слова»:

...Ты буйный Рюрик и Давид!
...А ты буйный Роман и Мстислав!

Реконструируя оригинал-протограф, О. Сулейменов предлагает такой вариант прочтения:

...Аты буй Рюриче и Давиде!
...Аты буй Романе и Мстиславе!

Или даже:

...Именитые Рюрик и Давид!
...Именитые Роман и Мстислав!

Здесь *Аты* — уважительное обращение, означающее «Именитый», букв. «Высокоименный».

Отрицая метод народной этимологии, на который, очевидно, опирался переписчик, О. Сулейменов приходит к заключению: «Тюркизм “аты буй” сохранился благодаря своей невидимости: простота и благозвучие (вернее — созвучность славянским лексемам) спасли термин от калькирования или переделки» [9. С. 51].

Наконец, прокомментируем еще один невидимый или неувиденный (?) тюркизм: *кур*.

В строке Всеслав «изъ Киева дорискаше до куръ Тмутороканя» словоформа *куръ* подвергается неоднозначным реконструкциям. Если А.И. Мусин-Пушкин просто заменяет его на название города Курск и тогда *князь*, «рыскал до Курска и Тмутороканя», то в интерпретации акад. Д.С. Лихачёва появляются *куры*: «до куръ = до петухов» и подразумевается «до пения петухов». Такое толкование более соответствовало бы тексту «до куровъ Тмутороканя». Но тюркское слово *кур* обнаруживает такие значения: *кыр* (общетюркск.) ‘горный хребет, горное плато’; кура (кора) ‘стена, пространство, обнесенное стеной’; кур (кёр) ‘могильный холм’ [9. С. 54].

Происхождение слова *кур* прозрачно: «от корня “кур” — строй, воздвигай; курган — крепость, постройка; курма — тоже; куран — тоже, курм — тоже. В “Слове” еще не употребляется лексема “стена” (она германского происхождения и пришла в русский язык позже). Ее эквивалент — “забрало” (“въ Путивле на забрало”). Стена русского города Путивля — забрало; стена половецкого города Тмутороканя — “кура»», — пишет О. Сулейменов. Таким образом, Всеслав «доскакал до стен Тмутороканя», а «Кура» — еще один невидимый тюркизм «Слова» [9. С. 55].

Подводя лингвистическое обоснование, отметим, что объективно слово-словоформа предшествует слову-лексеме, потому что оно наблюдаемо. Композиционное свойство слова — быть частью предложения и текста — выявляет не только его формальные синтагматические качества, но и обуславливает его семантику с необходимым учетом грамматических категорий и форм через его употребление в составе единиц другого качества и уровня — от синтагмы до текста. Таким образом слово-словоформа становится синтаксически значимой единицей, а через синтактику — семиотической единицей: ее означающее — это звучание, точнее, звукобуквенный образ; ее означаемое или семантическое означивание — это языковое лексическое и грамматическое значение [10. С. 60]. В тексте оба содержания слова-лексемы — семиотическое и семантическое — в первую очередь реализуются благодаря корректному историко-культурному и этностилистическому толкованию с опорой на языковые синтагматические и парадигматические параметры.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для понимания значения содержания книги и авторского исследовательского метода представляется особенно важным процитировать несколько высказываний О.О. Сулейменова от первого лица о книге «Аз и Я» [11].

«Сейчас я отношусь к этой книге ровно, как и ко всем моим книгам, которые остались в XX веке, отношусь как к данности: да, это было. Но тогда... Я имею в виду годы 1975, 1976-й и так далее — они стали для меня как автора этой книги временем особого напряжения и, по-своему, особого подъема. Сейчас, оглядываясь на то время, я понимаю: когда на книгу обращено такое внимание, это свидетельствует о том, что в целом она для того периода стала очень заметным явлением культуры и политики...»

«Моя книга как раз и предлагала посмотреть на прошлое как на непрерывную линию, как на кровеносный сосуд, который нельзя прерывать. Она говорила в частности о том, что **на Руси возможно было русско-кыпчакское двуязычие**. Это видно на примере “Слова о полку Игореве”, которое писалось, как я считаю, для двуязычного читателя...»

«Вслед за отдельными “невидимыми” тюркизмами мне открывались куски текста, первоначально передававшие целые тюркские фразы, а то и несколько предложений кряду. Их понимали читатели XII века, но в XVI-м они уже были переведены на русский переписчиком (в “Аз и Я” об этом говорилось подробнее). Чем глубже вчитывался в такие строки памятника, тем яснее становилась догадка: оригинальный текст поэмы был писан человеком, знающим язык половцев. И писалась эта вещь для двуязычного читателя Киевской Руси XII века.»

«Огульно отрицая прошлое, мы утрачиваем что-то важное, необходимое для настоящего и будущего. А то получалось, что каждый новый строй разрушал предшествующий рельеф, даже горы, чтобы начинать с нуля. Поэтому “настоящая история” у нас начиналась снова и снова только с новых дат.»

«Каждый развитый этнос в своей истории переживал периоды двуязычия. Порой неоднократно приходилось оказываться под влиянием различных иноязычных культур. И ничего постыдного в этой правде нет... Любое великое произведение древности — плод взаимодействия культур.»

«**Я теперь уверен, что наконец открыл код слова**. Теперь могу узнать этимологию, то есть происхождение любого слова из любого языка. А это — генезис культов, культур, религий, цивилизаций. Потому что действительно “вначале было Слово и Слово было — Бог”».

«И, завершая, хочу сказать, что “Слово о полку Игореве” — литературный памятник трех временных срезов — XII, XVI, XVIII веков — продолжает ждать исследователей. Не столько патриотов, сколько ученых, способных выявить, какая из правд, накопившихся в науке за века изучения памятника, является истинной. То есть — истиной.»

© Красина Е.А., 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сулейменов О. «Всегда был и остаюсь интернационал-социалистом». Интервью. URL: <https://iz.ru/721769/sergei-shargunov/olzhas-suleimenov-vsegda-byi-i-ostaius-international-sotcialistom> (дата обращения: 29.05.2018).

2. Сулейменов О. «Мир пока не превращен в пустыню, человек должен понять свое Слово» // Известия. № 157 от 5 сентября 2005 г.
3. Сулейменов О. «Мне нужна ситуация борьбы и соперничества». Интервью 15.02.2007. URL: <https://www.fergananews.com/article.php?id=4908> (дата обращения: 30.05.2018).
4. Баскаков Н.А. «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI—XVII веков. М., 1978. URL: <http://tochka.gerodot.ru/slovo/baskakov02.htm> (дата обращения: 24.05.2018).
5. Дмитриев Л.А., Творогов О.В. «Слово о полку Игореве» в интерпретации О. Сулейменова // Русская литература. 1976. № 1. С. 251–259.
6. Кириллический алфавит. URL: https://mirputeshestvij.mediasole.ru/drevnerusskiy_alfavit_eto_zashifrovanное_poslanie (дата обращения: 24.05.2018).
7. Финикийский алфавит. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1166205> (дата обращения: 25.05.2018).
8. Зубкова Л.Г. Языковые единицы и категории в свете сущностных свойств языка и системных принципов // Языковые категории и единицы // сб. научных статей к 85-летию А.Б. Копелиовича. Владимир: Транзит-ИКС, 2014. С. 118–125.
9. Сулейменов О. АЗ и Я. Книга благонамеренного читателя. М.: Грифон-М, 2005.
10. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Москва-Вена: Языки русской культуры. *Wener Slawistischer Almanach, Sonderband 38/1*. Издательская группа «Прогресс», 1997. Т. 1.
11. Сулейменов О. Снова об «АЗ и Я». URL: <http://kh-davron.uz/kutubxona/turk/olzhas-sulejmenov-snova-ob-az-i-ya.html> (дата обращения: 31.05.2018).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 18.04.2018

Дата принятия к печати: 26.06.2018

Модератор: В.П. Синячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Красина Е.А. Невидимые тюркизмы в книге Олжаса Сулейменова «АЗ и Я» (филологический этюд) // Полилингвильность и транскультурные практики. 2018. Т. 15. № 3. С. 410–421. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3-410-421

Сведения об авторе:

Красина Елена Александровна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов. E-mail: elena_krassina@mail.ru

INVISIBLE TURKISMS IN THE OLZHAS SULEIMENOV'S BOOK “AZ I YA”: A PHILOLOGICAL ESSAY

E.A. Krasina

Peoples' Friendship University (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

The article is devoted to the analysis of the so-called “invisible Turkisms”, which are the object of discussion in the book “AZ i YA” by O. Suleimenov. The underlying methodological principle consists in the understanding of a specific bilingual situation based on cultural, historic and linguistic contacts

between Ancient Russia (Rus) and the Steppe, which is revealed in the idiosyncratic style of the literary masterpiece — the text of “The Lay of Igor’s Warfare”. Sharing the views of O. Suleimenov — a poet, a linguist, a turcologist and a bilingual personality, the article’s author tries to present the linguistic argumentation and explanation of the essence of “invisible” Turkisms in the ancient Russian poem, not using exclusively methods of linguistic reconstruction and etymological and paleographical analyses, but proceeding from the text analysis in the variety and multiplicity of its forms as well as taking into consideration syntagmatic, paradigmatic and functional text aspects. Using semiological strategies to analyze words and lexemes up to and including sound-and-letter contensive categories of the Cyrillic alphabet, the researcher manages to characterize main stages of semiosis as a coherent transition from the iconic signification to the symbolic one and simultaneously he tries to describe the emerging of symbolism and polysemy of words and lexemes in course of their textual using and semantic transformations.

The text of “The Lay of Igor’s Warfare” which was rewritten and translated a great many times is te document of its epoch, and as an object of cultural, historical and philological heritage it’s going to retain the everlasting significance in becoming and developing of interdisciplinary research in the domain of humanities.

Key words: double denotation, protograph, prototext, semantics, semiotics, signification, symbol, Turkism

REFERENCES

1. Sulijmenov, O. «Vsegda byl i ostayus’ internacional-socialistom» [Always and ever, I’m an internationalist and socialist]. Interview. Web. URL: <https://iz.ru/721769/sergei-shargunov/olzhas-suleimenov-vsegda-by-l-i-ostaius-internatsional-sotcialistom> (accessed: 29.05.2018).
2. Sulijmenov, O. 2005. «Mir poka ne prevrashchen v pustynyu, chelovek dolzhen ponyat’ svoe Slovo» [“The World Hasn’t Yet Turned into the Desert, so a Man Has to Understand His Word”]. *Izvestiya*. № 157 ot 5 sentyabrya 2005 g. (in Russ).
3. Sulijmenov, O. 2007. «Mne nuzhna situaciya bor’by i sopernichestva» [“I need to feel the situation of struggle and competition”]. *Interv’yu* 15.02.2007. Web. URL: <https://www.fergananews.com/article.php?id=4908> (data obrashcheniya: 30.05.2018).
4. Baskakov, N.A. 1978. «Slovo o polku Igoreve». *Pamyatniki literatury i iskusstva XI—XVII vekov* [“The Lay of Igor’s Warfare”. Monuments of literature and art of the XI—XVII centuries]. Moscow. Web. URL: <http://tochka.gerodot.ru/slovo/baskakov02.htm> (accessed: 24.05.2018).
5. Dmitriev, L.A., and O.V. Tvorogov. 1976. «Slovo o polku Igoreve» v interpretacii O. Sulejmenova [“The Lay of Igor’s Warfare”]. *Russkaya literatura*. 1: 251—259. Print. (in Russ)
6. Cyrillic alphabet. URL: https://mirputeshestvij.mediasole.ru/drevnerusskiy_alfavit__eto_zashifrovannoe_poslanie (accessed: 24.05.2018).
7. Tyrian alphabet. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1166205> (accessed: 25.05.2018).
8. Zubkova, L.G. 2014. *Yazykovye edinicy i kategorii v svete sushchnostnyh svojstv yazyka i sistemnyh principov* [Linguistic Units and Categories in the Light of Essential Features and Systemic Principles]. *Yazykovye kategorii i edinicy: Sbornik nauchnyh statej k 85-letiyu A.B. Kopeliovicha*. Print. (in Russ.)
9. Sulejmenov, O. 2005. *AZ i YA. Kniga blagonamerennogo chitatelya* [AZ i YA. The Book of a Well-intentioned Reader]. Moscow: Grifon-M. Print. (in Russ).
10. Mel’chuk, I.A. 1997. *Kurs obshchej morfologii* [Course in General morphology]. Moscow-Vienna: *Yazyki russkoj kul’tury*. Print. (in Russ).
11. Sulejmenov, O. *Snova ob «AZ i YA»* [Once Again on AZ i YA]. Web. URL: <http://kh-davron.uz/kutubxona/turk/olzhas-sulejmenov-snova-ob-az-i-ya.html> (data obrashcheniya: 31.05.2018).

Article history:

Received: 18.04.2018

Accepted: 26.06.2018

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Krasina E.A. 2018. “Invisible Turcisms in the Book AZ i YA by Olzhas Suleimenov (Philological Essay)”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 15 (3), 410–421. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3-410-421

Bio Note:

Elena Alexandrovna Krasina is a Dr. habilis., Professor of the General and Russian Linguistic Department, Philological Faculty, the RUDN University. E-mail: elena_krassina@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3-422-444

«ЯЗЫК ПИСЬМА» ИЛИ «ПИСЬМО — ЯЗЫК В ГРАФИКЕ» (ОДИНАКОВОЕ В РАЗНОМ И РАЗНОЕ В ОДИНАКОВОМ)¹

М. Джусупов

Узбекский государственный университет мировых языков
Республика Узбекистан, 100138, Ташкент, ул. Кичик Халка Йули Г-9А, д. 21-а

В статье-рецензии анализируются и описываются некоторые аспекты содержания книги О.О. Сулейменова «Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь “1001 слово”», которая характеризуется инновационным подходом к проблеме исследования происхождения слова, понятия, знака, произношения с древних времен. В основе научной концепции О.О. Сулейменова лежит понятие письменного и устного слова с его разными графическими изображениями и разными произношениями независимо от географических, национально-культурно-языковых дифференциаций. Древний первоисточник слова (этимон) рассматривается как синтез этих четырех аспектов происхождения слова, который формирует единый психообраз в сознании человека. Автор книги ставит цель — выявить мир кода слова, описать, чтобы определить этимон слова. В работе используется метод двойного отрицания (отрицание отрицания), что способствует уходу от известных постулатов языковедения, порождению новых методов исследования и формированию результатов, выраженных в новонаправленных умозаключениях, например, в определении знака как произвольного явления, в отличие от утверждения Фердинанда де Соссюра о произвольности знака, которое является нормативным понятием в современной науке о языке. Мы используем метод тройного отрицания (отрицать отрицание отрицания) и приходим к выводу о том, что знак и произвол, и произволен: знак *солнце* у разных народов выражен по-разному, поэтому в этом плане он произволен. Но во всех знаках солнца (древнеегипетское, древнекитайское, древнетюркское) присутствует первоэлемент знака (инвариант) — круг, полукруг, квадрат, т.е. замкнутость, поэтому в этом плане знак произволен. О.О. Сулейменов поиск этимона слова осуществляет глубже и шире традиционного филологического подхода. Это совокупность общезнаменитого, языковедческого, исторического, философского, гносеологического подходов и соответствующее научное обобщение на основе использования метода отрицания отрицания и пяти правил, разработанных и внедренных О.О. Сулейменовым в систему научного исследования.

Ключевые слова: понятие, слово, код, графическое изображение, произвольность и произвольность знака, произношение, древний первоисточник (этимон), язык

1. ВВЕДЕНИЕ

В 2014 году в Алматы в двух разных издательствах была опубликована книга О.О. Сулейменова «Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь “1001 слово”», которая уже несколько раз обсуждалась научной обществен-

¹ Основанием для написания данной статьи-рецензии послужила книга известного поэта, ученого, общественного деятеля О.О. Сулейменова «Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь “1001 слово”». Алматы: Библиотека Олжаса, 2014.

ностью в ходе работ международных научных конференций в Российском университете дружбы народов (РУДН, 2015), в Чехии (Карловы Вары, 2017) и в настоящее время на страницах «Вестника РУДН “Вопросы образования: языки и специальность”». Книга вызвала большой интерес среди специалистов в области как диахронии, так и синхронии языка, занимающихся проблемами истории слова, языка, письма. В основу книги заложена идея создания универсального этимологического словаря независимо от национальных, территориальных различий, т.е. вскрыть код слова и выявить древний первоисточник (этимон), рассматривая в совокупности: понятие, графическое (образное) изображение, слово, значение, произношение как единый психообраз в сознании древнего и современного человека, с учетом особенностей поэтапного формирования этого единого психообраза — от понятия к изображению, к слову, к значению, к произношению, к современному написанию.

В 2013 году из ЮНЕСКО (через докт. фил. наук, проф. У.М. Бахтикирееву) мне прислали рукопись этой книги для рецензирования [1]. Рукопись книги называлась: «Несколько слов из 1001. Введение в Универсальный этимологический словарь “1001 слово”». В 2014 году книга вышла в свет под тем названием, которое мы привели в начале статьи.

В изданном варианте наблюдаются незначительные изменения как в структуре, так и в формулировках глав и параграфов, а также в некоторых содержательных нюансах материала исследования. Суть, научная содержательность исследования не изменилась. Изменения (корректировки) касаются некоторых формулировок, уточнений, пояснений в работе, что демонстрирует процесс научно-исследовательского совершенствования.

В настоящей статье-рецензии мы будем опираться в большей степени и на текст рукописи книги, который, конечно же, идентичен тексту опубликованной книги, но при этом будут иметь место разные номера страниц при ссылках на материал исследования.

Чтение работы О.О. Сулейменова, ее осмысление требует специальной подготовки: она нестандартная, нетрадиционная в исследовательском и описательном планах. Это сочетание нестандартного, нетрадиционного, научно-индивидуально-авторского с традиционной лингвистикой с доминированием сулейменовского лингво-поэтико-историко-философского видения проблемы кода слова и общего древнего первоисточника (этимона) слова, понятия, изображения (письма), произношения.

2. ОБСУЖДЕНИЕ

Причинность, необходимость, сомнение

Статью-рецензию, написанную после чтения рукописи книги «Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь “1001 слово”» О.О. Сулейменова, мы решили начать словами великого древнегреческого мыслителя Демокрита: «Ни одна вещь не возникает беспричинно, но все возникает на каком-нибудь основании, в силу необходимости».

Человеческое письмо (во всех его разновидностях), как и все другие вещи, явления, изобретенные человеком, возникло в силу необходимости не только устно-знакового (звукового) общения, но и — письменно-знакового. Второй вид общения — письменный, который позволил человеку, племени, народу передавать свои мысли другим вне своего присутствия в процессе акта общения. Письмо стало одним из главных факторов объединения разных племен, этносов, народов в одно большое человечество, что длилось много тысячелетий, поэтому возраст человека, человечества и возраст письма примерно одинаковый с опережением возраста малого человечества.

Да, все возникает в силу необходимости, и у необходимости есть причины ее появления, т.е. основания. О.О. Сулейменов в данной работе (как и в своих предыдущих работах) занимается исследованием возникновения этой необходимости и причин ее появления в области письма, языка (или языка и письма).

Формулировку названия настоящей рецензии мы представили в следующем виде: Язык письма или Письмо — язык в графике (одинаковое в разном и разное в одинаковом).

Объясняется это тем, что первая часть — «Язык письма» — это название большой работы О.О. Сулейменова. В книге «Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь “1001 слово”» также исследуется язык письма и письмо языка, т.е. мы думаем, что тем самым мы даем возможность читателю сразу увидеть преемственность его лингвографических изысканий.

Вторая часть формулировки названия «Письмо — язык в графике» является первой частью названия нашей статьи об истории и современном состоянии казахского письма, о «страданиях» между кириллицей и латиницей [2]. На наш взгляд, они (две части формулировки названия) дополняют друг друга.

Третья часть формулировки названия (одинаковое в разном и разное в одинаковом), как мы предполагаем, будет способствовать раскрытию основной сути работы, заложенной в первой и во второй частях названия статьи-рецензии, потому что в разных языках и разных типах письма есть одинаковое, а в этой одинаковости есть большое разное, что является главным лейтмотивом не только этой, но и других лингвографических работ О.О. Сулейменова.

Именно эту проблему — проблему одинакового в разном и разного в одинаковом в истории письма и языка — причины и истоки их появления О.О. Сулейменов выставляет как одну из самых главных научных проблем в исследовании жизни человечества.

Этой глубинной научной проблеме уделяли, уделяют и будут уделять большое внимание, так как человек и письмо (или письмо и человек) тесно взаимосвязаны: находки в одной области данной проблемы способствуют раскрытию доселе неизвестного в другой области этой же проблемы.

Проблемы письма и языка, языка и социума, письма и социума исследуются в разных аспектах: в историческом аспекте [3—7]; в аспекте сочетаний истории письма и современности [8; 9]; в аспекте создания алфавитов [10]; в аспекте психолингвистических и социолингвистических проблем при смене типа письменности [2; 11]; в аспекте тесной внутренней и внешней взаимосвязи и взаимообус-

ловленности письменных знаков, фонологического строя языка, единых звуко-буквенных психообразов в сознании носителей конкретного языка [12].

Исследования О.О. Сулейменова, посвященные письму, языку, носят полиаспектный, надгеографический, наднациональный характер в пространстве времен и территорий.

Именно поэтому данное исследование О.О. Сулейменова имеет такое же большое научно-лингвистическое, научно-историческое, научно-культурное значение, как и другие его работы, посвященные проблемам лингвографии. Научные изыскания, осуществленные в таком глобальном общечеловеческом масштабе, в настоящее время встречаются редко.

Автор работы погрузился в глубокую историю письма, а следовательно, и в глубокую историю человечества. История письма и история человечества тесно взаимосвязаны: человек через письмо выражает свои мысли, отражает историю эпохи, историю народа, государства и т.д. Письмо все это (и многое другое) хранит и передает из поколения в поколение.

Итак:

1) письмо — это язык в графике, языковая и речевая память человечества, функционирующая в пространстве времени и территории;

2) письмо — «времен связующая нить», какого типа бы оно ни было;

3) в истории человечества «плохого» письма не было. Все типы и виды письма были, есть и будут великими, так как это главная знаковая (лингвографическая) память человека и общества, второй по значимости для человека вид речевой деятельности (после говорения). Именно поэтому мы полностью не разделяем доводы некоторых «профессионалов» о том, что такой-то тип современного письма отстал от жизни, окончательно изжил себя, а следовательно, этому народу, государству надо менять тип графики, переходить на новый, якобы «прогрессивный» и «лучший» тип письма. Все типы письма, обслуживающие современные живые языки, являются современными;

4) изобретение письма глобально расширило виды коммуникации человека (письмо, чтение, письменный перевод), т.е. общение кроме конкретно-ситуативно-контактного стало и дистанционным (дистанционно-письменным). Последнее имело революционное значение в истории развития человечества. До изобретения письма человек мог осуществлять полностью лишь четыре вида речевой деятельности: говорение, слушание, внутреннюю речь (внутреннее говорение) и четвертый вид речевой деятельности — перевод, но только в ее устной разновидности.

Читая и анализируя «Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь “1001 слово”» О.О. Сулейменова, читатель больше и больше убеждается в том, что все типы письма в истории человечества имеют одну единую основу — основу, которая вбирает в себя главные (доминантные) начертательные знаки, одинаково характерные для разных народов, наций, племен и т.д., проживавшим и проживающим на разных географических и временных пространствах. Это такие знаки (в разной интерпретации):

- ┆ палочка или черта;
- ⤿ полукруг или дуга;

- круг или кольцо;
- ∧ изгиб, или угол, непрямоугольный;
- └ (┐) прямоугольник;
- ← наконечник стрелы или копья;
- ↑ стрела или копье;
- точка или клякса;
- маленькая горизонтальная черточка на основном знаке;
- ┆ маленькая вертикальная черточка на основном знаке;
- , знак в виде запятой на основном знаке и некоторые другие.

Такая общность в типах письма, функционировавших в прошлом и функционирующих в настоящем, свидетельствует о том, что независимо от национальных, племенно-родовых, географических, временных и других различий человек и его мышление развивались в одном русле восприятия и отражения окружающей действительности, что в итоге в виде знаков и их психообразов сформировалось в его сознании и выразилось в соответствующей лингвографической деятельности.

Итак, «Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь “1001 слово”» О.О. Сулейменова является не просто интересным, а остроинтересным произведением, характеризующимся присутствием инновационного подхода к исследованию, описанию и резюмированию результатов поиска во все времена актуальной научной проблемы.

Безусловно, книга не будет принята однозначно научной общественностью, что, впрочем, характерно для всех результатов лингвистических изысканий О.О. Сулейменова, так как они и по научной концепции, и по принципам, и по методам и приемам ведения научного исследования нестандартны, традиционно-нетрадиционны, по-олжасовски искрометны, научно-поэтико-иронично-саркастичны (в положительном смысле всей и особенно последней части данного выражения).

В работе прочный сплав лингвистики (исторической лингвистики, семантики, фонетики и фонологии), семиотики, истории, генетики, культурологи и т.п., что в таком глубоком, фундаментальном, индивидуально-авторском видении научной проблемы и ее описании встречается исключительно редко. Однако, следует отметить, что работы такого рода, но не в таком большом объеме, а сосредоточенные на одном предмете исследования большого научного объекта исследования, конечно же, имеются.

Рене Декарт сказал, что «для разыскания истины необходимо раз в жизни, насколько это возможно, поставить все под сомнение». О.О. Сулейменов именно так и подходит к решению исследуемой проблемы. Именно поэтому многие его умозаключения, сделанные на основе анализа исследуемого материала с позиции «неужели существующее решение проблемы правильное или единственно правильное», являются «неожиданными», «ершистыми», «колючими», плывущими против течения, а следовательно, открывающими новые страницы в истории письма, опровергающими или интерпретирующими уже известные истины, подмечающими ювелирно тонкие нюансы как в истории лингвографии в частности, так и в истории человечества в целом.

Созвучие слов и позиционные чередования звуков

Конечно же, определенная часть книги «Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь “1001 слово”» не лишена неполновыраженности, недооцененности до научной истины доказательной аргументацией.

Созвучие слов в разных языках не всегда является единственным научно верным признаком, доказывающим их родство или же взаимопроницаемость языковых единиц в результате обязательного контактирования этих языков. Сравним, например, русское слово *тон* (тон голоса, тон речи и т.д.) и казахское слово *тон* (шуба). Созвучие есть? Есть полное созвучие, идеальное созвучие. Однако можно ли, основываясь на этом идеальном созвучии, в истории формирования вышеприведенных слов как в аспекте фонетики и фонологии, так и в аспекте их значений и семантики найти что-то общее, единоначальное в эпохах до нашей эры и в эпохах нашей эры? Но это ведь не сулейменовские вопросы, не сулейменовское видение, не сулейменовские умозаключения. Что в этом увидит и изыщет О.О. Сулейменов? Вполне возможно, что совсем не то, что другие. У других собственно научный подход к решению научной проблемы. У О.О. Сулейменова — лингво-поэтико-философский подход с отрицанием уже традиционно известного и отрицанием отрицания. А это значит, что расширяется диапазон видения и количество предметов исследования в одном объекте исследования, что позволяет О.О. Сулейменову вывернуть мысли наизнанку и увидеть то, что он ищет, что пока еще неизвестно другим.

Итак, научная истина одна, но способы ее постижения могут быть разными, поэтому исследователь неистину может определить как истину, и наоборот.

Так, О.О. Сулейменов находит общее в словах *kent* → *kelt* → *kert*, означающих племя, общину небольшого города, небольшой город (первые два слова) и город (последнее слово — в армянском языке). Мы считаем, что эту параллель можно продолжить в виде фоновариантов *kand/kant*, например Коканд, Самарканд; *kent/kend*: Ташкент, Шымкент, Бабкент, Жаркент. В некоторых из этих примеров значение ‘небольшой город’ интерпретировалось и в значении ‘большой город’ (например, Ташкент, Шымкент). То же самое со значением слова *kand*, т.е. оно тоже уже имеет значение ‘большой город’ (например, Самарканд).

Однако в истории функционирования слова наблюдается и обоюдонаправленные процессы (например, Коканд). Когда Коканд был столицей Кокандского ханства, он имел значение большого города. Когда же он перестал быть столицей ханства (колонизация, революция 1917 г.), а стал небольшим городом в составе Ферганской области, то он потерял значение крупного города, крупного центра. В настоящее время Коканд в сознании людей (даже жителей самого г. Коканда) сформирован в виде психообраза небольшого города. Итак, в данном случае (в составе слова Коканд), *-kand* не обладает значением ‘большой, крупный’, а в составе слова Самарканд — обладает таким значением, потому что это крупный исторический и современный культурный центр, город, как во времена Тамерлана, так и в настоящее время.

Можно ли в этот ряд добавить такое казахское слово, как *қант* (*qant* — сахар) и его узбекский эквивалент *қанд*? Ведь налицо именно прямое созвучие с некоторым изменением в форме слова: вместо заднеязычного [к] появляется глубо-

козаднеязычный (тюркский, персидский) [q] в кириллице [к]. Но есть ли в них генетическая (этимологическая) родственность, единоначало? Этот вопрос предназначается О.О. Сулейменову (впрочем, не только ему). При этом обратим внимание на такой фонетико-фонологический нюанс: в современном узбекском литературном языке, в отличие от других современных тюркских литературных языков, под влиянием фарси финальный согласный [d] слова не оглушается. Поэтому, например, в казахском языке *qant* — сахар, в узбекском языке *qand*; в каз. яз. *mart* — щедрый, а в узбекском языке — *mard*.

Итак, *kand/kant*, *kent/kelt/kert* — фоноварианты одного слова, в которых, как пишет О.О. Сулейменов, «...форма слова изменялась, но значение почти сохранилось». Мы в данном случае это сулейменовское выражение употребили бы без слова «почти», в следующей интерпретации: «звуковая оболочка слова незначительно изменилась, но значение сохранилось», так как эти фоноварианты слова такие свои значения, как ‘место’, ‘город’ не утратили. В случае же с приведенными выше одинаково звучащими словами неродственных языков (вторая пара: *тон* (рус.) — *тон* (каз.)) наблюдается обратное: звуковая оболочка (форма, орфоэпия) слов одинаковая (не имеет отличий, т.е. не изменилась), а значения — разные. Как быть в этом случае? Обеспечивает ли это созвучие родственность происхождения этих слов? Думаем, что нет. В данном случае мы позволили себе на одно и то же фонетико-фонологическое явление в разных языках посмотреть с «другой стороны», как это делает О.О. Сулейменов, при этом не выворачивая мысли наизнанку, потому что «внутри» слов (рус. *тон* — каз. *тон*) мы не увидели «другое»: мы и «внутри» этих слов видим то, что мы видим, слышим, понимаем с их наружной стороны.

Таким образом, исследование созвучий слов дает два результата:

1) родственность, общность происхождения (этимологии) и т.п., то, что почти всегда изыскивает О.О. Сулейменов;

2) неродственность, необщность, т.е. семантическую, смысловую разность.

Восприятие и воспроизведение человеком звучания слова и в целом речевого потока — основа всех видов общения (коммуникации). В этом процессе огромную роль играет созвучие. На основе созвучия двух слогов, слов и т.п. лингвистические исследования осуществлялись и в древние времена и осуществляются в настоящее время. Созвучие является одной из базовых основ анализа не только собственно языковедческого характера, но и графического, лингвографического, и т.д. О.О. Сулейменов в своих научных исследованиях соединяет их в одно целое, что дает высокосинтезные результаты, «провоцирующие» вздохи восхищения с одной стороны и вздохи огорчения, недоумения — с другой стороны. Да будет единство в понимании результатов его исследований! А недоумение, огорчение — со стороны оппонентов и даже откровенное неприятие во все времена сопровождали неординарные научные исследования и их авторов.

Чередования фонем (звуков — смыслообразителей и формобразителей в составе морфемы и слова в целом) являются одной из главных особенностей каждого языка, языковых семей. На основе результатов их анализа выявляются как исторические изменения в звуковой форме слова и его значений, так и — современные (живые). В исследованиях О.О. Сулейменова в области анализа слова,

его этимологии и на основе этого выявления сходств и различий в разных языковых семьях большое место занимают изыскания данного аспекта языка. При этом все чередования звуков в составе слов разных наречий, диалектов, говоров О.О. Сулейменов в обязательном порядке связывает с их отражением на письме. Именно поэтому одна из его крупных новонаправленных работ называется «Язык письма». Итак, в работе чередования звуков и звукосочетаний в составе слова исследуются прежде всего с позиции их отражения на письме и в вариациях, и вариантах одного и того же знака письма (графемы) и комплекса (т.е. сочетаний) письменных знаков (графем).

Все чередования звуков и сочетаний звуков в составе морфемы и слова являются позиционными: даже те чередования, которые в современном языкознании называются историческими (т.е. традиционными), которые ни современными законами сочетаемости звуков, ни современными правилами редукции, ассимиляции, диссимиляции, сингармонизации в языке, их отражения или неотражения на письме, ни основными законами графики того или иного языка, ни основными принципами орфографии объяснить (доказать) невозможно. Именно поэтому, например, в современном русском языкознании, в тюркском языкознании они называются непозиционными (традиционными или историческими), в отличие от живых (современных, позиционных) чередований, которые объяснимы, доказуемы правилами и законами чередований, сочетаемости языковых единиц, функционирующих в современном состоянии языка.

Приведем примеры:

рус. яз.: год [гот], года [д]. Чередование д/т происходит в результате того, что фонема <д> находится в сильной позиции в словоформе *года*, а в словоформе *год* попадает в слабую позицию, и поэтому на месте <д> произносится звук [т]. Итак, изменилась позиция — изменились артикуляционные, акустические и другие характеристики языковой единицы;

рус. яз.: другу [г], дружба [ж]. Данное чередование г/ж современными правилами русского языка объяснить невозможно. Это историческое чередование, которое можно объяснить, исследуя, выявляя закономерности чередований звуков в далеком прошлом.

Такие примеры можно привести и из казахского, и из узбекского, и из других языков. Но мы ограничимся тем, что представили выше.

Суть дела в том, что такие исторические чередования (которыми занимается О.О. Сулейменов), не объяснимые современными, парадигматическими и синтагматическими свойствами языковых единиц, в свое время были не историческими, т.е. синхронными явлениями языка той эпохи, когда они возникли и функционировали. А это значит, что такие чередования в то время были закономерностью, а следовательно, они были тогда объяснимыми, так как для своей эпохи они были позиционными, потому что в динамике языка нет ничего непозиционного вообще, как в нашей окружающей действительности. Каждый предмет в мире находится в определенном позиционном отношении к другим предметам. А это значит, что все в мире позиционно. Это один из основных законов нашей действительности, а следовательно, изменение позиций как один из законов или правил диалектики распространяется полностью и на язык, на речь и на их закономерности.

Итак, в языке и речи все позиционно, т.е. каждая языковая единица в каждом случае речевого акта имеет свою конкретную позицию. Рассмотрим следующие случаи:

рус. яз.: фонема <д>: дом [д], ода [д], год [т], лодка [т];

каз. яз.: нар [н] (верблюдо-производитель), он [н] (десять), ана [н] (мать), нанба [м] ([намба]) (хлеб ли), Есенғали [н] ([есенғали]) (мужское имя).

Здесь в зависимости от позиции в составе слова не изменяется или же изменяется звучание русской фонемы <д> и казахской фонемы <н>.

О.О. Сулейменов в этой (и не только в этой) работе широко и глубоко демонстрирует чередования звуков (т.е. фонем и их позиционных разновидностей) как основного доказательства изменения звукового облика слова, появления нового значения у слова или появления нового слова в разных языках, наречиях, диалектах и их отражения на письме в вариантах и вариациях одного и того же письменного знака (буквы или иероглифа), например: *kenti* → *kent* → *kanti* → *kant*.

В этих примерах наблюдаются чередования: *i/∅* (*i* с нулем звука); *a/e*. О.О. Сулейменов объясняет эти чередования следующим выражением: «знакотворец убирает “уменьшитель”, образуя новый антизнак, и соответственно изменяется название». Такое объяснение («убирает “уменьшитель”») касается только рисунка знака, т.е. собственно графики, но не фонетики и фонологии слова. Звучание слова может не зависеть от его написания (пишем *счастье*, но произносим [ш':äc't'jь]). Поэтому автору следовало бы объяснить, расписать:

- 1) почему произошли эти чередования;
- 2) какой закон сочетаемости (чередования) фонем и их позиционных разновидностей (звуков) в данном случае имеет место;
- 3) почему в позиции между двумя согласными гласные | *i* | и | *a* | чередуются, что это за фонетическое или фонологическое правило в речевом потоке того времени?

Итак, все чередования звуков внутри одного языка, а также при заимствовании слова одного языка/диалекта другим языком/диалектом осуществляются в соответствии с их парадигматическими или синтагматическими свойствами и соответствующими законами и правилами чередования. Поэтому следовало бы не ограничиваться объяснением, доказыванием появления нового интерпретированного знака письма, но и объяснить закономерности чередований звуков, так как ни одно чередование звуков в языке и в речи не появляется за пределами существующих в тот период развития языка законов и правил сочетаемости, чередований языковых единиц и их компонентов, тем более что автор работы в приведенном нами выше высказывании говорит: «...соответственно изменяется название», т.е. изменяется звучание, фонетико-фонологический облик слова. Однако следует отметить, что О.О. Сулейменов, пожалуй, единственный историк языка и письма, пытающийся решить проблему исторических звуковых чередований, функционировавших в языках, наречиях, диалектах, говорах до нашей эры и в ранние эпохи нашей эры в единстве четырех аспектов проблемы — понятия, графического изображения, слова, звучания. Однако демонстрация самого факта чередования звуков полностью не доходит до лингвистических истоков, причин таких звуковых чередований, отраженных или не отраженных на письме.

Знак и произволен, и непроизволен

О.О. Сулейменов пишет, что «знаки солнца, возникшие в верхнем палеолите (как рассказывают находки археологов), по-видимому, были первыми сложными графемами первобытного письма...» [1. С. 3]. Далее он пишет, что «формы знаков солнца продолжают укреплять уверенность в версии о самостоятельности культур и письменностей древнего мира: ни в одной из них знакотворцы... кажется, даже не старались сделать письменное солнце узнаваемым» [1. С. 2].

Далее О.О. Сулейменов рассуждает о понятии производности знака, «введенное в научный обиход Фердинандом де Соссюром»: «Своим открытием Соссюр ... облегчил работу этимологам и историкам письма, которым уже не требуется выискивать причинность слова и письменного знака. Этимологу достаточно представить картину распространения лексемы с похожими смыслами в родственных языках и по ним восстановить праформу. А как произошла праформа, думать не надо: это известно — произвольно придумана кем-то в древности» [1. С. 4]. Дальше О.О. Сулейменов говорит в лингво-поэтико-научных выражениях о произвольности знака, в которых заложены свойственные ему эмоции, сарказм, тонкий юмор, полет мысли в целях развития мысли другого человека (в данном случае Ф. де Соссюра) в пространстве и в высотах олжасовского видения проблемы и в возможностях его языкового оформления.

Например, о Фердинанде де Соссюре он пишет: «Из всех видов письма, видимо... был знаком только с буквенным» [1. С. 3].

Итак, был ли знаком Ф. де Соссюр с другими типами письменности, кроме буквенного? На наш взгляд, это большой вопрос. А раз большой вопрос, то могут быть два больших ответа.

- 1) да, был знаком;
- 2) нет, не был знаком.

Второй (отрицательный) ответ уже прозвучал из уст О.О. Сулейменова. Но в этом ответе есть такие слова и выражения, которые не характеризуют абсолютизм отрицания, а характеризуют преимущественность такого отрицания, а это значит, что он может допустить знакомство Ф. де Соссюра и с другими, небуквенными, типами письменности. Это такие слова и выражения:

- 1) «...судя по его трудам, был знаком только с буквенной»;
- 2) «Поэтому знаки солнца ему, скорее всего, не встречались...»

Таким образом, О.О. Сулейменов сквозь свои моноотрицание и биотрицание (отрицание отрицания) все-таки уходит в данном случае от абсолютизма отрицания: да, допустим; да, возможно.

Итак, еще раз задаем один и тот же вопрос: был ли знаком Ф. де Соссюр с небуквенными типами письма? Мы допускаем, что все-таки он был знаком с небуквенными типами письма. Ведь он сказал, что «знак произволен», а это значит, что, по всей видимости, был знаком или предполагал существование и небуквенных типов письма в истории человечества, которые тоже обозначались графическими знаками, и тоже произвольно, потому что «знак произволен». Если учесть, что ко времени творческой деятельности Ф. де Соссюра были уже известны такие древние типы письма, как древнетюркское и, самое главное, незвукобуквенное китайское письмо, которое функционировало в то время и раньше, и функцио-

нирует сейчас, то ясно, что Ф. де Соссюр не мог не знать о существовании небуквенного (иероглифического) китайского письма. Итак, Ваш покорный слуга методом О.О. Сулейменова «отрицание отрицания» все-таки склонен считать, что Ф. де Соссюр в целом был знаком и с другими небуквенными типами письменности. Ведь он сказал: «знак произволен».

Мы позволим себе несколько подробнее остановиться на тезисе О.О. Сулейменова, что открытие Ф. де Соссюра «знак произволен» в «беременном революциями» XX веке стал лозунгом «культурных революций», породивших не просто произвол, а «... традицию произвола в живописи, литературе, графике и скульптуре», что, по мнению О.О. Сулейменова, приучало воспринимать «искусственное за искусство» [1. С. 4].

О.О. Сулейменов верен себе (что человеку дано богом, никто не отнимет). Так, в этом контексте три выражения, «потрясающих» чувства читателя:

- 1) ««беременный революциями» XX век»;
- 2) «традиция произвола»;
- 3) «принимать искусственное за искусство».

«**«Беременный революциями» XX век»**. К проблеме «интересного положения» (т.е. «беременности») XX века мы вернемся позже. Сейчас отметим, что результат любой беременности — это рождение. Знак тоже «может быть в интересном положении» (т.е. «беременным»), так как в любом первом знаке (знаке-первоисточнике) заложена возможность рождения другого или других знаков, потому что знак произволен. Это подтверждается и результатами исследования Олжаса Сулейменова (например, разные знаки солнца).

«**Традиция произвола**». Мы ведь не задумываемся над тем, что у произвола тоже есть традиции, что он тоже передается из поколения в поколение в пространстве, времени и территории, как традиции в семье, в искусстве, литературе, в архитектуре и т.д. Можем ли мы считать, что это выражение О.О. Сулейменова — «традиции произвола» — несет в себе глубокое межвременное значение (или смысл), как выражение Ф. де Соссюра «знак произволен»? Ведь знак был произволен в далеком и близком прошлом, произволен в настоящем и будет произволен в будущем. «Традиции произвола» тоже были в прошлом, есть в настоящем и, конечно же, будут в будущем.

Итак, понятия «знак произволен» и «традиции произвола» — это понятия родственные: в обоих случаях присутствует свобода действий. Эти действия положительного характера или отрицательного характера? Этот вопрос в данном случае не самый главный. Знак произволен, потому что создатели древних знаков (жрецы) и создатели современных знаков (специалисты, дизайнеры, художники и т.д.) произвольны в производстве знака, т.е. занимаются «произволом» в области создания знаков, т.е. они формируют «традиции произвола» в произвольности знака. Именно этот «произвол» в произвольности знака привел человечество к современным типам звукобуквенного письма.

Конечно же, за «произвол» в революциях XX века, за понятие «знак произволен» Ф. де Соссюр ответственности не несет. Но родственность понятий налицо, потому что «произвол» в революциях — это произвольность действия участников революций. У каждой революции свои знаки-символы, потому что «знак произ-

волен» и любой знак в письме или в социальных эволюциях есть символ. Символы революции — это прежде всего лозунги, оформленные графическими средствами. Итак, произвол в революциях непосредственно связан с понятием произвольности знака. Думал ли Фердинанд де Соссюр о социально-революционных аспектах своего открытия («знак произволен»)? Это серьезный вопрос. У этого вопроса есть свой ответ, который нам кто-то когда-то должен дать.

«Принимать искусственное за искусство» — да, каламбурно-саркастическое заключение О.О. Сулейменова тоже имеет прямое отношение к проблеме знака, а следовательно, и к проблеме произвольности знака, а следовательно, и к проблеме «традиции произвола». Процесс принятия искусственного за искусство осуществляется в знаках: искусственное масло — в знаках масла, искусственная литература — в знаках литературы, искусственные социальные победы — в знаках социальных побед. Итак, принять искусственное за искусство нетрудно. Все зависит от степени агитации, рекламы, которые оформляются знаками — графическими, звуковыми и т.п. А это значит, что произвольность и произвол в агитации, в рекламировании искусственного в качестве реально существующего искусства порождает социальную проблему, вывернутую наизнанку — принятие искусственного за искусство. Это становится традицией для определенной части населения в определенный промежуток времени или на все времена. А почему это происходит? Потому что знак произволен. Потому что произвольность знака имеет две стороны — положительную и отрицательную. Отрицательная сторона произвольности знака порождает произвол. А систематичность произвола порождает традиции произвола. Таким образом, принятие искусственного за искусство — результат произвольности знака («знак произволен») и функционирования традиции произвола.

Итак, мы попытались рассмотреть три выражения-умозаключения О.О. Сулейменова, потрясающих чувства читателя, характеризующихся неожиданностью словоупотребления, неожиданностью семантико-стилистических оттенков, неожиданностью ракурса в видении проблемы, и объединить их в одно целое понятие — в понятие «знак произволен»: потому что и вообще «беременность» в прямом и переносном значениях, и «традиция произвола», и «принятие искусственного за искусство» имеют знаковые (знаково-символические) признаки, характеристики.

Да, знак произволен. О.О. Сулейменов находит в этой произвольности общее, т.е. основа, знаковая функция одна — письменная константа, а ее интерпретации разные. Именно поэтому Фердинанд де Соссюр имел в виду произвольность знака, видимо, прежде всего в начертании, а потом и в его содержании. Это доказывает О.О. Сулейменовым, когда он приводит примеры (образцы) изображения солнца нашими древними предками:

- ☉ древнеегипетское пятнистое солнце;
- ☽ древнетюркское полукруглое солнце;
- ☼ шумерское солнце — остроугольник;
- ☐ китайское квадратное солнце [1. С. 2].

Во всех этих изображениях солнца древними мы видим признак круга, кругообразности, замкнутости.

Древнеегипетское солнце — круглое. Тут не нужны комментарии.

Древнетюркское солнце — полукруглое (половина круга), т.е. наличие признака круглости.

Шумерское солнце — остроугольник. В нем можно увидеть признак круглости, полукруга, если концы каждой линии остроугольника соединить дугой.

Древнекитайское солнце — квадрат (в виде квадрата). В нем тоже есть признак круга (округлости). Потому что он со всех сторон закрыт как круг (круг солнца).

Итак, древние видели одно (солнце), но изображали его по-разному, не теряя при этом главный признак — признак круглости (круг; полукруг; остроугольник, конец которого можно соединить полукругом; квадрат, который закрыт со всех сторон, как круг).

Таким образом, мы позволили себе на тех же примерах, которые приводит в своей работе О.О. Сулейменов, отрицать «отрицание отрицания». У Сулейменова отрицание — одночленное (отрицание) и двучленное (отрицание отрицания). У нас отрицание трехчленное (отрицать отрицание отрицания).

Итак, Ф. де Соссюр сказал, что «знак произволен». Да, знак произволен. Но ведь он (любой знак) произведен (или может быть произведен) из предыдущего знака, поэтому в любом произвольном знаке есть (почти всегда) признак, предыдущего (или первого) знака — знака-доминанты, знака-эталона, знака-инварианта. С этой точки зрения знак непроизволен.

О.О. Сулейменов пишет, что слова Ф. де Соссюра прозвучали в самом начале «беременного революциями» XX века. Да, это так. Но мы хотим сказать, что «в интересном положении» («беременным») был и первый знак солнца — круг, или полукруг... который родил последующие, как О.О. Сулейменов говорит, разные знаки солнца (полукруг, остроугольник, квадрат...), т.е. это совокупность знаков солнца, который в инварианте является кругом (кругообразным), а если не кругообразным, то, как правило, замкнутым.

По поводу этой проблемы мы думаем не так, как думает О.О. Сулейменов. Однако мы решили развить дальше концепцию О.О. Сулейменова, поднявшись (или встав) на его лингвопоэтиконаучную платформу. Поэтому подобно тому, как древние жрецы разных родов, племен, территорий видоизмененно изображали одно и то же виденное (солнце), мы решили в этих видоизменениях (в изобразительных интерпретациях) так же увидеть одно и то же (солнце). Разница в том, что древние жрецы шли от одного к «разному», мы же идем от «разного» к одному. Итак, мы поступаем, делаем обратное тому, что делали древние жрецы. Думаем, что это тоже «творение», работа жреца, но уже — «жреца» современности. Это мы делаем не отрицая отрицания и не отрицая двойное отрицание. Таким образом, наше тройное отрицание привело нас к одному неотрицанию — во всех этих изображениях солнца, какими бы они ни были произвольными, есть постоянство: во всех этих изображениях солнца древними присутствует признак круга (кругообразности), т.е. есть возможность воссоздать круг, полукруг, кругообразность — опять же в разных произвольных вариантах. Потому с этой точки зрения знак произволен.

Во всех этих знаках (изображениях) солнца еще одним главным признаком их появления, их объединения является закрытость круга: солнце — это круг. Он закрыт со всех сторон: солнце — это полукруг (дуга). Он закрытый, потому что

второй половины не видно. Солнце — это остроугольник. Он закрытый, потому что не видно, что находится за двумя его линиями. Солнце — это квадрат. Он закрытый со всех сторон. Итак, признак круга, полукруга, кругообразности и признак закрытости являются общими, объединяющими во всех изображениях солнца древними.

О.О. Сулейменов пишет: «Рассуждая над происхождением самых древних иероглифов (шумерских, древнеегипетских, древнекитайских), я увидел связь названия и образного письменного знака с его формой. Изменялась форма знака... видоизменялось его название. Пройдя мыслью в этом направлении, я разглядел системность таких преобразований — интересная взаимозависимость графемы и названия» [13. С. 5], т.е. остановил взаимозависимость понятия (так как знак передает понятие), самого знака, его названия (т.е. слова), его произношения. Единство четырех аспектов определения древнего первоисточника слова (этимона) выпукло выражена в этом его высказывании, что подтверждается анализом и описанием лексического и лингвографического материала языков, например, в новеллах «Альфа» [1. С. 17–19; 13. С. 52–55].

Однако возникают вопросы о необходимости разъяснения звуковых чередований, появления видоизмененного произношения одного и того же в разных языках, наречиях, диалектах, говорах и рождения в них нового, видоизмененного знака для передачи этого понятия или уже интерпретированного понятия, но в котором ясно или смутно просматривается начало (первоисточник) понятия, знака, слова, звукового выражения.

Универсальный этимологический словарь как реальность будущего

Идея создания «...Универсального этимологического словаря...», безусловно, и интересная, и интригующая, в конце концов и креативная, а сам факт создания такого словаря — новое явление в жизни не только лингвистической и в целом филологической науки, но и в жизни многих гуманитарных наук (истории, философии, социологии и т.д.). Такой словарь (универсальный этимологический) в тех научных категориях, понятиях и принципах, на которых построил его О.О. Сулейменов, создается впервые. Даже при всех тех вопросах, которые уже родились при чтении книги «Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь “1001 слово”» работа займет свое достойное место в ряду уникальных научных произведений современности.

Наш дискуссионный взгляд на эту проблему заключается в следующем. Можно ли в реальности создать действительно универсальный этимологический словарь? Ведь разные языки, наречия, диалекты, в которых при общности протоментов существуют различия, которые, на наш взгляд, не может объяснить любой большой универсальный этимологический словарь. Или название Словаря О.О. Сулейменова (в значении слова *универсальный*) является условным, т.е. с большими потенциальными претензиями на универсальность в этимологическом анализе и описании языковых явлений? Ведь в каждом языке и в настоящее время, и в прошлые эпохи, до нашей эры и в нашу эру были и есть загадки, которые ни один универсальный словарь не в силах объяснить, которые могут стать объ-

яснимыми лишь при анализе слова этого языка как явления монолингвального, присутствующего только в этом языке или только в нескольких родственных языках или, например, только в двух далеко не родственных языках, но продолжительное время (веками) находившихся или же находящихся в состоянии непосредственного контактирования.

Каждый словарь (имеется в виду не этимологический словарь) отражает лексико-семантическую, стилистическую и т.д. номенклатуру своей эпохи. Словарь никогда не успеваает за живым языком, потому что язык находится в постоянном развитии, в динамике, а словарь (как книга) находится в состоянии статики. Например, Арабско-персидский, затем Арабско-персидско-тюркский, затем Арабско-персидско-тюркско-монгольский словарь Махмуда Замахшари (конец XI — начало XII вв.) отражает лексическое состояние языков той эпохи [14]. За то время, которое прошло с тех пор (около 1000 лет), эти языки получили мощное развитие как в лексике, так и в других уровнях языковой иерархии, а следовательно, в каждом из этих языков появилось много этимологических загадок, которых в то время не было, но которые «сформировались» за последние 1000 лет развития этих языков. А если еще учесть, что эти языки за это время развились и дифференцировались в десятки и в большее количество самостоятельных языков, например, тюркские языки (турецкий, узбекский, казахский, татарский и т.д.), то становится ясной известная истина, что любой словарь, каким бы он ни был великим, отражает прежде всего лексику языка эпохи, когда он создавался, и в той или иной степени историческую лексику, историческую стилистику. Итак, словарь (как книга) в этом плане по отношению к динамике языка находится в состоянии статики.

Такая статичность не полностью, но в той или иной степени характерна и для этимологических словарей, так как они создаются с учетом достижений лингвистической (и не только лингвистической) науки прошлых эпох и той эпохи, когда она выходит в свет. Этимологический словарь, как и любой другой словарь, не предполагает, не предвидит какие-то изменения в этимологии того или иного слова, в трансформации интерпретации того или иного письменного знака, который связан с историей происхождения языковой единицы в том или ином языке или в группе языков. Однако очевидно одно: любой этимологический словарь более универсален, чем любой толковый или другой словарь, так как в выявлении этимологии слова присутствует компонент универсальности метода и приема и т.д., с помощью которых можно объяснить этимологию и других, аналогичных слов, явлений в языке, но для всех языков мира или для большинства языков мира даже в ранней стадии их развития (не говоря уже о более поздних стадиях и современном состоянии) создание универсального этимологического словаря весьма проблематично, так как каждый язык, каждая языковая семья уникальны. Свидетельством этому могут быть многие этимологические словари: четырехтомный этимологический словарь русского языка М. Фасмера [15] и др.

Например, этимологический словарь, предназначенный для целей обучения, как и все учебно-научные материалы (учебники, учебные пособия), адаптирован для соответствующего уровня образования. В этом случае этимологический словарь по содержанию не может быть универсальным (хотя универсальность мето-

дов и приемов описания присутствует). Такой словарь (как этимологический, так и другой) является предназначенным для определенного уровня (системы образования), для определенной возрастной группы обучающихся (например, школьный этимологический словарь или этимологический словарь школьника).

Однако О.О. Сулейменов в книге «Код слова...» и до этой работы идет к созданию универсального этимологического словаря, так как он в поисках древнего первоэлемента слова и его выражения звуком и изображения графически (от рисунка до буквы), т.е. он в поисках этимона как понятия, как лексического знака (слова), его графического знака (образного изображения), звукового выражения со времен формирования человека, человеческого общества как создателя и носителя слова, языка, речи. В научной концепции О.О. Сулейменова, в характере его научного поиска древнего первоисточника слова, в понимании кода слова просматриваются контуры универсального этимологического словаря как реальности фиолологической науки в ближайшем будущем.

Истина одна, правд много

Результаты исследования О.О. Сулейменова как в аспекте фонетико-фонологическом, лингвографическом, так и в лексико-семантическом имеют огромное (а в некоторых фрагментах научно-революционное) значение для истории языка и письма, человекопознания, для современного антропоцентрического подхода, лежащего в основе исследования многих наук, имеющих отношение к человеку и к его деятельности.

Мы далеки от возвеличивания как личности О.О. Сулейменова, так и результатов его научных изысканий. Они говорят сами за себя. Мир велик, но порой бывает тесным для явлений действительности в виде научных изысканий, в которых заложена идея многозначности, полиаспектности объяснения факта или фактов, процесса или процессов истории, которые уже «объяснены» с позиции однозначности, моноаспектности. Именно поэтому такие научные (и не только научные) произведения пишутся тяжело и тяжело им достается место под солнцем, но с течением времени все приходит на круги своя. В этом отношении О.О. Сулейменов не одинок.

В книге «Аз и Я» О.О. Сулейменов высказал такую мысль: человеку не нужно объяснять, что такое «четыре». Вы скажите, как вы пришли к результату «четыре»: два умножив на два, или от 100 отняв 96 [6].

В этом высказывании заложена глубокая философская, научная (а не только арифметическая) мысль. Суть ее заключается в том, что решение научной проблемы не может быть только мононаправленным. Существуют разные пути. Исследователь вправе идти своим путем к научной истине — путем, который до него не был открыт или же был открыт, но он вносит в этот путь совершенно новые (или иные) методы, способы движения по нему, потому что наука — одна из самых демократичных социальных сфер деятельности человека и общества.

Итак, истина одна, но пути достижения истины могут быть разными (правды много). Каждый новый путь (путь правды), по которому приходят к научной истине, является научной новизной, а порой и научным открытием.

Каждый новый путь достижения одной и той же истины обогащает, все больше и больше удостоверяет истинность истины.

Тот путь, по которому шел, идет и будет еще идти О.О. Сулейменов к научной истине, является плодотворным, благородным, правдосозерцательным. Результаты движения по такому пути — это благосодержательные книги «благонамеренного читателя и исследователя». Великий химик Дмитрий Менделеев сказал: «Отыскать же единое, неизменное и общее в изменяемом и частном составляет основную задачу познания». Процесс познания истории письма и языка О.О. Сулейменовым зиждется именно на изыскании единого, неизменного и общего в частностях, которые в пространстве времени были подвергнуты серьезным эволюционным изменениям, т.е. он, находя частное, изыскивает в нем общее, единое, неизменяемое, находя общее, единое, неизменяемое, изыскивает в них частное, так как именно частное является основой отыскания особенностей интерпретации, т.е. переосмысления человеком в разные моменты истории общего, единого, неизменяемого. Таким образом, в основе этой и всех других общефилологических, лингвистических (особенно лингвографических и семиотических), исторических, социологических, культурологических, философских исследований О.О. Сулейменова лежат два основных понятия: одинаковое в разном, разное в одинаковом.

Профессионал из любителей

Для работ О.О. Сулейменова характерны такие выражения, как «эпизод предыстории», «тюрки доистории» и т.п., в которых подчеркивается древность, первобытность истории человечества, его определенной части, языка, письма и т.д. Древность занимает большое место в его лингвопоэтическом и научном творчестве, а собственно филологические (в большей степени общезыковедческие) изыскания охватывают период развития человечества, который его словами следует называть «предысторией» или «доисторией». «Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь “1001 слово”» посвящено именно этому периоду развития человеческого общества, его языков, его письменностей. Все укладывается в «до»- и «пред»- (перед). Именно поэтому его лингвографические исследования рассказывают о малоизвестных явлениях, фактах, периодах в истории человечества. Они затемнены плотными, густыми, непроходимыми скопищами тысячелетий, как первозданные дремучие леса, просвет внутри которых не каждый может увидеть, найти.

О.О. Сулейменов их видит, их находит не только в своем вулканическом воображении, но и отчасти в своем реальном творчестве. Он их анализирует. Он их описывает. Как? Это большой вопрос. Поэтому лингвографическому творчеству О.О. Сулейменова следует дать следующее определение: лингвографические изыскания О.О. Сулейменова, в том числе и «Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь “1001 слово”» — это дофилологическая филология, доязыковедческое языковедение, воображаемые и реальные, которые по крупницам будут входить в трудно- и долгооткрывающиеся для них двери традиционного языкознания, традиционной филологии, т.е. воображаемая филология (по

В.П. Григорьеву) в той или иной степени в своих историко-реалистических основах станет частью традиционной науки о языке и письме.

В лингвистической науке в частности и для филологии в целом существует понятие — «народная этимология». Это выражение используется, когда кто-то объясняет происхождение (этимологию) какого-то слова без каких-либо серьезных научных аргументаций, как правило, основываясь на созвучии слов. Например: объяснение этимологии слова *қазақ* (*казах*) от двух слов — *қаз* (*гусь*), *ақ* (*белый*), т.е. *белый гусь*, который находится в состоянии постоянного перекочевывания из одного места в другое. Это «чистый образец» народной этимологии, особенно когда такое объяснение происхождения слова *қазақ* сравниваешь с другими глубоко научно обоснованными вариантами этимологии этого слова.

Парадоксально, но факт, что за О.О. Сулейменовым не закрепилось определение в виде выражения «профессионал народной этимологии» (а если бы закрепилось, то автор настоящей работы не поддержал бы такое «определение»).

Еще со времен идеологического и филологического мононаправленного бурного обсуждения «Аз и Я» за О.О. Сулейменовым закрепилось определение «любителю», хотя всем известно, что определенная часть профессионалов, занимавшихся тогда и занимающихся в настоящее время проблемами лингвистической и литературоведческой «старинности», были «побиты» его четкими и жесткими доводами, иллюстрациями по поводу присутствия тюркизмов в «Слове о полку Игореве». Это впоследствии на последней (или предпоследней) сессии Верховного совета СССР публично было отмечено Д.С. Лихачёвым, который признал эти факты и признал право существования в науке такой научной позиции в отношении «Слова о полку Игореве» (и других письменных памятников), которой придерживается О.О. Сулейменов.

Итак, почему тогда О.О. Сулейменов — «любитель»? Ваш покорный слуга не сторонник такого определения филологического научного творчества О.О. Сулейменова и самого О.О. Сулейменова. Да, безусловно, нередко и даже часто у него не хватает научно обоснованных доказательств (особенно в чередованиях фонем в составе слова), на материале которых О.О. Сулейменов приходит к слову, существующему в том или ином языке и делает умозаключение о родственности или древности конкретного языка или семьи языков в целом и отдельного слова в частности. Это не является любительством, это профессионализм с признаками «любительства». Все профессионалы выходят из любителей, из тех, кто чем-то занимается (в искусстве, в спорте, в науке и т.д.) Никто сразу не становится профессионалом. О.О. Сулейменов — профессионал без фундаментального базового филологического образования (т.е. «бездипломный»), отсутствие которого он компенсирует мощной филологической интуицией. Именно поэтому в его лингвографических и в целом филологических исследованиях выпукло просматриваются две стороны одной медали: 1) вулканическое филологическое дарование; 2) нестандартность, нестандартность научного поиска.

У О.О. Сулейменова первое доминирует над вторым, а второе над первым.

Не у всех ученых эти две стороны в одинаковой степени высоко представлены (даже у самых одаренных). Конечно же, каждый настоящий ученый — это даро-

вание и плюс работа, работа, работа. Но мы нередко являемся свидетелями, когда у ученого есть мощное фундаментальное филологическое образование, но природное дарование не на таком уровне, поэтому он всегда в стандартных стереотипах. Он видит «любителя» в человеке, у которого глубинно и высоко проявляется нестандартность, нестереотипность в научном поиске.

Приведем примеры из современной жизни, когда любители, придя к профессионалам, их полностью покорили, победили и закрепились в их обществе надолго, а может быть, и навсегда. Так, в бывшем социалистическом лагере (прежде всего в бывшем СССР) не было профессионального бокса. Все боксеры социалистического лагеря, какие бы они ни были великие, считались любителями. После распада социалистического лагеря, распада СССР и плавного формирования СНГ боксеры-любители получили возможность участвовать в профессиональных боях. И что же произошло? Произошло самое неожиданное: буквально за три-четыре года появились чемпионы мира по различным профессиональным боксерским версиям (как очень престижным, так и менее престижным) из числа бывших любителей. Они стали побеждать всех и везде, даже в таких престижных весовых категориях, как полутяжелый вес, тяжелый вес, супертяжелый вес.

Все, кто интересуется боксом, а не только знатоки бокса во всем мире их узнают по стилистике ведения боя: эти профессионалы пришли из любительской школы — советской (русской, казахской, узбекской, украинской и т.д.). Чуть ли не все из них — выходцы из стран современного СНГ (бывших республик СССР). Восхваленные многими десятилетиями профессиональные боксерские школы США оказались вначале в недоумении, воспринимали эти победы как случайные, а потом смирились. Теперь нередко приезжают учиться профессионализму у бывших и настоящих любительских боксерских школ СНГ, Германии и Кубы. Стереотипы о недостижимости уровня профессиональных боксеров любителями, об их непобедимости лопнули, как мыльные пузыри: по очкам, в нокаутах, в нокаутах.

Да, будем уважать любителей вообще и профессионала из «любителей» О.О. Сулейменова.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стереотипы обязательны в каждой отрасли жизни человека и человечества. Тем более — научные стереотипы в научной жизни общества. Но эти стереотипы должны совершенствоваться, интерпретироваться, а некоторые из них должны полностью заменяться, потому что жизнь общества — это движение вперед.

Научные стереотипы не каждый может интерпретировать, разрушать, заменять. Это удел единиц. Таким единичным человеком (как снайпер — «штучный» человек в батальоне) является О.О. Сулейменов.

Иванов В.В. в работе «Из рассказа Э. По “Золотой жук”» от имени Э. По пишет, что «... едва ли разуму человека дано загадать такую загадку, которую разум другого его собрата, направленный должным образом, не смог бы раскрыть» [3. С. 188]. Это согласуется с мыслью О.О. Сулейменова о том, что «нет в науке проблем неразрешимых, но есть неразрешенные». Стремление решить неразрешен-

ное, отгадать загадки, загаданные нашими древними предками, — основы научного поиска О.О. Сулейменова, т.е. выявление, описание древнего первоисточника слова, а следовательно, письма, языка, речи.

Книга «Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь “1001 слово”» «не болеет» известными филологическими, лингвокультурными, лингвисторикофилософскими стереотипами, поэтому его содержание порождает дискуссии, согласие и несогласие, восхищение и возмущение, а следовательно, научное общество начинает делиться на три группы — сторонники, несторонники, нейтралитетные.

Содержание этой книги О.О. Сулейменова продолжает развивать его оригинальную научную концепцию, разработанную в его предыдущих исследованиях, которая предполагает решение проблем этимологии посредством письменного слова (прежде всего) и звукового слова в тесной взаимосвязи понятия, слова, значения, графического изображения, произношения на высоком уровне философского осмысления, обобщения в границах всей истории человечества и фокусных проблем гносеологии.

© Джусупов М., 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Сулейменов О.О.* Введение в Универсальный этимологический словарь «1001 слово». Рукопись. Париж, 2013.
2. *Джусупов М.* Письмо — язык в графике (казахская письменность во временном и географическом пространстве) // Теория языка. Семиотика. Семантика. М.: РУДН, 2011. № 4. С. 22—31.
3. *Иванов В.В.* От буквы и слога к иероглифу. Системы письма в пространстве и времени. 2-е изд. М.: Яск: Языки славянской культуры, 2016.
4. *Истрин В.А.* Возникновение и развитие письма. М.: Наука, 1965.
5. *Бурлак С.А.* Происхождение письма: факты, исследования, гипотезы. М.: Астрель, 2011.
6. *Сулейменов О.О.* Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. Алматы: Жазушы, 1975.
7. *Сулейменов О.О.* Язык письма. Взгляд в доисторию — о происхождении письменности и языка малого человечества. Алматы; Рим, 1998.
8. *Соссюр де Ф.* Труды по языкознанию / пер. с франц. М., 1977.
9. *Дьяконов И.М.* Письмо // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. 2-е (репринтное) изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000.
10. *Байтурсынов А.* Тілтағылымы (Қазақтілі мен оқу-ағартуғақатыстыеңбектер). Алматы: «Анатілі», 1992. 448 с.
11. *Джусупов М.* Казахская графика: вчера, сегодня, завтра (кириллица или латиница). М.: РУДН, 2013.
12. *Джусупов М.* Фонемография А. Байтурсынова и фонология сингармонизма. Ташкент: Узбекистан, 1995.
13. *Сулейменов О.О.* «Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь “1001 слово”». Алматы: Библиотека Олжаса, 2014.
14. *Zamakhshari M.* The Muqaddimat al-Arab A Facsimile Reproduction of the Quadrilingual Manuscript (Arabic, Persian, Chagatay and Mongol). The Alisher Navoi State Museum of Literature (Academy of Sciences, Republic of Uzbekistan) and The Japan Society for the Promotion of Science. Tōkyō, 2008.
15. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. 4-е изд., стер. / пер. с нем. и доп. акад. О.Н. Трубачева. М.: Астрель; Аст, 2007.

История статьи:

Поступила в редакцию: 13.03.2018

Принята к публикации: 24.05.2018

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Джусупов М. «Язык письма» или «Письмо — язык в графике» (одинаковое в разном и разное в одинаковом) // Полилингвильность и транскультурные практики. 2018. Т. 15. № 3. С. 422—444. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3-422-444

Сведения об авторе:

Джусупов Маханбет — доктор филологических наук, профессор, профессор Узбекского государственного университета мировых языков. E-mail: mah.dzhusupov@mail.ru

“LANGUAGE OF WRITING” OR “WRITING AS A LANGUAGE IN A SCRIPT”

M. Dzhusupov

Uzbekistan State University of World Languages
Kichik Halka Yuli str. G-9A, 21-a, Tashkent, 100138, Republic of Uzbekistan

Analysis and description of some aspects of the content of O.O. Suleimenov’s book “The Code of a Word. Introduction into Universal Etymological Dictionary ‘1001 words’” is carried out in the article-review, which is characterized by innovative approach to the problem of investigation of origin of a word, notion, sign, and pronunciation since the beginning of ancient time. Notion of writing and verbal word with different graphics image and different pronunciation is based on the scientific conception of O.O. Suleimenov, regardless of geographical, national, cultural and language differences. An ancient origin of a word (etymon) is considered as synthesis of four above-listed aspects of origin of a word, which forms common psychological image in human consciousness. The Author of the book defines the following goals: to reveal and describe the world of the code of a word to identify an etymon. Method of double negation (denial of negation) is used in the paper. It furthers departure from well-known linguistic postulates and creating new investigational methods and forming results in new directed conclusion. For instance, a sign is identified as involuntary phenomenon. It is different from Ferdinand de Saussure’s assertion about voluntariness of a sign, which is regarded as normative notion in modern linguistics. We use the method of triple negation (to deny denial of negation) and draw conclusion that sign is both voluntary and involuntary: different nations have different signs of the sun, therefore a sign is voluntary in this sense. But every sign of the sun (in ancient Egyptians, ancient Chinese, ancient Turkic) have origin of a sign (invariant) — circle, semicircle, square i.e. closedness, therefore a sign is involuntary in this sense. O.O. Suleimenov investigates language to reveal etymon deeply and widely

than in traditional, philological approaches. It is common of philological, linguistic, historical, philosophic, gnosiological approaches and appropriate scientific generalization using method of denial of negation and five rules, which were developed and introduced by O.O. Sulejmenov into the system of scientific research.

Key words: notion, word, code, graphical image, voluntariness and involuntariness of a sign, pronunciation, an ancient origin of a word (etymon), language

REFERENCES

1. Sulejmenov, O.O. 2013. Vvedenie v Universal'nyj etimologičeskij slovar' «1001 slovo». Rukopis' [The Code of a Word. Introduction into the Universal Etymological Dictionary “1001 words”. Typescript]. Paris. Script. (in Russ.).
2. Dzhusupov, M. 2011. Pis'mo — jazyk v grafike (kazahskaja pis'mennost' vo vremennom i geograficheskom prostranstve) [Writing as a grapho language (Kazakh Grapho in Time and Space Dimensions)]. *Teorij ajazyka. Semiotika. Semantika* 4: 22—31.
3. Ivanov, V.V. 2016. Ot bukvy i sloga k ieroglyfu. Sistemypis'ma v prostranstve I vremeni [From a Letter and Syllable to Hieroglyph]. Moscow: Jask: Jazyki slavjanskoj kul'tury. Print. (in Russ.)
4. Istrin, V.A. 1965. Voznikovenie i razvitie pis'ma [Origin and Development of Writing]. Moscow: Nauka. Print. (in Russ.)
5. Burlak, S.A. 2011. Proishozhdenie pis'ma: fakty, issledovanija, gipotezy [Origin of Writing: Facts, Investigation, Hypothesis]. Moscow: Astrel'. Print. (in Russ.)
6. Sulejmenov, O.O. 1975. AziJa. Kniga blagonamerennogo čitatelja [Az and Ya. The Book of Well-intentioned Reader]. Almaty: Zhazushy. Print. (in Russ.)
7. Sulejmenov, O.O. 1998. Jazyk pis'ma. Vzgljad v doistoriju — o proishozhdenii pis'mennosti i jazyka malogo čelovečestva [Language of a Writing. Sight of Prehistory]. Almaty; Rim, 1998. Print. (in Russ.)
8. Sossjur, de F. 1977. Trudy po jazykoznaniju [Works on Linguistics]. Moscow. Print. (in Russ.)
9. D'jakonov, I.M. 2000. Pis'mo [Writing]. *Bol'shoj enciklopedičeskij slovar'*. Moscow: Bol'shaja Rossijskaja enciklopedija. Print. (in Russ.)
10. Bajtursynov, A. 1992. Til tagylmy (Qazaq tili men oqu-agartuqaqtystyenbeker) [Language learning (the Kazakh language and Literature)]. Almaty: «Ana tili». Print. (in Kaz.)
11. Dzhusupov, M. 2013. Kazahskaja grafika: včera, segodnja, zavtra (kirillica ili latinica) [The Kazakh Graphics: Yesterday, Today, Tomorrow (the Cyrillic or Latin Alphabet)]. Moscow. Print. (in Russ.)
12. Dzhusupov, M. 1995. Fonemografija A. Bajtursynova i fonologija singarmonizma [Phonemography of A. Baitursynov and Phonology of Synharmonism]. Tashkent: Uzbekistan. Print. (in Russ.)
13. Sulejmenov, O.O. 2014. «Kod slova. Vvedenie v Universal'nyj etimologičeskij slovar' “1001 slovo”» [The Code of a Word. Introduction into the Universal Etymological Dictionary “1001 words”]. Almaty: Biblioteka Olzhasa. Print. (in Russ.)
14. Zamakhshari, M. 2008. *The Muqaddimat al-Arab* A Facsimile Reproduction of the Quadrilingual Manuscript (Arabic, Persian, Chagatay and Mongol). The Alisher Navoi State Museum of Literature (Academy of Sciences, Republic of Uzbekistan) and The Japan Society for the Promotion of Science. Tôkyô. Print.
15. Fasmer, M. 2007. *Jetimologičeskij slovar' russkogo jazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Astrel'; Ast. Print.

Article history:

Received: 13.03.2018

Accepted: 24.05.2018

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Dzhusupov, M. 2018. “Language of a Writing” or “Writing as a Language in a Script”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 15 (3), 422—444. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3-422-444

Bio Notes:

Mahanbet Dzhusupov is a Doctor in Philology, Professor, Proferssor of Uzbekistan State University of World Languages. E-mail: mah.dzhusupov@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3-445-460

MULTILINGUALISM IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: VIEWPOINT FROM THE OUTSIDE

V.P. Sinyachkin, N.L. Sinyachkina

Peoples' Friendship University (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

The paper deals with a complex of problems connected to language policy in Republic of Kazakhstan. The research accent is given to the state trilingual trajectory, as well as to the conflicts between languages and cultures and possible ways to overcome them. Authors try to illustrate their point of view using different arguments from cultural studies in language, education. Language policy. Method of description is combined with historical comments and cultural analysis. The paper may be useful for specialists in philology, who's area of scientific interest is Language planning.

Key words: Language Planning, Language Policy, Conflicts, Trilingual Practice, Kazakhstan

1. INTRODUCTION

Speaking about the role of language as a social factor in the Republic of Kazakhstan (RK), researchers will inevitably mention the role of two major languages in this country: Kazakh and Russian. Given the modern language policy of the RK, it is necessarily to analyse an increasing linguistic imperative of English language (policy of trilingualism).

National Programme (hereafter — Programme) of functioning of languages in Kazakhstan for 2011—2020 developed in the country, in accordance with articles 7 and 93 of the Constitution of the RK, with Law of the RK Concerning languages in the Republic of Kazakhstan of 11 July, 1997, with the Concept of the language policy of the RK, with the President's address to the Kazakh people "New decade — new economic growth — new opportunities for Kazakhstan..."

Programme of functioning and development of languages, with estimated completion up to 2020, developed in accordance with the requirements of the strategic goals and objectives to ensure proper functioning of the State language. It takes into account the realities of prevailing linguistic situation, that subjected to significant influence by the ongoing of language engineering in the country and by the tangible changes in the ethno-lingual structure of people.

The program is an organizational base for dealing with the problems of functioning and development of languages, creation of conditions for the implementation of the principles, based on an understanding of the State language as an essential consolidating element in political, economic and cultural life of the country and for protection of the national integrity and national security of the RK.

The Programme formulated new tasks of providing single language policy and optimization of the activities of the language engineering, improvement of the effectiveness of functioning of the national language in all spheres of public life, the creation of the necessary conditions for the preservation of the functions of the Russian language and development of other languages.

Outlined in this document, goals and objectives are realized through specific plan of actions developing by the authorized state body for every three steps, and approved by resolutions of the Government of the RK.

All the activities provided by the Programme in accordance with the priorities of language policy should be directed to the full satisfaction of the ethno-lingual and cultural demands and needs of citizens and should contribute strengthening of interethnic civil accord in the country.

The success of the Programme is ensured by necessary legal and regulatory framework and the efficiency of organizational activities.

Changes in Language Landscape

Kazakhstan is a multi-ethnic country, where more than 125 representatives of different ethnos and ethnic groups live. The largest number of them are Kazakhs (65%), and Russians (25%). Kazakh is the national language, which is closely linked to the Turkic languages, such as the Uigur, Uzbek, Kyrgyz, Turkmen and Turkish. Kazakh and Russian (which are official according to the Constitution of the RK) languages are used equally in all state body and local offices.

An important strategic goal of the language policy of the RK is the necessity of Kazakhstanis to master three languages. Language development Programme envisaged a fairly ambitious goal: 100% of the population will speak Kazakh language, 95% in Russian and 25% in English by 2020. (One of the measures aimed at realizing of this goal is the prescription to represent companies' names in the RK in Kazakh, Russian and English languages).

Functioning of the language/languages in social and communicative space of any society is the process, which is quite complex and multi-faceted, including the whole complex interaction of linguistic and extra-linguistic factors. Changes of ethno-linguistic situation in the concrete country is directly reflected both on the status and condition of all languages functioning on its territory. (A striking example of this are the changes in the functioning and in the condition of languages in the post-Soviet countries, which are characterized by a common logic and typical consequences.) Speaking about the situation in the RK, first and foremost, it should be noted that the country's linguistic landscape in this respect is of the utmost interest because of polylingualism, multiculturalism, polyethnicity and polyconfessionality of the country, where different ethnic groups use genetically and structurally different languages in the practice of everyday life.

Since Kazakhstan started to gain independence (1991), a new system of values began to form. The revival of national consciousness and national ideas become accompanied by increased attention of state to the matter of the prestige of the titular nation's culture and language. While executing the language policies, the state set the objective of creating the conditions for implementation by the Kazakh language of assigned duties of the

national language in all spheres of public life against the backdrop of the increasing number of titular nation and process of state self-determination.

The Russian language became the official language of interethnic communication on a par with the Kazakh language used in public organizations and self-governing authorities (the Law of the Republic of Kazakhstan 1997, article 5). Shift of emphasis in the learning and using of English in the professional sphere and daily living took place, an increase in the number of students studying Chinese, Arabic and Turkish languages was noticed, the number of schools with Uzbek, Tajik and Uigur languages of instruction is increased. Noticeable changes have occurred in functioning of the Russian language in the RK. These changes undoubtedly impact on the status and development of languages: the process of redistribution of spheres of communicative practices happens, where we can see the expansion of the areas of activity of one language and crowding out of another.

Bi-, polylingual situation in the RK and the ongoing reforms in the linguistic education is actively studied by modern linguists. Accumulated over 25 years by Kazakhstani scientists' extensive factual material, results of the performed mass sociolinguistic studies provide an opportunity to identify trends that characterize the process of language change in the country today, to obtain objective information to help you determine the status and prospects of development and languages interaction on the territory of the country, to trace the process of implementation of the language planning programmes in the RK.

2. DISCUSSION

Language engineering in Kazakhstan

Experimental and statistics data of survey results of various ethnic groups, social strata and age-group populations are presented in detail in the works of Kazakhstani scientists. (Altynbekova O.B. "Ethno-lingual processes in Kazakhstan" (2006); multi-authored monograph "Dynamics of language situation in Kazakhstan" (2010); Suleymenova E.D. "Macrosociolinguistics" (2011), multi-authored monograph "Cooperation of languages in polycultural space in Kazakhstan" (2012), etc). Kazakh linguists' active learning of the language situation is a separate issue (a huge amount of works!).

Leading sociolinguists analyze the linguistic situation in the country and processes ongoing in the Kazakh and Russian languages and give their recommendations [1–3]. It is noted that its own scientific school was formed in the Republic, having definite prescriptions for various ways of philological science. National identity manifests itself, inter alia, an in-depth study of the Turkic and Slavic language contacts throughout history [4].

These and other writings allow to evaluate the role of the Kazakh, Russian and English languages in its interaction. A large amount of material was accumulated, in particular on *linguistic competence*, that testifies on the dynamics of the linguistic identification processes taking place in RK and efficiency of activities to promote the national language.

According to research of known sociolinguist E.D. Suleymenova, for the first time was recorded the highest proportion of Kazakh respondents (97,0%) and Russian respondents (69,8%), who reported about the fluency in Kazakh or with difficulties, that is seen as a clear demonstration of the formation of Kazakh-Russian (not Russian-Kazakh,

as in XX century) bilingualism in society. It was noted the general tendency to leveling correlation of ethnic and linguistic identity in the five years for two groups of respondents: Kazakh respondents have an increased indicator of Kazakh language identity by 6,8%, and Russian respondents — on 4,8% [5].

One way to solve the problem of the development of the functions of the state and regional (national) languages, Kazakhstani sociolinguist B. Hasanuly [6; 7] sees in the development of this issue from the perspective of regional development of languages.

By studying the problems of mono-, bi- and polylingual space on the example of the northern region of the RK, the Kazakh scientist B. Hasanuly proves that the development of the state and regional languages in the age of globalization is advisable to consider in the context of specific regions of Kazakhstan's society- the southern, western, northern, eastern, central. Regionalization would solve the problem throughout Kazakhstan society, taking into account the prevailing linguistic situation in the region and factors affecting its change. Analysis of considered phenomena separately in different regions and in comparison with the general republican index enabled scholar to identify the following pattern: the part of monolingualism is directly proportional to the part of the Russian population in the ethnic composition of the region, and vice versa, with the decrease in the part of Russians in ethnic composition bilingualism and multilingualism are increased. With the author's position, this pattern manifests itself in all the marked characteristics of the language situation, that provides an opportunity to consider the area of the region in a specific order (with a decrease of Russian population part, monolingualistic indicators decreased, multilingualism indicators and knowledge of their national language and the state language increased): North Kazakhstan, Kostanai, Karagandy, Akmola, Pavlodar areas and Astana. All the studies, developed by the Kazakhstani linguists, gives relevant information for timely adjustment of the language policy and language planning, it is useful for solving of management tasks in the field of language regulation.

Features of the functioning of the Russian language in the Republic of Kazakhstan

If we talk about the status and features of the functioning of the Russian language in Kazakhstan, then the official use of the Russian language by all categories of citizens on an equal footing with the state language is legally regulated. Nevertheless, according to Kazakhstani sociolinguists, the issues, related to the status of Russian as the language of interethnic and international communication, issues of legal relations between Russian and state Kazakh language, and issues on legal regulation of functions of the Russian language and preserving its general cultural features need to be solved. This fact, according to the researchers, is connected not only with the internal features of language policy of Kazakhstan, but also with the fact that many issues related to the legal regulation of the functioning of the Russian language as the language of inter-ethnic communication, are not solved neither in Russia, nor in CIS, nor in the EurAsEC [8].

In modern conditions the language practice is increasingly determined by the influence of globalization processes. Social, political and economic changes in the country since the collapse of the Soviet Union changed the demographic structure of the Republic of Kazakhstan. So, from 1999 to 2009, the number of Russians decreased on 15,3%,

Ukrainians on 39,1%, the number of Germans decreased almost in 3 times, on 62,7% (49,5%), the number of Belarusians decreased on 40,6%, Poles on 28%. Increased number of Turkic-speaking people of the country [9]. Such changes are typical for almost all post-Soviet countries. These processes could not affect the status of the Russian language.

So, Y.E. Prokhorov notes the following typical changes in the functioning of the Russian language in the world:

— It ceased to be studied as an inevitable element of school and university education system in a number of countries;

— Significantly reduced learning Russian as the language of “enemy” or as a “superpower” language;

— It continues to be studied as one of the basic cultural phenomena of the world civilization in the extent of the situation due to historical and cultural contacts and real needs of professionals;

— It began to study (as required) taking into account the new economic, cultural and social ties between Russia and many foreign countries (the European Union needs the interaction with the Russian authorities, the use of the Russian market, the creation of joint ventures, expanding of cultural and tourist exchanges, etc);

— It began to be studied due to the fact of the emergence of significant number of Russian-speaking diasporas in many countries where due to the respective laws in public authorities can be used minorities languages [10].

Today positions of the Russian language in Kazakh society are set apart from in a number of post-Soviet States. Proficiency in Russian language by all ethnic groups and ethnic groups: bilinguals Kazakhs with the dominating Kazakh and Russian language, Russian monolinguals and bilinguals and Russians mostly with dominant Russian language, representatives of other ethnic groups with a wide range of proficiency in Russian from complete change of ethnic language to Russian (Koreans, Ukrainians, Belarusians, and others) to a low degree of proficiency (Uzbeks, Tajiks, Uigurs, Kurds, etc.).

Analysis of the usage of languages in the Kazakhstan Internet space revealed the following: 1) Among the 700 examined the most frequently visited sites, 76% of websites use only one language, 14,14% are bilingual, 9,28% are trilingual and 0,58% use more than 3 languages; 2) Among analyzed unilingual sites, 17% use Kazakh language, 83% — Russian; 3) Among bilingual sites — 87,9% presented in Kazakh and Russian, 11,1% in English, 1% in Kazakh and Chinese; 4) Among the analyzed trilingual sites, 97% used Kazakh, Russian and English, 1,5% used Kazakh, Russian and Uigur, 1,5% — Russian, English and Kyrgyz languages; 5) Number of sites, that represented more than on 3 languages — 4: 1 — in Kazakh, Russian, English, Chinese (25%); 1 — in Kazakh, Russian, English, Turkish (25%); 1 — Kazakh, Russian, English, Turkish, Chinese, Arabic (25%); 1 — Kazakh, Russian, English, Uzbek, Turkmen, Kyrgyz (25%). As shown by the results of the analysis, the Russian language is used as one of the working languages on the 610 (of 700) sites, which amounted to 87,14%. Kazakh language used in 245 (35%) electronic resources, English — in 79 (11,28%), Chinese — in 3 (0,42%), Turkish — in 2 (0,28%), Kyrgyz — in 2 (0,28%), Arabic — in 1 (0,14%), Uzbek — in 1 (0,14%), Turkmen — in 1 (0,14%), Uigur — in 1 (0,14%) [National Programme for the development and functioning of languages in the Republic of Kazakhstan for 2011–2020 [11].

The communicative function of the Russian language in Kazakh society is enough powerful. A part of information in the state and ethnic languages, compared with the deal of information in Russian and English in Kaznet is still very small (36% of the content in the Kazakh language on bilingual sites). Visual texts show the real picture of the functioning of languages. Study of city names (multiplexes, state and municipal properties, businesses and industrial firms) in Astana has shown that:

- Of the 398 analyzed names of multiplexes, 61 names available just in the Kazakh language, 70 — in Russian, 38 — in English. 72 names of multiplexes are presented in 2 languages: Kazakh and Russian, 88 — in Russian and Kazakh, 31 — in English and Russian languages. In three languages: Kazakh, Russian, English you can see 22 names;
- From 133 names of state and municipal properties, 30 are presented in Kazakh, 35 — in Russian, 24 — in Kazakh and Russian languages, 28 — in Russian and Kazakh;
- From 117 titles of businesses, 20 are represented in the Kazakh language, 27 — in Russian, 24 — in English, 32 — in English and Russian languages. From 166 of industrial firms, you can see 17 in Kazakh, 30 in Russian, 28 in English and 41 in English and Russian languages. As multiplexes, businesses and industrial firms are closely linked with foreign companies, in their titles are increasingly appears names in English. The names of state and municipal objects are written mostly in Kazakh and Russian languages.

Currently, there are 934 streets, avenues and quarters in Astana (<http://astana.gov.kz/>), more than 100 of them received new names by the process of toponimization. Appellative vocabulary becomes nominative and acquires the value of the symbol. About 70% of names that have passed from the category of common nouns to the category of proper nouns have Turkic roots.

The onomastic map of names appeared, formed from the linguistic units, with Turkic basis: *Aқzhelken, Arna, Атақоныс, Bazarлық, Balausa, Bastau, Bolashak, Bostandyқ, Botalov, Birlik, Достық, Zhajsaң, Zhalyn, Zhasyl, Кеңdala, Кеңshalзун, Orken, Өрnek, Saryn, Sonar, Ulken, etc.* (street names), *Alash* (Highway), *Aydın, Gыldala, Zhazyқ, Margen, Kөkoraj, Keruen, Sылama, Ulan, Shattyk, Yrys, Oзylandy, Shabyt, etc.* (quarters) *Azat, Arman, Gылдер, Zhastar, Kaynar, Kөrkem, Keremet, Sәtti, Senim* (names of residences) and etc. Of course, these lexical strata are actively used in language in appellative meaning. Some of them are used only in professional life and under the rules of common language is not very productive. But some language units are revived and begin to re-enter the linguistic turn. For example, such as *Alash, Ogylandy*.

As a result of the process of toponimization, the national titles' fund has been updated by the language resources of pre-Soviet era and of the Soviet period. In Soviet times, there were hodonyms in Astana (the names of streets and avenues), using nominal vocabulary in symbolic meaning as the basis: *Tsvetochynaya — Balausa, Ozernaya — Ozen, Naberezhnaya — Zhazazhaj, Mira — Bejbitshilik, Druzhby — Dostyk, Trudovaya — Еңbekshiler, Shakhterskaya — Kenshiler, Neftyannikov — Mұnajshylar*. All titles are translated into Kazakh language, acquired a national identity and got a new sound.

Names that cause the stereotypical association of the Soviet period in the life of Kazakh people, were replaced by memorative onyms, related to the history and culture of Kazakhstan.

The results of the study of language preferences, attitudes of different categories of citizens to the reforms and changes, taking place in society are of interest. It turned out

that part of the Kazakhstan people is ambivalent about the popularization and expansion of communication areas of English language. Some people from the beginning saw in the idea of the project as a threat to the development of other languages, primarily state, the other people saw an attempt to oust Russian in strengthening the position of the English language in the Kazakh society. Still others believe that the developing of English may negatively affect the development of minority languages.

Survey results with representatives of immigrants and ethnic minorities, conducted to determine the relationship to the Kazakh and Russian languages, to the policy of promoting the English language in Kazakhstan and linguistic preferences of the respondents, are noteworthy. In the survey, carried out during the number of years by the team of Eurasian National University scientists, was attended the representatives of the Slavic (Russians, Ukrainians, Belarusians and Poles) and Turkic (Kyrgyz, Uzbeks, Tajiks) groups, separate group comprised respondents, representing the Korean diaspora. As immigrants were selected Kazakh repatriates, immigrated from China, Mongolia, Tajikistan, Uzbekistan and other countries. For many of them, Russian language skills is an important part of the adaptation and integration processes in the Kazakh society. Within this framework, it is especially difficult for returnees from China, Mongolia, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan, living in the northern regions of the Republic, where Russian language is dominant in interethnic communication of population.

The result of such contradictions is quite predictable: the returnees, instead of actively interact with the population for the initiation of the new standards, lead an alienated life, form localized community with isolated world view. On the question of whether they find it difficult due to ignorance of the Russian language, almost half of the interviewed returnees from Uzbekistan (53,5%), China (45,7%), about one-third of returnees from Mongolia (29,8%), Tajikistan (32,8%) gave a positive response. According to respondents-returnees, the ignorance of the Russian language creates difficulties while their employment (56%), while obtaining reliable and up-to-date information (34%), while receiving benefits (32%), education (23%) etc. In the responses to the questionnaires they note parameters, such as development, modernity and the prevalence of the Russian language. So, 44,5% of the returnees from China, 26,9% from Mongolia, 22,2% from Uzbekistan, 32,4% from Tajikistan and 39,8% of the respondents from Turkmenistan believe that knowledge of the Russian language promotes good jobs and quality education. As Suleymenova E.D. notes [12], "... Neither functioning of Kazakh, nor functioning of Russian can't get an adequate description, if we consider these languages out of its joint functioning within a single communicative space, which, as a constant, 'sets' a sociolinguistic parameters of functional health for Russian and Kazakh languages".

It is clear, that in the present existence conditions, the inclusion of language in the development of new living spaces is accompanied by a process of redistribution of spheres of communicative practices where happens the displacement of one form of language by choosing other, more comfortable for the communicant means of communication. There is a collision choose of the language of communication, which can lead to preferential functioning of one languages and lesser activity of others. The results of the implementation of the State program of functioning and development of languages for 2001—2010 have shown the following changes in the language situation:

— There is an obvious restoration of the status of the Kazakh language in all socially important spheres;

- The infrastructure of teaching the State language has been significantly expanded;
- The process of transferring paperwork to the State language (the percentage of documents in Kazakh language in State agencies is about 67%) is being actively implemented;
- The communicative function of the State language in media and Internet is being strengthened. This process is evident in the educational sphere as well. For example, in 2006 the share of school graduates with Kazakh language of instruction was 58,5% students, and school graduates with Russian language of instruction — 41,5%, whereas in 2016 year out of 121091 graduates 83330 (68%) graduated from school with Kazakh language and 37672 (31,1%) with Russian language of instruction. As you can see, there is a trend towards strengthening of Kazakh language. The results of these researches allowed to identify the range of problems existing today in the new language policy of the state, to trace the processes of language development in this communication environment in the present moment and to predict the trends of spread, strengthening, cooperation, coexistence or conflict of languages in the future.

Russian as a polynational language

Variability of Russian language lexical system, depending from territory of spread and language environment, is of a particular significance for a clearer definition of its polynational nature, because historically it turned out to be dispersed in several states. Russian language functioning in the foreign language environment, is prone to the penetration of a large number of new cultural components to the lexical system. Diversity of verbal communication in Russian language of different countries is reflected in the availability of specific features, which reflect both the linguistic (especially lexico-semantic), and non-linguistic (social, cultural, historical, psychological, ethnic) facts.

National-cultural characteristics in linguistic units appear with varying degrees of frequency and intensity, and forms of their expression are not similar as well. Most clearly the lexical peculiarity is expressed in the following areas of communication: socio-political, socio-cultural, gastronomic and onomastic. The peculiarity of the lexical system of national variants of the Russian language is that regionalisms operate in it, naturally, as native units, included in the Russian oral and written texts. The question of the relationship of the Russian language and the languages of other peoples is of great interest and particular significance due to the fact that the national Russian language, created on the basis of a conscious selection and regulation of forms, may not be universal, its formation involves a number of language systems. The problem of “regional variation” or, otherwise, the functioning of the language in the foreign language environment has long attracted the attention of linguists and is the most controversial issue of modern linguistics. The results of researches indicate that such variation depends from geographic, ethnic, social and other factors. “Socially conscious” language standards have different content depending on the historic stage, social position, the specifics of the linguistic situation in general. The increasing penetration of elements of other languages to the lexical system of the Russian language, functioning out of Russia, leads to the development of linguistic parallelism and variation. At the same time, the interaction and mutual influence of national language versions lead not to a blurring of differential traits, and to

a better understanding and preservation of its own linguistic identity, which is not less important for the Russian language of Russia and which is evident in the possibility of earmarking of the so-called Russisms at the level of lexical system.

With an areal-linguistic point of view, the vocabulary of the national versions of the Russian language consists of the following components: 1) All-Russian vocabulary background, constituting the main base of the language use (the so-called common core). The components of such common core cannot be used as conditional standard (invariant) for the detection of variant indicated national units; 2) Regionalisms, i. e. lexical units borrowed from other language, of literary standard, uncommon in Russia; 3) Regional lexical units related to the literary norm and built by the models of Russian language, but reflecting the realias of a different reality, not used in Russia. There is an opinion that the words of other nationalities “are characteristic for the Russian language in this territory, but not for the Russian language, to which they have no relation... not mastered by Russian consciousness...” [13].

It is hardly possible to argue with this statement, especially in the first part of it. Regionalisms, common in spoken Russian speech and recorded in written (publicistic and fiction) texts in a specific region of the spread of Russian language, indeed, do not alter or affect the lexical system of Russian literary language in general. They complement it, and a specific layer of Russian language vocabulary becomes variative. The process of enlargement of the lexical composition extend not to the territory of the original operation of the Russian language (territory of Russia), but to a limited territory of a specific region (mostly they are the territory of former Soviet republics of the USSR), and the inclusion in each region will be different, depending on the language, with which the Russian language contacts. As a rule, vocabulary, coming from a closely contacting language, is mastered by Russian speakers, does not require semantization in any form, does not cause discomfort to the understanding of the text, therefore, must be differentiated in terms of the variation of the language system. Considering the national variants as private systems (“microsystems”, in the terminology of A.D. Schweitzer), modern linguistics reviews the polynational language as a single macrosystem that exists in a number of practical implementations. Each variant microsystem contains both common with others, and specific symptoms. A.D. Schweitzer claims [14] that by mutual crossing the particular variant systems form a “common core” of a macrosystem. Those parts of the microsystem, which do not coincide with any parts (elements) of other private systems are differential, or distinctive features.

The idea of “common core” was borrowed by Schweitzer from Ch. Hockett, who tried to use it to explain the correlation of idiolects and dialects within a single linguistic system. Defining common core as “a set of identical elements of two Microsystems” A.D. Schweitzer attached great importance to this part of microsystems. “The concept of the common core, he writes- is extremely important and essential for the comparative analysis of such overlapping language systems, as dialects and variants of the same language. Comparisons of language variants, which are carried out without taking into account common core tend to distort the real picture of the relation of their common and distinctive elements” and “distinctive elements often represent certain inclusions to a single language system” [15].

One of the main requirements when comparing national variants is not only in identifying *what* works, but also *how it works*. Lexical system, or macrosystem of the

national version of the Russian language, in particular, Kazakhstan version, we can present in the form of expanding circles, where the core part — is the basic body of words and expressions of the Russian language, without which the language cannot exist and cannot be called national. Variative elements are applied on each other so that their main area forms identity zone and outer areas (segments) correspond to zones of divergence between them. The differences can be recognized as equal elements, due to which Russian literary language forms national version of the Russian language, included in the all-Russian lexical macrosystem, which is thus the correlation hierarchy. First, center, circle- a common core of lexical system of Russian national language, is that foundation which exists for centuries and keeps itself as the language of the Russian ethnos.

Second circle — expanding- is variative, body of units in it depends directly in what state, on what territory it develops and the language it is in contact with. It includes lexical units of different spheres of communication, which have no analogues in other national versions and Russia.

The third circle is characterized by internal variability, which manifests itself in the actualization of various units of the general structure of language, showing the features of the language imagery and identification of specific connotative meanings manifested in abbreviated formations and precedent texts. All components of the second and third circles of the lexical macrosystem form a special sphere of concepts. Lexical system of the Russian language in general appears before us as correlation hierarchy on the periphery representing a set of private systems. Inclusion to the Russian text of a large number of words from different languages, reflecting the realias of surrounding reality, changes the overall lexical structure of the Russian language, let's talk about a bit other lexical system with a different fullness, additional composition of words and expressions, having no matches in the lexical system of the Russian language, developing on the original territory of spread.

This problem is typical for many republics of the former Soviet Union, which still actively use the Russian language. According to the ideas of Humboldt and the hypothesis of Sapir-Whorf, language and way of thinking are interrelated. Language is not only a means of communication but also a tool of thoughts and feelings, and its consideration from the position of these categories is the “foundation of true linguistic research” [16]. Connection of anthropocentric approach in looking at the language with anthropocentric setting in text analysis allows to deepen the study of the problem of the human factor in the linguistics of the text, because the text is always a creation of an author, also representing an aspect of the human factor. Russian language in all CIS countries, experiencing the impact of closely contacting language and socio-cultural conditions, is in the process of expansion of the lexical system. All this is due to the fact that basic knowledge, originally embedded in the lexical system and designed for communication in Russia, is not sufficient for adequate communication in situations of bi- and multilingualism. When viewed from the position of the Russian language in the countries where it is used actively, regardless of its official status then, for example, in the Russian language in Ukraine a large layer of adapted Ukrainian lexis can be seen, in Lithuania — Lithuanian, in Uzbekistan — Uzbek, etc. In a multiethnic state Russian language is in contact with other languages and, accordingly, assigns new knowledge, reflecting the socio-cultural environment in which it develops.

Russian language in Russia some way confronts the linguistic peculiarities of other national versions. On the one hand, it always has a massive impact on them through various technical means, radio, television, print, while pretending to be the legislator of the language. On the other hand, it unconsciously cultivates its own distinctive features, detected by correlation, in particular, with the Russian language in Kazakhstan. As a result of variety of processes of inter-layer, intra-regional and inter-ethnic interaction between each of the national versions of the Russian language has a certain inventory of lexical units, fragments of which can be common. Discrepancies between the vocabulary of the national versions of the Russian language are of both inventory, and distribution nature and can affect the quantitative parameters — by the existence of parallel doublet definitions — quality indicators, which is reflected in the unusual lexical-semantic and stylistic interpretation of lexical items and structural properties with a special use of word-building tools.

The vocabulary of the Russian language national variations is inherent in high degree of regional variation, vertical and horizontal segmentation in close cooperation of units of different layers of social and functional paradigm, to a greater or lesser extent expressed readiness to equalize differences and a tendency to spread nationally marked lexical units outside the Russian Federation. At present, we can assert the existence of variation relationships between national variants of lexical systems of the Russian language and language of metropolitan within a single macrosystem of the language.

Languages: Conflict of Interests

One of the most topical issues of the use of the Russian language in Kazakhstan and other Central Asian states today- is a decision on whether the language has its own sphere of consumption and, if so, what is it. Is it possible to consider Russian language as a special kind of Russian language or is it the same Russian language as in Russia? Unity of opinion on this issue does not exist in Kazakhstan itself and beyond. Some believe that the rules that exist in Kazakhstan, form a special code, adapted to the needs of use of the language in this country, others insist that all the differences of the Russian language in Kazakhstan from its use in the metropolis can be described as exoticisms [17; 18].

Persistent doubts concern the names of localities: Aktobe / Aktyubinsk, Almaty / Alma-Ata, Baikonuyr / Baikonur, Karagandy / Karaganda, Kokshetau / Kokchetav, Kostanai / Kustanay, Oral / Uralsk, Oskemen / Ust-Kamenogorsk, Taldykorgan / Taldy-Kurgan, Shymkent / Chimkent. These renamings have different nature and character: the return of historical Turkic names, inventing analogues, phonetic adaptation, graphics replacement. For example, in the case of renaming Semipalatinsk to Semey the head of the republic explained that the former name of the city is connected with the nuclear testing ground, and so is not very attractive to investors and tourists.

There are still some traces of not always considerate disputes on Wikipedia [https://ru.wikipedia.org/wiki/Wikipedia: K_pereimenovaniyu/22_iyulya_2007](https://ru.wikipedia.org/wiki/Wikipedia:K_pereimenovaniyu/22_iyulya_2007) (quote them selectively to the original spelling, except for the most politically incorrect statements):

“not everything that is in the Cyrillic alphabet is in Russian. Semey is in Kazakh. Suppose there are two languages, but one city cannot be called differently in one same country. For us, the city is still Semipalatinsk, so far. // Do not invent, Semey is not

Kazakh word and in Kazakh it means nothing (unlike all other Kazakh toponyms, such as Aktau, Karkaraly, Astana, Almaty, etc.). But in Kazakh language the city was called exactly this way before. XXX is not an attempt to kazahificate, it is a normal renaming of the city. // If the Kazakhs cannot pronounce Semipalatinsk or Uralsk, it does not mean that the Russians should be forced to pronounce all kinds of Oskemens... // Abstain from racist outbursts to the address of Kazakh people. And if you find it difficult to pronounce the words Semey, Almaty or Oskemen, I sincerely, humanly feel sorry for you. Perhaps a speech therapist can help. // Why do Kazakhs cannot say Semey and Russians-Semipalatinsk? What is the problem here? Why Kazakhs say Orynbor about Russian city of Orenburg? // It's actually quite logical to kazahificate what in its time was no less insidiously Russified, but this is not the matter. Rename background can be any but the very fact of renaming is in the jurisdiction of the Government of the country, it is its full right, someone likes it or not. and so on". Similar discussions are found in print today as well. True and invented arguments are given, facts and interpretations are mixed, the parties wish to avoid offense, but at the same time hurt each other intentionally. Historical retrospective serves to both parties as proof of its rightness.

Control of websites is an important thing; depending on who writes and edits a website there can be different variants of interpretation, but in the case of the Russian language it occurs that a lot depends on whether the site is Kazakh or Russian. You can see that the discussions on Russian websites have more moderate nature than in the Russian-speaking Kazakh websites. Kazakh-language websites are usually somewhat different point of view.

All scientists talk about the Internet space and telecommunications of Kazakhstan and Russia as communicating vessels; their interaction leads to a constant renewal of the Russian language in the Kazakh Republic, but not so much affect the functioning of the Kazakh language, which is under the influence of not only Russian, but also, for example, Turkish and other Turkic languages.

Let's see how the languages are combined on marking on dairy products. By law, the inscriptions in both languages are compulsory. In Kazakh language milk, kumis, shubat, ayran, etc. are called with the word *ak-* 'white'. Like everything associated with the white color, it is given the value of purity, fidelity, special sacred power. Each nation has its own dairy products, but in the case of a long coexistence of cultures peoples share recipes of dishes. So, today, all these products are sold in Moscow, and fermented baked milk, varenets, kefir, etc — in Kazakhstan. Let us give descriptions of some dairy products. The contents in Kazakh and in Russian is the same, but the font used on the packaging is different in shape and size; some symbols may be absent in one of the languages. Characteristically, that in the normal Kazakh language text must come before the Russian-speaking, but in reality the languages alternate randomly, and this can be seen as a specific language game as well. It is noticeable that the influence of Russian language on the Kazakh has a long history (can be seen on borrowings): it was not only a source of innovation, but also as an intermediary between the world and other languages, i. e. language-mediator. In many ways it retains this feature today.

The Kazakh language, however, persistently try to overcome existing for many years' functional asymmetry. The use of the Russian language is gradually reduced, including such functionally important areas as judicial procedures and education.

Interesting results provided the monitoring of work with students of the Kazakh departments of leading University of Kazakhstan- Al-Farabi Kazakh National University. For several years (from 2012 to 2016) students of the 3rd course of non-humanitarian profile (specialties “Chemistry”, “Electroenergetics”, “Information technology”, “General Physics”, “Mathematics”) had the educational course “Professional Russian language”. The first lesson of the course in all groups was aimed at awareness of the students of the relevance, the functional need to study the Russian language for future successful integration in the professional environment. Russian language teacher offered students to compose the strategy of development of the professional language of communication, which includes several tactics. Despite the fact that the Russian language was meant (at least from the title of the course and its goals), most students were developed strategies for the acquisition **of the English language**. Exactly English regularly was called by students as *language of the specialty*. Moreover, 90% of students did not consider it efficient to study the Russian language in the future, considering that the English *can replace* or *supplant* Russian during entrance of Kazakhstan into the world educational and professional context. There is a significant caveat here: most of the students of the Kazakh department come from families of repatriates, i. e. they are not sufficiently fluent in Russian language. In their view, a three-part structure of the *Kazakh-Russian-English* can be reduced to two-part *Kazakh-English*. Such “proposals” in the process of educational course came from students in the form of essays, results of surveys and independent works, as well as projects (the characteristic name of one of them — “Let’s speak kazaksha!”, i. e. “Let’s speak Kazakh!”). It is impossible not to conclude that *the prestige of education* is increasingly English than Russian. Moreover, when switching codes during classroom *in Russian language (!)* lessons “Kazakh-English” language pair is functionally activated: English is used by students as an intermediary language for expressing their own opinions and clarifying of misunderstood material.

In the government project “Trinity of languages” English language is assigned the status of “the language of integration into the world economy”. In the educational process of Kazakhstan, it occupies an increasingly stable position. In the “State program for functioning and development of languages in 2011–2020”, one of the target indicators is to increase the share of the Republic’s population being proficient in English language (by 2014 — 10%, by 2017 — 15%, by 2020 — 20%); the percentage of the population speaking three languages (State, Russian and English) (by 2014 — 10%, by 2017 — 12%, by 2020 — up to 15%) [4]. It should be noted that in his speech at the XIX session of the Assembly of People of Kazakhstan the President of the Republic of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev stressed “the importance and role of the English language, opening a window to Kazakhs into the world of innovation, technology and business”. [20]

3. CONCLUSION

The language situation in Kazakhstan is evolving in the light of several forces:

- Active vernacularization with the return of functional authority of the indigenous Kazakh language;
- Functional “inertia” of Russian language;
- Enhanced promotion and the introduction of English as the language of international communication.

Linguistic construction relies on all three language components, however the influence of “natural” factors is not excluded: so, the repatriation of Kazakhs to their ethnic homeland strengthens, on the one hand, the ethnic composition of the nation, and on the other- eliminates the need for the Russian language, as quantitative dominant of the State gradually become people who do not speak Russian. Not to mention the process of strengthening of national identity, coupled with the collective aspiration of Kazakhs to go out of “the shadows” of Russia and the Russian language. The result can be a gradual displacement of the Russian language to the functional periphery, but it is a trend so far, not a forecast.

Kazakhstan today remains one of the most consistent states with ethnic and linguistic tolerance positions.

© Sinyachkin V.P., Sinyachkina N.L., 2018

REFERENCES

1. Suleymenova, E.D., and Zh.S. Smagulova. 2005. *Yazykovaya situaciya i yazykovoe planirovanie v Kazahstane* [Linguistic Situation and Language Planning in Kazakhstan]. Almaty: Kazakh universiteti. Print. (in Russ.)
2. Suleymenova, E.D. 2010. “Sociolingvisticheckie peremennye yazykovogo sdviga i povorota yazykovogo sdviga” [Sociolinguistic Variables of Language Shift and Rotation of Language Shift]. «Yazyk — Obshchestvo — Vremya» Proceedings. May 2010. Almaty: Kazakh University. Print. (in Russ.)
3. Suleymenova, E.D. 2006. «Arhetip “gadkogo utyonka” i yazykovaya identichnost’» [Archetype of the “Ugly Duckling” and Language Identity]. Language and Ethnic Identity: International Conference “Akhanovskie readings”. Almaty: Kazakh University. Print. (in Russ.)
4. Madieva, G.B. 2010. *Imya sobstvennoe v kontekste poznaniya* [Proper Name in the Context of Knowledge]. Almaty; Moscow. Print. (in Russ.)
5. Suleymenova, E.D. 2010. *Dynamics of Linguistic Situation in Kazakhstan*. Print.
6. Khasanov, B.Kh. 1992. *Social’no-lingvisticheckie problemy funkcionirovaniya kazahskogo yazyka v Respublike Kazahstan* [Socio-linguistic Problems of the Functioning of Kazakh Language in the Republic of Kazakhstan]. Dr. thesis. Almaty. Print. (in Russ.)
7. Khasanov, B.Kh. 2001. “Russkij yazyk v Kazahstane: na platforme yazykovogo suvereniteta” [Russian Language in Kazakhstan: on the Platform of Language Sovereignty]. Reports of the International Conference “Russian Language in Socio-Cultural space of XXI Century”. Almaty. Print. (in Russ.)
8. Akanova, D.Kh., E.D. Suleimenova, and Shajmerdenova N.Zh. 2010. “Yazykovaya situaciya i opyt yazykovogo planirovaniya v Kazahstane” [Linguistic Situation and Experience of Language Planning Experience in Kazakhstan]. *Reshenie nacional’no-yazykovyh voprosov v sovremennom mire: Strany SNG i Baltii*. Moscow. Print. (in Russ.)
- 9.
10. Prokhorov, Y.E. 2009. “Russkij yazyk i russkaya kul’tura v novoj geopoliticheskoj kommunikacii” [The Russian Language and Russian Culture in the New Geopolitical Communication]. Reports of the international research-to-practice Conference “Innovative Technologies in the Theory and Practice of Teaching Language and Literature: Problems and Solutions”. Astana, 24—26 November 2009. Part one. Plenary report. Print. (in Russ.)
11. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan № 110 of June 2011. Electronic resource. Access mode: <http://www.geokz.tv/article.php?aid=11278>
12. Suleimenova, E.D. 2007. “By Understanding the Probability Version of the Russian language in Kazakhstan”. *Slavica Helsingiensia* 1: 254. Print.
13. Mamedli, A.M. 2000. “Otnoshenie ekzotizmov k semanticheskoj sisteme yazyka-receptora (Biblejskaya ekspressiya i russkij literaturnyj yazyk)” [The Relation of Exoticism to the Semantic

- System of the Receptor Language (Biblical Expression and Russian Literary Language)]. Velikiy Novgorod. Print. (in Russ.)
14. Schweitzer, A.D. 1971. Literaturnyj anglijskij yazyk v SShA i Anglii [Literary English in the United States and England]. Moscow. Print. (in Russ.)
 15. Schweitzer, A.D. 1976. Sovremennaya sociolingvistika: Teoriya. Problemy. Metody. [Contemporary Sociolinguistics: Theory. Problems. Methods]. Moscow. Print. (in Russ.)
 16. Humboldt, W. 1985. Yazyk i filosofiya kul'tury [Language and Philosophy of Culture]. Moscow. Print. (in Russ.)
 17. Loschikhina, A. 2015. “Y i Almaty” [Y and Almaty]. *Russkiy Mir* 6: 30—33. Print. (in Russ.)
 18. Sabitova, Z.K. 2013. Lingvokul'turologiya [Cultural Linguistics]. Moscow. Print. (in Russ.)
 19. State Program of Development and Functioning of Languages in the Republic of Kazakhstan for 2011—2020. [Presidential Decree of June 29, 2011 № 110]. Web: geokz.tv/article.php?aid=11278
 20. Address of the participants of the Assembly of People of Kazakhstan to the Country's Citizens. Web: akorda.kz/ru/speeches/addresses_congratulations/obraschenie_uchastnikov_xix_sessii_assamblei_naroda

Article history:

Received: 13.04.2018

Accepted: 25.06.2018

Moderator: S.V. Dmitryuk

Conflict of interests: none

For citation:

Sinyachkin, V.P., and N.L. Sinyachkina. 2018. “Multilingualism in the Republic of Kazakhstan: Viewpoint from the Outside”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 15 (3), 445—460. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3-445-460

Bio Notes:

Vladimir Pavlovich Sinyachkin is a Doctor in Philology, Professor, Head of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Faculty of Humanities and Social Sciences, Russian Peoples' Friendship University. E-mail: word@list.ru

Natalia Leonidovna Sinyachkina is a Candidate in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Faculty of Humanities and Social Sciences, Russian Peoples Friendship University.

МНОГОЯЗЫЧИЕ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

В.П. Синячкин, Н.Л. Синячкина

Российский университет дружбы народов (РУДН)
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

В статье подробно раскрывается комплекс проблем, связанный с языковой политикой в Республике Казахстан. Особое внимание уделено осмыслению магистральной для языкового планирования траектории триязычия и возникающим в подобной обстановке конфликтам

между языками и культурами, а также решений их преодоления. Авторы аргументируют свои наблюдения многочисленными примерами из сфер лингвокультурологии, политической лингвистики, образования. Deskриптивный метод скомбинирован в работе с историческим комментированием и лингвокультурологическим анализом. Полученные данные могут быть полезны специалистам-филологам, интересующимся проблемами языкового планирования.

Ключевые слова: языковое планирование, языковая политика, языковой конфликт, практика триязычия, Казахстан

История статьи:

Поступила в редакцию: 13.04.2018

Принята к публикации: 25.06.2018

Модератор: С.В. Дмитрюк

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Синячкин В.П., Синячкина Н.Л. Многоязычие в Республике Казахстан: взгляд со стороны // Полилингвильность и транскультурные практики. 2018. Т. 15. № 3. С. 445—460. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3-445-460

Сведения об авторах:

Синячкин Владимир Павлович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов. E-mail: word@list.ru

Синячкина Наталия Леонидовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов.

DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3-461-471

О СТАНОВЛЕНИИ РУССКО-ИНОНАЦИОНАЛЬНОГО БИЛИНГВИЗМА В РОССИИ ДОСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Л.П. Дианова

МГИМО(У)

Российская Федерация, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Статья посвящена вопросу зарождения и развития русско-инофонного двуязычия. На основе анализа изученной литературы автор делает выводы о зарождении и функционировании разных видов билингвизма на территории Руси, Российской империи вплоть до начала XX века. Формулированию выводов о существовании в разное время таких видов двуязычия, как древнерусско-тюркский, древнерусско-литовский, древнерусско-немецкий, древнерусско-финский билингвизм, а затем русско-немецкий, русско-французский, русско-английский и др., поспособствовал в первую очередь известный труд авторитетных российских ученых В.И. Белликова и Л.П. Крысина [1].

В работе использовался метод аналогии как один из научных методов познания, метод лингвистического описания, общенаучные методы индукции и дедукции.

Ключевые слова: билингвизм/двуязычие, русско-инофонный билингвизм, русско-инонациональный, языковая политика

1. ВВЕДЕНИЕ

После распада единой культурно-исторической общности в 1991 году практически во всех постсоветских государствах формировалась языковая политика, главной целью которой было возведение языка титульной нации до статуса государственного. Этот процесс, по мнению У.М. Бахтикиреевой, вполне закономерен; после распада любого многонационального государства образуются новые государства, языковая идеология и языковое строительство которых направлено на возрождение и всемерную поддержку государственного языка. «На постсоветской территории образовались новые государства, с какой бы предубежденностью к ним не относиться. Языковая идеология и языковая политика, языковое планирование и языковое строительство этих стран направлены на возрождение своих государственных языков. Это — закономерность» [2. С. 26]. Однако любое многонациональное государство не может избежать практик би- и полилингвизма, которые могут служить как основой для расцвета одного языка, его мощной развертки в историческом процессе, так и его «расщеплению» на различные варианты, вплоть до достижения статуса «мертвого» языка. Здесь уместно вспомнить взлет и падение латинского языка, послужившего одной из основ для возникновения множества европейских языков, и другие примеры. «Разве не то же самое происходило при распаде Римской империи, когда возрождались итальянский и

испанский, португальский и французский, английский и немецкий, польский и венгерский?.. Те же процессы происходили при распаде империи Арабский халифат: персидские и тюркские языки, отодвинутые на периферию главным языком империи в течение почти пяти веков — арабским, начали новый путь «возрождения» [2. С. 26].

Вместе с тем нельзя обойти вниманием и сформировавшееся после распада единого государства мнение о том, что именно «засилье» русского языка помешало развитию иных национальных языков, способствовало асимметричному взаимодействию языков, русско-инонациональному двуязычию, порой с доминирующим русским, а также полному переходу отдельных этнически нерусских людей на русский. «Состояние языковой ситуации в новых социумах в первую очередь определяется сужением сфер использования русского языка, вызванному неудачной языковой политикой периода “парада суверенитетов”, первые шаги которого сопровождалась насаждением русофобии и различных ограничений, включая и отказ от использования русского языка не только в жизни государства, но и каждодневной жизни социума» [3. С. 117—118]. Как представляется, эти процессы также можно отнести в разряд закономерных в постсоветских государствах; за исключением Белоруссии, статус русского языка изменился, обусловив сужение сфер его использования, появление его вариаций. На сегодняшний день остается неизменной коммуникативная активность русско-инонационального и инонационально-русского (с доминирующим иным национальным языком) билингвизма.

Цель данной статьи — на примере становления русско-инофонного билингвизма показать закономерность появления би- и полилингвальных ситуаций, расширение лингвистического императива одного языка. Так, прежде чем достичь своего вершинного взлета в Золотом веке русской литературы, русский язык прошел через процессы активного инофонно-русского двуязычия.

2. ОБСУЖДЕНИЕ

Истоки русско-инофонного билингвизма

Исследуя становление языковой ситуации в России и СССР, известные российские ученые В.И. Беликов и Л.П. Крысин в работе «Социоллингвистика» (2001) пишут о том, что точных данных о функционировании языков в период зарождения русской истории не очень много. «Летопись сообщает о славянских племенах, живших “на пути из варяг в греки” в непосредственном соседстве с финнами и балтами». В разных регионах, городских и мелких поселениях могли уживаться «представители самых разных этнических групп» и если говорить о языковой ситуации, то, по всей видимости, полагают ученые, «многочисленные межэтнические контакты», в частности княжеский двор «*неминуемо должен был быть двуязычным*» в силу межэтнических браков князей с представительницами норвежского и шведского двора. Затем, с 60-х гг. XI в. начинаются «тесные династические связи с западом (теперь в основном с Польшей, Чехией, Венгрией), несмотря на предубеждение высших церковных иерархов против связей с “латинянами”» (выделено нами. — *Л.Д.*) [1. С. 238—239]. Можно полагать, что дву-

язычная ситуация была характерна для всего XI в., на протяжении которого развивался *опыт славяно-инофонного билингвизма*: славяно-финского, славяно-балтского, славяно-норвежского, славяно-шведского, славяно-польского, славяно-чешского, славяно-венгерского и др.

На практику межэтнических контактов и браков представителей Древней Руси и Степи IX—XII вв. обращали внимание многие ученые. «Без преувеличения можно сказать, что почти все влиятельные княжеские рода в Киевской Руси состояли в кровном родстве со Степью» [4. С. 143—144]. Красноречивым доказательством этого утверждения является XII в. с характерными для него династийными браками. Так обстояло дело с родословной линией Ольговичей, героев «Слова о Полку Игореве». В частности, О.О. Сулейменов замечает, что женитьба на дочери Тугра-хана позволила Олегу стать князем черниговским. «Сын от этого брака, Святослав, продолжает политику отца и, женившись на дочери Аепы, добивается титула “великий князь киевский”. В жилах сыновей его: “Игоря и Всеволода течет добрая струя кипчакской крови. На ком они женаты, летописи не сообщают, но сын Игоря Владимир в плену справляет свадьбу с дочерью Кончака”. И даже прославленный добрый страдалец за русскую землю Владимир Мономах женил двоих своих сыновей — Юрия в 1107 г. и Андрея в 1117 г. на половчанках. Тут уж не приходится говорить о каком-то расовом или культурном антагонизме. Очевидно, высшие общественные классы и Руси и половцев имели кое-что общее, какими-то общими интересами друг к другу притягивались».

Несомненно, что династийные браки прежде всего были направлены на поддержку и защиту обеих сторон в случае опасности. В летописи 1107 г. читаем: «Иде Владимир и Давыд и Олег к Аепе и ко другому Аепе и сотвориши мир; и поя Владимир за Юргя Аепину дщерь, Осеневу внуку, а Олег поя за сына Аепину дщерь, Гиргенеу внуку, месяца генваря 12 день». В XI—XII веках половцы воюют против отдельных княжеств, входивших в состав Киевской Руси в качестве союзников, заступаясь за своих «сватов» [4. С.144].

По Л.Н. Гумилёву, на Руси наряду с разделением славянской целостности происходило сближение новых славянских субэтносов с инородцами. Когда они не сливались, то дружили, а это иногда бывало даже выгоднее [5. С. 371]. Можно уверенно утверждать, что в этот период развивается активное двуязычие и с большой долей вероятности — полиязычие, но процесса русификации не наблюдается, потому что, несмотря на значительное развитие Новгородских земель, Муромского, Ростово-Суздальского, Ярославского и иных северо-восточных княжеств в XI—XII веках на этих территориях преобладало «финское население» [1. С. 239].

В связи с распространенностью языка степняков — тюрков в силу тесного общения как мирного, так и междуусобного характера и регулярных брачных связей, формирование процесса «русификации рядовых граждан шел достаточно медленно и без особых конфликтов», кроме сопротивления язычников христианизации. В устном общении использовались древнерусские диалекты, в качестве письменных языков — древнерусский и церковнославянский, которые находились в диглосном соотношении, т.е. использовались в зависимости от сферы их использования. Возможно, существовала и диглосно-билингвальная ситуация.

Основываясь на исследовании В.И. Беликова и Л.П. Крысина, российские лингвисты, исследующие истоки зарождения русскоязычной/русофонной (созданной нерусскими авторами) литературы, отмечают: «В доимперский период церковнославянский язык является основой для создания духовной литературы и ведения богослужения, в т.ч. для крещеных инородцев» [6. С. 16].

В XIII—XV веках языковая ситуация в Восточной Европе меняется. Экономическая зависимость Владимиро-Суздальской, Рязанской и других южных земель от Золотой Орды, значительное западное влияние на Галицко-Волынские земли, серьезное литовское влияние на Полоцк и Смоленск свидетельствуют о языковой динамике отмеченного периода. В это же время Новгородская республика сопротивляется Ливонскому ордену и шведам, упрочивает свой контроль «среди финских народов на севере и северо-востоке», в конце XV в. подчиняется Москве, рядом с которой усиливалось Великое княжество Литовское [1. С. 241]. Исходя из этих данных, вполне можно предположить, что в этот период в зависимости от локальной территории функционировал *древнерусско-тюркский, древнерусско-литовский, древнерусско-немецкий, древнерусско-финский билингвизм*, что предполагает отдельные языковые практики: триязычие и полилингвизм.

Языковая ситуация на Руси до покорения Казани и после ее присоединения снова меняется в соответствии с увеличением разноэтничных племен, «не только татары, но и мордва, чуваша, черемисы (марийцы), вотяки (удмурты), башкиры» находились под влиянием языка татар, который оставался в качестве межэтнического общения для автохтонных жителей Среднего Поволжья и Приуралья. «Общение русских властей с местными жителями обычно идет через толмачей (переводчиков), в том числе с еще враждовавшими с Россией крымцами» [1. С. 242].

Покорение Сибирского ханства вплоть до Тихого океана обусловило соседство России с многочисленными этническими группами. Жившие достаточно независимо друг от друга и не вовлеченные в государственные образования эти этносы стали вовлекаться в российское государственное устройство. В период освоения этой огромной территории реализовалась «быстрая русская экспансия на восток» [1. С. 242]. Освоение новых географических локалов и вовлечение «инородцев» в российский социум стало важным условием для создания новых городов. «Присоединение Сибирского ханства увеличило число этнических групп, проживавших вплоть до Тихого океана. На юге России возникает Тюмень, Тобольск, Томск, Кузнецк, Красноярск, Чита и Нерчинск; на севере — Березово, Обдорск (Салехард), Туруханск, Якутск, Охотск» [6. С. 14—15].

Тесные контакты русских с народами Северной Азии обуславливали двуязычие в силу необходимости первых осваивать языки народов присоединенных земель. «Инородцев», осваивающих русский, было мало, чаще русским пользовались «князьцы», контактирующие со сборщиками ясака. Переводчиками чаще выступают тунгусы, проживавшие на территориях Сибири от Енисея до Охотского моря. Навсегда осевших в Сибири русских «(семейские Забайкалья, рускоустыинцы в низовьях Индигирки, камчадалы и др.)» было немного. Они смешиваясь с аборигенами, тем не менее сохраняли русский язык и для результирующей популяции. Русский язык того периода лишь лексически и фонетически был под-

вержен влиянию местных языков. Только долгане — народность, возникшая в XVIII — начале XIX в. в результате браков русских «затундренных крестьян» с тунгусами, якутами, ненцами, энцами — создали свой язык, основой которого стал якутский. Русские Восточной Сибири в повседневном общении использовали разговорный якутский язык, так называемый «сахала-рипгь, от якутского мн. числа саха-лар ‘якуты’» [Цит. по: 6. С. 15]. Иными словами, и на этих присоединенных русскими территориях функционировал русско-инофонный билингвизм, который, по всей видимости, был асимметричным, неравновесным по сферам использования.

Следует заметить, что, согласно указанному сочинению, русский язык среди аборигенного/автохтонного народа Сибири распространялся в пиджинизированной форме. И до настоящего времени некоторые разновидности пиджина функционируют в разных локалах на данной территории, доказывая своим существованием наличие диглосно-билингвальной ситуации.

Языковая ситуация перед имперским периодом России характеризуется существенным изменением в этноязыковой ситуации. В силу необходимости вживания в окружающую среду русские поселенцы на окраинах присоединенных земель пользуются в качестве средства повседневного общения автохтонными языками коренных жителей, что дает основание для утверждения о развитии *русско-«инородческого» двуязычия*. В период интенсивного освоения новых земель процесс языковой ассимиляции шел медленно в силу необходимости установления межэтнических коммуникаций. Кроме того, ученые отмечают, что государство в этот период не вмешивается в языковые проблемы, хотя Россию можно определенно считать метрополией по отношению к новым территориям. Потому можно говорить о расширении территориального императива русского языка. При этом этнически русские люди пользовались различными диалектами, но в центре, как отмечают ученые, выкристаллизовывалось общеразговорное койне, которое впоследствии станет основой для развития делового русского языка, и позже — для создания русскими писателями светской литературы на русском языке, а затем и нерусскими авторами — русскоязычной литературы [1].

Билингвальная ситуация в Российской империи

История Российской империи начинает свой официальный отсчет с 1721 г. (22 октября/2 ноября), с момента принятия Петром I титула Императора Всероссийского. Без малого двухвековая история империи сопровождалась присоединением новых земель с проживавшими на них автохтонными народами. На протяжении этого времени в состав империи вошли Ижорская земля (Ингерманландия), часть Карелии с Выборгом, Эстляндия, Лифляндия, все белорусские и большая часть украинских и литовских земель, Латгалия и Курляндия, северное побережье Черного моря и Крымское ханство, практически вся значительная часть Предкавказья, Финляндия, Бессарабия, Польша, Восточная Грузия, значительные районы Закавказья и Азии (казахи и киргизы), Кокандское ханство; Туркмения, редконаселенные земли по левому берегу Амура и Приморье, Сахалин. Русский протекторат признают Бухара, Хива и Урянхайский край [1. С. 238—258].

Можно полагать, что языковой ландшафт в это время был достаточно пестрым, дву- и полиязычным, но с обязательным присутствием русского языка во всех языковых контактах и межъязыковых взаимодействиях.

Необходимость регулирования языковой политики в петровскую эпоху выражалась прежде всего принятием официального гражданского шрифта и азбуки. Инициатива Петра I была поистине судьбоносной для государства. В отношении национальных меньшинств в российском государстве, считают ученые (В.И. Беликов, Л.П. Крысин), можно говорить лишь с Петровских времен. Петр I в Эстляндии и Лифляндии оставляет принятое ранее законодательство, привилегии городов и дворянства. В плане языковом во всех административных сферах, в судопроизводстве, образовании сохраняется использование *немецкого* языка. На присоединившееся позже Курляндское герцогство, бывшее ранее польским протекторатом, распространилась аналогичная практика, в том числе языковая.

До первой половины XIX в. немецкий язык функционирует в качестве официального языка Прибалтики. Вместе с тем развитие государства с его практическими нуждами обусловило необходимость изучения русского языка. В конце XVIII в. начинается период более активного инонационально-русского билингвизма, создаются учебные пособия по русскому языку для немцев Эстляндии, Лифляндии и Курляндии. Однако в качестве обязательного предмета школьного обучения русский язык стал в 1820 г. При этом обучении внимание больше уделялось пониманию письменного текста, о всестороннем владении гимназистами русским языком речи не было. Автохтонные (локальные) языки не развивались, а использование их школьниками категорически воспрещалось. Высшее образование осуществлялось на немецком языке, а необходимость сдавать письменный экзамен по русскому языку для желающих поступить, например в Дерптский университет, возникла только в 1845 г.

Для Ингерманландии не было характерно дворянское сословие, а редкое сельское население в дальнейшем часто оказывалось в окружении русских переселенцев. Собственно финны хотя и стали позже двуязычными, но благодаря развитию в Финляндии литературного языка были в гораздо более выигрышном положении. Они поддерживали свою языковую идентичность, чего нельзя сказать об аборигенах южного побережья Финского залива — народах *водь* и *ижора*. Вплоть до 1930-х гг. никаких попыток письменного развития языков этих народов не предпринималось.

По отношению к «неразвитым» народам первый российский император и его наследники «... поначалу проявляют лишь любопытство в духе кунсткамеры, устраивая, например, карнавалы из одетых в национальные костюмы представителей каждого инородческого “племени” или умиляясь языку “малороссов”» [1. С. 245—246].

Начиная с Петровских времен в России заметно увеличивается число людей, говорящих на языках, имеющих значительную литературную традицию и высокий престиж. Социальная верхушка общества становится полиязычной, пользуясь в разных вариантах сначала немецким, голландским, затем французским языком, который становится с конца XVIII в. для значительной части элиты по существу основным. К началу XIX в. европейскими языками овладевают и средние дво-

рянские слои [1. С. 243], причем уровень овладения настолько высок, что русскими поэтами и писателями создаются произведения на европейских языках. И этот факт широко известен в истории литературы. Некоторые исследователи даже называют XVIII век столетием «великой языковой смуты» [7].

Упорядочение русского языка стало одной из основ деятельности «императрицы-просветительницы» — Екатерины II (1729—1796). По всей видимости, изучение ею русского языка было глубоким, осознать все русское, понимать историю и традиции Российского государства для нее было делом всей жизни. Об этом свидетельствует и открытые в период ее правления ряда новых учебных заведений (в том числе для женщин — Смольный институт, Екатерининское училище). Впервые в русской истории в 1794 г. выходит в свет первый нормативный «Словарь Академии Российской». Можно уверенно говорить о полиязычной личности Екатерины II. Не будучи, так сказать, «коренной» россиянкой, она проявляла «подлинный интерес к языкам своих подданных» и повелела «П.С. Палласу собрать материал по всем языкам и наречиям» [1. С. 247].

При Александре II национальная и языковая политика в Европейской России все более меняется в сторону русификации [1. С. 249], и основательно эта политика закрепляется при Александре III [1. С. 282]. После польского восстания 1863 г. все официальные функции в Царстве Польском принадлежат русскому языку. Чуть позже обязательное изучение русского вводится во всех начальных польских и прибалтийских школах, включая и церковные: католические и лютеранские. Распоряжением 1873 г. закрепляется запрет говорить по-польски в гимназиях.

В связи с мощным польским влиянием на Украину в 1863 г. правительством был выпущен циркуляр, разрешавший публикацию на украинском языке только беллетристики, но не учебную и научно-популярную литературу. Как отмечают ученые, запрету подверглись и религиозные издания, поскольку правительство опасалось униатской пропаганды (уния была упразднена относительно недавно, в 1839 г.). В эти же годы на основании «Эмского указа» Александр II (1876) прекращается использование литовского литературного языка на латинской графике, но вместе с тем российское государство предоставляет субсидии на издание литовских изданий на русской графике. Белорусская печать на латинице также была приостановлена, а западнорусский (старобелорусский) литературный язык после запрета его в Речи Посполитой в конце XVII в. постепенно исчезает. Как замечают В.И. Беликов и Л.П. Крысин, народные массы Белоруссии не отличались выраженным этническим самосознанием вплоть до начала XX в., множество же крестьянских диалектов образованными людьми воспринимались как диалекты русского языка. По особому разрешению позволялось публиковать на украинском языке исторические памятники и художественную литературу.

Централизованная языковая политика коснулась и местных языков на Кавказе, в 1867 г. они исключаются из ряда обязательных предметов для изучения русскими школьниками. Обязательным требованием для всех учебных заведений этого региона становится изучение русского языка с первого года обучения. С 1873 г. приостанавливается преподавание молдавского языка в Бессарабии. Еще раньше, с 1870-х гг., поэтапно отменяется автономное управление немецких колонистов в Поволжье и Новороссии, упраздняется Контора опекунов иностран-

ных поселенцев в Саратове, учрежденная еще Екатериной в 1766 г., а с 1874 г. российских немцев привлекают к воинской повинности. Русский язык становится обязательным предметом изучения в немецкоязычных лютеранских школах Поволжья. Начиная с 1840-х гг. государство настойчиво вводит русский язык в систему еврейского образования русский язык. Русификация распространяется на Прибалтику.

Вполне закономерно, что развитие и укрепление государственности сопряжено с развитием и укреплением единого для всех государственного языка. Нет ничего удивительного в том, что языковая политика на протяжении XVIII—XIX вв. была направлена на расширение территориального и лингвистического императива русского языка. Как отмечают ученые, поощрение развития языков меньшинств приветствовалось правительством, если оно содействовало распространению государственного языка. Отсюда и вмешательство властей в процесс обучения в не православных конфессиональных школах, препятствия для изучения иных языков по политическим мотивам [1. С. 249—258].

Освещая языковую политику России того периода в отношении коренных малочисленных народов Севера, Дальнего Востока (около 120 тысяч человек), Л.А. Арефьев отмечает, что она сводилась в основном к обращению их в православие. Однако в течение XIX в. северяне добились больших успехов в области русификации народов [8. С. 31, 33]. По всей видимости, тому сопутствовали объективные причины. Так, А. Выдрин, говоря о времени, «когда Россия силой приобщила к своим владениям обширные территории Средней Азии» [9], отмечает, что встреча царской администрации с иными культурами и национальными особенностями местного населения Туркестана была чрезвычайно осложнена множеством проблем. Одна из главных проблем — языковой барьер «между прибывшими российскими управленцами и коренными жителями — управляемыми», говоривших на нескольких языках. Коммуникация осуществлялась через переводчиков из местной среды — привилегированной «касты», получающей от правительства дополнительное жалование. Первый генерал-губернатор Туркестана К.П. фон Кауфман, осознавая необходимость овладения управляющими чиновниками местными языками, планировал открытие в Ташкенте курсов местных языков «и даже объявить конкурс с назначением премии за составление учебника и словаря... но меры эти за отсутствием средств не были осуществлены» [9].

Позже в 1883 г. в Петербурге открылись офицерские курсы восточных языков, целью которых было предоставить офицерам возможность, изучив восточные языки, подготовиться для соответствующей службы на Кавказе и в азиатских военных округах. Однако особого успеха они не имели. В 1887 г. генерал-губернатор Н.О. Розенбах всем представлявшимся ему административным лицам, а также учителям низших училищ края настоятельно рекомендовал приняться за изучение местных наречий, чтобы владеть ими по крайней мере настолько, насколько это необходимо в служебных отношениях с местным населением. Им также были организованы курсы. Курсы местных наречий для желающих открывались неоднократно отдельными учреждениями и частными лицами. Например, Машковцевым в 1897 г., штабом округа в 1899 г., Ягелло в 1900 г., Ташкентским отделением общества востоковедения в 1902 г., Ломакиным в 1903 г., но все эти курсы также не решили проблему [9].

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Государственные чиновники высокого ранга (К.П. фон Кауфман, Д.И. Суботич, Н.О. Розенбах др.) имели самые искренние намерения исправить сложившееся «гибельное положение» по управлению местным населением. Были и другие личности, желавшие пробудить у автохтонных народов любовь к России, к метрополии. Доказательством этому служат записки государственных деятелей, в частности оренбургского губернатора Д.В. Волкова, датируемая 1763 г. [10. С. 286].

Однако, как свидетельствует история развития известных империй, обучить «победителей» языкам «побежденных» практически невозможно. Напротив, подавляющее большинство «побежденных» овладевает языком «победителя». Пожалуй, это историческая закономерность в отношениях между метрополией и подчиненными территориями. Овладение языком метрополии, государственным, или доминирующим языком в едином государстве обеспечивает взаимопонимание разнонациональных его граждан и влияет на укрепление государства.

Мы солидаризируемся с лингвистами, считающими, что языковые факторы наравне с географическими (государственными границами), экономическими и др. являют собой подсистему по отношению к системе государственной [2]. Как представляется, подобными соображениями руководствовались государственные деятели России, проводящие национально-языковую политику. Так или иначе, исследования российских лингвистов свидетельствуют об очевидности отнюдь «не мягкой» языковой политики в период становления и развития России как империи. Нет сомнений в том, что укрепление государственности не предполагает равновесного укрепления всех существующих в нем языков. Всем языкам, кроме государственного, приходится быть несколько «ущемленными в праве» функционировать во всех сферах использования. Свидетельством тому является современное функционирование русского языка в соседних с Россией постсоветских странах. Экстралингвистические факторы, такие как привлекательность России, ее экономическая мощь, позиция и значимость на международной арене будут определять дальнейшее сохранение активного русско-инонационального билингвизма и русскоязычия, в том числе билингвизма литературного.

© Дианова Л.П., 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социоллингвистика: учеб. пособие. М.: Рос. гос. манит. ун-т, 2001.
2. *Бахтикиреева У.М.* К проблеме вариативности лексической системы русского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2010. № 3. С. 117—124.
3. *Бахтикиреева У.М.* Русский — полинациональный язык? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2014. № 2. С. 16—30.
4. *Сулейменов О.О.* Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. Алма-Ата: Жазушы, 1975. 304 с.
5. *Гумилёв Л.Н.* Этногенез и биосфера земли. 3-е изд., стер. Л.: Гидрометеоздат, 1990.
6. *Бахтикиреева У.М., Валикова О.А.* Истоки транслингвальной русскоязычной литературы // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Т. XIV. Вып. 1. 2017. С. 18—23.

7. *Родионова К.В.* Трансформация языковой политики России в условиях глобализации. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/2/ara10.html>
8. *Арефьев А.Л.* Языки коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока в системе образования: история и современность. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2014. 488 с.
9. *Выдрин А.* Языковая политика в Узбекистане. Фитрат, Поливанов, Сталин и другие... [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fergananews.com/zvezda/vydrin.html> (дата обращения: 20.05.2015).
10. Классические исследования: многотомник. Алматы: дебиет элемеі, 2013. Т. 13. Алекторов А.Е. Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах (о казахах). 976 с.

История статьи:

Поступила в редакцию: 09.06.2018

Принята к публикации: 24.07.2018

Модератор: В.П. Синячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Дианова Л.П. О становлении русско-инонационального билингвизма в России до советского периода // Полилингвильность и транскультурные практики. 2018. Т. 15. № 3. С. 461—471. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3-461-471

Сведения об авторе:

Дианова Людмила Павловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных студентов, МГИМО(У). E-mail: l.dianova56@mail.ru

TO THE FORMATION OF BILINGUISM IN RUSSIA BEFORE THE SOVIET PERIOD

L.P. Dianova

MGIMO University
76, Vernadskogo Ave., Moscow, 119454, Russian Federation

The article is devoted to the issue of the origin and development of Russian-foreign bilingualism. Based on the analysis of the literature, the author draws conclusions about the origin and functioning of various types of bilingualism in the territory of Old Russia, the Russian Empire until the beginning of the XX century. Formulation of conclusions about the existence at various times of such types of bilingualism as: Old Russian-Turkic, Russian-Lithuanian, Russian-Chinese, Russian-Finnish bilingualism, and then Russian-German, Russian-French, Russian-English, etc., was contributed primarily by the famous work authoritative Russian scientists V.I. Belikova and L.P. Rat [1].

Here, in the work the method of analogy was used as one of the scientific methods of cognition, the method of linguistic description, general scientific methods of induction and deduction.

Key words: bilingualism, Russian-foreign bilingualism, Russian-foreign languages, language policy

REFERENCES

1. Belikov, V.I., and L.P. Krysin. 2001. *Sociolingvistika [Sociolinguistics]*. Moscow. Print. (in Russ.)
2. Bahtikireeva, U.M. 2010. “K probleme variativnosti leksicheskoy sistemy russkogo yazyka” [To the Problem of the Variability of the Lexical System of the Russian language]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. 3: 117–124. Print. (in Russ.)
3. Bahtikireeva, U.M. 2014. “Russkij — polinacional’nyj yazyk?” [Is Russian a Polynational Language?]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya Lingvistika*. 2: 16–30.
4. Sulejmenov, O.O. 1975. *AZ i YA. Kniga blagonamerennogo chitatelja [Az and I. The Book of a Well-intentioned Reader]*. Alma-Ata: Zhazushy. Print. (in Russ.)
5. Gumilyov, L.N. 1990. *Entogenez i biosfera zemli [Ethnogenesis and Biosphere of the Earth]*. Tret’e izdanie, stereotipnoe. Leningrad: Gidrometeoizdat. Print. (in Russ.)
6. Bahtikireeva, U.M., and O.A. Valikova. 2017. *Istoki translingval’noj russkoyazychnoj literatury [The Origins of Russian Translingual Literature]*. «Social’nye i gumanitarnye nauki na Dal’nem Vostoke». 14(1): 18–23. Print. (in Russ.)
7. Rodionova, K.V. *Transformaciya yazykovoj politiki Rossii v usloviyah globalizacii [The Transformation of the Language Policy of Russia in the Context of Globalization]*. Web. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/2/ara10.html>
8. Aref’ev, A.L. 2014. *Yazyki korenyh malochislennyh narodov Severa i Dal’nego Vostoka v sisteme obrazovaniya: istoriya i sovremennost’ [Languages of the Indigenous Minorities of the North and the Far East in the Education System: History and Modernity]*. Moscow: Centr social’nogo prognozirovaniya i marketinga. Print. (in Russ.)
9. Vydrin, A. *Yazykovaya politika v Uzbekistane [Language Policy in Uzbekistan]*. Fitrat, Polivanov, Stalin i drugie... Web. URL: <http://www.fergananews.com/zvezda/vydrin.html> (data obrashcheniya: 20.05.2015).
10. Alektorov, A.E. 2013. *Klassicheskie issledovaniya [Classical Studies]: mnogotomnik*. Almaty: Odebiat olemi. Print. (in Russ.)

Article history:

Received: 09.06.2018

Accepted: 24.07.2018

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Dianova L.P. 2018. “To the Formation of Bilingualism in Russia Before the Soviet Period”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 15 (3), 461–471. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3-461-471

Bio Note:

Ljudmila P. Dianova is a PhD in Philology, Assistant Professor at the Chair of the Russian Language for Foreign Students, Moscow State Institute of International Relations (University). E-mail: l.dianova56@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3-472-481

РОДИНА БОГОВ (NOVELLO)

О.О. Сулейменов

ОТ РЕДАКЦИИ

*В первом номере нашего журнала были опубликованы материалы выездной конференции РУДН, состоявшейся в Карловых Варах (Чехия). Она была посвящена теме «Новая этимология», предложенной О.О. Сулейменовым. В качестве примера приведена этимология чешского слова *ráno* — «утро», образовавшегося на территории Древнего Средиземноморья в III-I тысячелетии до н.э. (как считает автор) с помощью египетского иероглифа ☉ Ra. А русское — утро и южнославянское *ютра* — «утро» произошли в другом регионе Древнего Мира — в Шумере от другого, уже шумерского иероглифа ➤ *ud* — «солнце» (IV—III тысячелетия до н.э.).*

I

Утро истории начиналось в Шумере. С этим пока никто не поспорит. Страна возникла в IV тысячелетии до н.э. в междуречье Тигра и Евфрата, протянулась до Персидского залива Индийского океана. Сейчас там Ирак, где совсем недавно на исходе II тысячелетия н.э. реально начался закат цивилизации биологического вида *Homo Sapiens*. И поэтому надо успеть обобщить то небольшое, что нам известно о Шумере и о связанных с ним культурах. Может, это хотя бы притормозит процесс?

В III тысячелетии с юга Аравийского полуострова в край Великих рек нагрянули древние семиты, завоевали страну и остались там навсегда. Шумерская культура с той поры продолжилась Аккадо-Вавилоно-Ассирийской... Население страны, некогда многоэтническое, разбилось, рассыпалось, растеклось... Солнцеклонники ушли на Восток, искать край земли, из-за которого каждое утро возрождается угасшее солнце. Те, кто молились Венере, направились спасаться на Запад. И за века миграций разнесли по планете священные знаки-первоиероглифы, созданные в шумерском общезнании, и слова, сотворенные с их помощью.

В начале 60-х я познакомился с шумерской темой и несколькими шумерскими иероглифами (не все до нас дошли). Увлёкся и — до сих пор. В то время я изучал древнетюркское письмо VIII в. н.э., и мне показалось, что эти разделенные временем и пространством письменности родственны. Графические формулы их

явно перекликались — вертикальные, диагональные прямые и единичные округлые линии:

➤ **ud** — «солнце»;
▼ **gud** — «бык»;
xxxx
▲ **tud, tu** — «родить»;
⊕ **udu** — «бог солнца».

Я подобрал группу шумерских иероглифов, названия коих содержали повторяющийся элемент **-ud**, показавшийся мне корневым.

Чем бы ни занимался, всегда возвращался к этой группе, и это помогло мне сформулировать грамматику сложных первоиероглифов, во многом повторившуюся в грамматике языков Древнего мира. В итоге теперь допускаю, что основные знаки древнетюркского письма возникли в то же время и, похоже, в том же регионе, что шумерские, а некоторые шумерские иероглифы имеют тюркское происхождение.

Да и сам термин **Шумер** сотворен тюрками!
(Шумеры называли себя *saggig* — «черноголовые».)

Древние семиты покорили страну, имени которой не знали. Часть завоеванного населения называли ее *Sub-er* (*Sum-er*). Эти слова усвоили пришельцы и сделали их именем завоеванной страны.

У разгромленного народа семиты вместе с письмом заимствовали иероглиф **⚡**, означавший «чужая страна». Шумеры и вслед за ними семиты дали имена частям этого сложного знака — «гора» (одна вершина), «земля» (удвоенная).

Тюрки, бывшие в составе населения, нарекли части знака чужбины по-своему:

⚡ **sub (sum)** — «вода»;
^ **jer** — «земля».

(Чередование *b/m* — лингвисты называют тюркским.)

При чтении сложного вертикального знака сверху вниз возникало: **subjer (sum-
jer)** — «Вода-Земля» — «чужбина».

Создавали и противоположный знак

^ **jer** — «земля»;
⚡ **sub** — «вода».

И складывалось новое слово: **jersyb**.

В текстах Орхона и Енисея (VIII в. н.э.) и через несколько прошедших тысячелетий сохранялось это слово: **jersub** — «родина». Какими маршрутами доходило это слово через время и расстояние до Монголии VIII в. н.э.?

Геродот (V тысячелетие до н.э.): Персидский царь Дарий с большим войском пришел в Скифию и послал своих представителей к вождям скифов с требованием положить к его ногам Землю и Воду, то есть свою Родину. Теперь мы именно так будем понимать это иносказание.

В буквенном письме Орхона-Енисея есть несколько явных иероглифов, которые до сих пор историками письма не рассматриваются как таковые.

Прежде всего **▲ b'**, употребляясь отдельно, читается, как слово **äb'** — «юрта, дом». В разных текстах от Монголии до Алтая, начертанных на каменных стелах, встречаются разновидности этой буквы-иероглифа: **▲ b'** (**äb'**) — «дом», «юрта».

Одну из таких фигур дома разделили **▲** и из нее создали иероглиф, противоположный знаку чужбины **▲**. Скорее, **Sub-je**r появился как противоположность знаку Родины **je**rsub: **▲** — **▲** — **▲**.

Где родина рун?

Авторство графической идеи «Дом — это Родина» принадлежала, по-видимому, тюркам и разошлась по Древнему миру.

Где она выразилась столь же отчетливо? В древнескандинавском «алфавите».

Графическая формула этого письма почти совпадает с формулой тюркского — вертикали и диагонали. Не случайно скандинавские ученые в XIX веке первыми заинтересовались таинственными письменами, обнаруженными на берегах Орхона и Енисея. Плотно изучали, пока датский ученый В. Томсен не нашел ключ к дешифровке надписей. Они содержали тюркские тексты. (Тюркологи до сих пор еще не сложили оду в честь Вильгельма Томсена.)

Историкам письма надо было продолжать сопоставление букв этих письменностей. Но они поспешили утвердиться во мнении, что тюркский «алфавит» произошел из согдийского: одна из персидских производных арамейского. Почему? Торговые караваны согдийцев доходили до Монголии в V в. н.э. Но этого мало. Надо бы сопоставить курсивное (курчавое) письмо согдийцев с остроугольными буквами тюрков. И станет ясно, что говорить о родственности этих систем — все равно что настаивать на происхождении римских цифр (I II III IV V...) от арабских (1 2 3 4 5...). А сравнивая тюркское письмо со скандинавским, мы бы пришли исторически верным результатам.

Двадцать лет назад я написал и выпустил в Риме книгу «Язык письма», где несколько страниц посвятил древнескандинавскому «алфавиту». Почему в кавычках? Это был не алфавит, а надпись из 24 знаков, несущая поразительный смысл.

Четыре знака — это иероглифы, точнее, «цифры»: **>** — 5, **↔** — 10, **▢** — 15, **⊠** — 20.

«Цифры» завершали каждую из четырех пятизначных групп и выражали оценку смысла, содержащегося в слове.

Я сохранил «цифры», а буквы перевел на «латинский»:

futar **>** kwihn **↔** obrst **▢** hm **└** nd **⊠**.

И попытался перевести выявленный текст, применив теперь арабские цифры.

Король — 5, Королева — 10, Старейшина — 15, Родина — 20.

Это была конституция с основной статьей — Родина превыше всего!

Вот на какую глубину уходят корни философского закона, ставшего известным всему миру в XX столетии.

И мне стало понятно происхождение имени нескольких этрусских царей — Тарквиниев. Первое из них было, видимо, почерпнуто из растиражированной

древними германцами таблицы с этим удивительным текстом. Дialectов германского было много, и на одном из них сформировался вероятный вариант текста конституции: «фон Тарквиний — старейшина Родины».

На Аппенинский полуостров многие этносы в I тысячелетии до н.э. претендовали как на свою «домашнюю землю».

II

О событии современной истории можно написать тома, о доистории — лучше попробовать две-три страницы. Поэтому, пытаясь поскорее дойти до главного, я кратким курсом пунктирно пробегаю маршруты, проложенные тюрками в доистории и ранней истории.

Заявленные темы требуют дальнейшей разработки специалистами, чтобы опровергнуть или подтвердить сказанное мной.

Временные расстояния и географические имеют определенное значение, но не всегда решающее. Что пока известно?

Шумер — IV тыс. до н.э., Древняя Передняя Азия. Тюрки — I тыс. н.э., Монголия, Алтай.

И, несмотря на видимую несовместимость понятий **Шумер** и **Тюрки**, я, как и полвека назад, заявляю, что некоторые шумерские иероглифы были явно тюркского происхождения.

Откуда первое солнце?

В этом эссе рассмотрим только один сложный иероглиф с такой, на мой взгляд, родословной: $\triangleright ud$ — «солнце» (шум.). Восстанавливаю предформу: $\triangleright ud$.

Анализирую: $\triangleright u$, $\times -d$?

В шумерском есть простой иероглиф $\triangleright u$ — «десятка», «десять». Но отдельно знака «косой крест» не нашел.

А в древнетюркском есть $\triangleright - u$ (уже буква, а не иероглиф); $\times -di (d')$.

1. Соединяю эти две буквы в сложный знак \triangleright . Соединяю их наименования **u-di**.

В таком порядке сложный знак может прочитаться, но **не в шумерском письме, где строка шла слева направо**.

А тюрки писали только справа налево.

2. Главное: **u-di** \triangleright **ud**. Сингармонизм тюркского языка не позволяет быть в одном слове звукам разного качества — твердым и мягким. В данном созвучии в начале — твердый звук, он ассимилирует все следующие.

В шумерском (и во всех других языках планеты, кроме тюркского) сингармонизма нет. Поэтому эти два положения (направление письма справа налево; сингармонизм) позволяют считать, что **сложный иероглиф $\triangleright (\triangleright) ud$ — «солнце» — создан тюркскими знакотворцами**.

Шумеры могли прочесть сложный знак по-своему слева направо. Но зачем им это? Они поклонялись не Солнцу, а Венере. И это обстоятельство может служить доказательством, что знаки солнца не шумерами создавались. А были привнесены

ны другими народами, солнцепоклонниками. В данном примере — тюрками. И отношение «черноголовых» к этой графеме было, скорее всего, техническим, но не религиозным.

Откуда второе?

К знаку \oplus **udu** — 1) «бог солнца»; 2) «баран» — тюрки не могли иметь прямого отношения. Во-первых, графическая формула тюркского письма не допускает горизонталей. Во-вторых, как двусложный знак породил трезвучное слово?

Эти знаки солнца попали в Шумер из разных, но, вероятно, близких культур: \triangleright и \bigcirc выражали, по-видимому, общее значение — **u** — «луна, месяц».

Косой крест и прямой — символы отрицания.

(Происхождение знаков солнца — отдельная тема.)

Похоже, удалось установить, что в грамматике языка, пришедшего в Шумер вместе с этим иероглифом, действовал фонетический закон, похожий на сингармонизм. Я назвал его — «шумерская гармония гласных». Гласный начального слога ассимилирует все последующие.

Этот этнос привнес в шумерский язык слова, в которых восстанавливается второй гласный. Например, **amar** — «теленки» (шум.) из ***amur**, **Dingir** — «Венера» из ***Di er** и т.д.

Полагаю, что \oplus — **udu** первоначально прочлось ***u-di**.

Письменности у этих двух народов-солнцепоклонников, пришедших некогда в Двуречье, были родственны: \triangleright , \bigcirc — **u** («луна, месяц»), \times , \oplus **di** (отрицание).

Северный месяц и южный

Известно, что римляне и греки заимствовали алфавит у финикийцев; что букв для гласных в финикийском не было; что древнеевропейцы ввели буквы для некоторых гласных, вероятно, взяв их в неизвестной иероглифической письменности.

В разновидностях латинского появились — \cup **v** — «u» (V в. до н.э.) и \bigcirc — «o» (V в. до н.э.).

...**Наши выводы.** Римляне и греки применили иероглифы «полная луна» и «южный месяц» с общим названием ***u**. Грамматисты упростили сложный губной звук-слово до двух простых — **u**, **o**, приписав каждый к одной из форм «ночного светила». Итак, \cup **v** — **u** — «*южный месяц», \bigcirc — **o** — «*полная луна».

...Таким образом, открывается генезис латинских букв \cup \cup \bigcirc для гласных — «u» и «o», их связь с шум. иероглифом — **u** и другой тюрк. буквой — **u** (**o**).

Откуда deūs-бог (лат.)?

Версия. Кроме шумеров, писали слева направо слоговым письмом и протолатины, входившие в состав пестрого населения Двуречья. Они, вероятно, были солнцепоклонниками, поэтому, в отличие от саггигов, восприняли тюркский священный знак солнца как божественный и прочли его название слева направо: \triangleright — ***di-u**.

Так, думаю, появилось слово **diw** > **div** > **dev**, получившее значение «бог-солнце» > «бог», в ранних наречиях Древней Передней Азии, Ирана, Индии...

После захвата Шумера древними семитами протолатины, я думаю, дошли до Малой Азии, где проявили себя. У них развилась мощная религия, которая сделала их лидерами в новом регионе. В век многобожия они подняли знамя культа Бога-Мужа. Именно в Малой Азии слово ***deu** — «бог» обретет показатель мужского рода: ***deu-us** > **deūs** (лат.).

В греческом главный Бог-Муж еще будет носить протолатинское имя: **Зевс** (***Deūs** > **Deus** > **Devs**). В лувийском: **Tivas** — «бог-солнце»; в хеттском: **Shivas** — «бог».

Все это — Птысячелетие до н.э.

К выводам:

➤ **u-di** > **ud** — «солнце» (тюрк. > шумер.). Справа налево прочитаны простые знаки в сложном.

➤ **di-u** > **diu** (**deu**) — «бог» (протолат.). Слева направо прочитаны простые знаки в сложном.

Из одного письменного материала сделаны термины близкого содержания в тюркском и протолатинском языках.

Огненное солнце

Тюрки со временем придают знаку Солнца и другую семантику: ➤ **ud(ut)** — 1) «солнце»; 2) «огонь». У них появляется, вероятно, другой иероглиф, взявший на себя главное значение. (У тюркских народов накопилось несколько слов, обозначающих «солнце». Значит, были разные сложные знаки.)

Итак: ➤ **ut (ud)** — «огонь» (тюрк.-шумер.).

Этот иероглиф с такой семантикой жрецы письма следующих поколений толкуют, видят в нем изображение **печи-очага** и в нем **дрова**.

В языках Древнего мира складывалась общая грамматика, и жрецы знали правила, которые помогали им осваивать заимствованные сложные иероглифы. Общее название приходило вместе со знаком, но как назывались детали — не знали. И они применяли правило: *если хочешь узнать имя детали сложного знака, отрицая общее название*. История сохранила слова, которые получили шумеры и тюрки при толковании знака **ud(ut)** — «огонь». Отрицали тогда внешними флексиями. В данном случае была флексия — **n**.

(Ее применение в тюркской грамматике до сих пор заметно: **Москва-да** — «в Москве», **Москва-дан** — «из Москвы» (турец., узб., татарск., каз. и др.))

Итак, ➤ **ud** — 1) «солнце»; 2) «*огонь» (шум.); **udun** — «очаг» (шум.). Они так назвали основной элемент знака, вместилище огня. ➤ **ut** — «огонь» (тюрк.); **utyn** — «дрова» (тюрк.). Они назвали другую деталь.

Эти этимологии добавляют аргументы к версии о тюркском авторстве знака **ud(ut)** — с первым значением «солнце».

III

И теперь об еще одном и вовсе не косвенном значении, напрямую касающемся детали «косой крест».

Иероглиф **ud(ut)** толковался и как знак восходящего Солнца. Важную роль играл «крест», имя коего выявлялось не отрицанием, а другим грамматическим способом. Кто-то принес из Средиземноморья иероглиф **☉ Ra**, который никем не был воспринят как священный, и его использовали как грамматический знак, а название — в качестве союза со значением «в». (В казахском, турецком: **son** — «конец», **sonra** — «в конце».)

В шумерском имелись примеры употребления такого союза. И славянские знакотворцы в том эпизоде тоже поучаствовали: **➤ ud(ut)**. Деталь **✕** выделялась добавлением союза **ra** к общему названию — **udra (utra)**. Полученные звукосочетания требуют подробного рассмотрения. Но для начала и этого краткого курса достаточно. (Однако с пояснением, что египетский иероглиф был известен в Древнем мире с названиями — **Ru, Ro, Ra**. И от каждого в разных языках произошли двусложные слова.)

IV

Итак, знак восхода был получен. И в противоположность ему создается иероглиф захода. В нем исключается роль «крестика», т.е. «восхода» — **▶ jud(jut)**.

Эта графема получит особые толкования. Грамматисты обозначат числовое значение ее: **➤** — 10, **✕** — 2, **|** — 1, **➤** — 12, **▶** — 13. И случайно ли 13-й на тайной вечере известен был по имени Иуда?

Но все это потом, через пару-тройку тысячелетий.

Пока только об ошибке жреца, который знаку заката почему-то придал значение утра: **➤ ut**, крестик («восходящее солнышко»), и с его выделением в иероглифе (как?) добавлялся аффикс — **utra (utro)** — «восход».

▶ jut.

Появление знака захода уже должно было исключить всякое упоминание крестика — символа восхода. Но жрец не знал этого, и получилось ***jutra (jutro)** — «утро», как у предшественника.

IV

А о том, каким был знак, предшествовавший слову **utra** — «время» (тюр.), подробно в другой раз. Здесь могу только указать (без доказательств) исходную позицию его: **▼ ut**. Точка — **utra**, т.е. «vut». Так, вероятно, рождались песочные часы.

Согды или китайцы?

Историки письма, согласившись с исторически приемлемой версией о происхождении древнетюркских рун от согдийского алфавита, упорно не хотят замечать, что некоторые из них выполняли двойную функцию — иероглифа и буквы.

Такого не было ни в одной буквенной системе, начиная с финикийской, и почему-то проявилось только в тюркской. Может, под влиянием китайской иероглифики?

Она могла повлиять, но только не «новая», исполненная «квадратным почерком» (возникшим в I тыс. до н.э.). Потому что я нашел соответствие тюркскому **D jaj** — «солнце» не в новом, а в предшествовавшем ему древнекитайском.

Это был иероглиф **D** — «луна, месяц». Эпоха Инь, II тысячелетие до н.э. Название не сохранилось, как считают синологи. В новом полный комплекс Знак — Название — Значение выглядит так: **A — juj** — «луна, месяц». При изменении почерка в квадратном — округлые линии перешли в прямые, точка — в черту: **⊙** — «солнце». «Название не сохранилось» (др.-кит.). И в новом: **⊖** — **zi** — «солнце».

Характер графических изменений тот же.

Благодаря сравнению с древнетюркским можно попытаться восстановить название древнекитайского иероглифа: иероглиф-буква **D jaj** не могла произойти от **A — juj**, но вполне могла — от **D — *juj**.

Отличие тюркской формы — утрата точки. А вместе с ней и значения?

Зная общий механизм создания знаков солнца («отрицание луны»), проанализируем тюркскую графему: **┆ — j, ⊖ — aj**.

Слово **aj** — «луна, месяц» известно во всех тюркских языках, кроме чувашского **ujak** — «луна, месяц», где **-ak** — суффикс уменьшительности. Чуваша, похоже, сохранили в корне своего слова древнейший гласный названия светила. Стрела ***j** убивала (отрицала) луну. И родилось новое слово — **jaj (*juj)** — «солнце». Создавался этот сложный знак тюрками не в Китае и не в Монголии, а в Древнем мире (Средиземноморье, Шумер, Малая Азия), откуда и пришли во II тысячелетии китайцы и тюрки на новые территории.

По дороге или еще в Древнем мире тюрки потеряли точку? При письме на скальной поверхности точка сливалась с естественными неровностями камня — одна из причин. Тогда, вероятно, существовал и простой знак **⊖ u** — «луна», и сложный **⊖ uj** — «солнце». Точка могла пропасть уже в этом случае.

В китайский попало отрицание письменного солнца **D j-uj** (что могло случиться при унификации разновидностей архидревнего письма, когда был избран основной вариант **⊙** — «солнце», зачем было сохранять **⊖** — «солнце?»).

А в тюркском с пропажей точки появилась новая «луна» **⊖ — uj**, и, отрицая ее, сотворили и новое солнце **D — juj**.

Поэтому я считаю, тюрки не заимствовали этот сложный знак вместе с точкой, чтобы потом ее утратить (иначе значение не изменилось бы).

Пойдя таким путем, мы можем восстановить еще несколько «забытых» названий эпохи Инь.

* Праформы

Для темы **utro — jutro**. Наши этимологии китайско-тюркских иероглифов имеют дополнительное значение. Славянские этимологи считают русское **utro** механическим превращением исходного **jutro** с сохранением первичного смысла. Приводятся примеры произношения **юноша > уноша** и подобные.

Но меня более убеждают примеры гипотетического развития первичной Точки в «сияющее солнышко».

»»»» **uj > udži > udi > ud (ut).**

Этот ряд доказывает первичность формы и значения русского слова **утро**.

И указывает на ошибку грамматиста, принявшего графику заката («закрyтия восходящего солнышка») за знак утра: **»» jut (jud) + Ra.**

Примечание

О механическом чередовании письменных **j/d(t)** свидетельствуют множество примеров в языках, еще не замеченные лингвистами. В русском я открыл родство слов **рой (roj)** и **род (rod)**, **стая (staja)** и **стадо (*stada)**. Напрашиваются интернациональные — **ja!** — да (нем.), **ejn** — «один» (нем.) и **edin** (слав.). Англ. **you** — «ты» (***ju**) и нем. **du** — «ты», англ. **jam** — «я есть» (***ajam**) и перс. **adam** — «я есть». Древнеперсидское слово могло стать в Древнем мире именем библейского первого человека — Адам. Провозгласившего Миру своим появлением — «Я есть!» Этимология поэта? Найдите более академическую.

Хочу завершить тему чередования **j/di/d** еще одним примером. **Diavus-pitar** — «Бог-отец» (древн.-инд.). Похоже на итальянское произношение древнелатинского ***Devus-piter**. Миссионерами, проповедовавшими эту религию, принесенную из Малой Азии в Индию в начале I тыс. до н.э., могли быть итальянцы, судя по следам, оставленным в древнеиндийском (его называют санскритом и пытаются понять, из какого наречия Индии термин сей возник и что означал).

[Я расшифровал его в Риме на площади Sanct-Petrus, которую итальянцы называют San-Petro. Так же просто они произносят латинское Sanct-scriptum («Священное писание»), превращая его во вполне произносимое **sanscritto**. Древним индусам этот термин в произношении миссионеров, вероятно, понравился, и язык древнелатинского Священного писания стал **санскритом** — языком их храмов наук и литературы.]

До обретения родового окончания имя бога Отца звучало **Deu-piter, Diu-piter** и восходило к начальному **Ju-piter**.

А теперь задание студентам.

Что означало выражение, дожившее до последних лет латинского Рима — «Что положено Юпитеру, не положено быку!»?

Некоторые итоги

Шумер (одна из чужбин на путях архи древних тюрков) — родина богов!

Подтверждается ли заголовок?

1. Да, в ту эпоху названия сложного знака солнца могли обретать и такую семантику — «бог». Чем сполна воспользовались пралатины. Но тюрки из **ud** — «солнце», «огонь» бога себе не сотворили. Или мы уже не помним, что сохраняющиеся на Алтае **ud** — «корова» (хакас.), **ut** — «корова» (алт.-киж.), **uj** — «корова» (кирг.) на заре истории содержали и такое значение, когда корова (баран) были представителями Солнца на Земле. Выходит, и пралатины поклонялись Корове.

И **Ju-piter**, получается, было скорее дамское имя. Поэтому во времена патриархата потребовалось к **Ju** — «Корова» добавлять **piter (peter, pater)** — «отец», «отче». А затем и показатель м.р. **-us**.

2. Возможно, в те времена и появилось это чудо: **W (*W)** — **gud** — «бык» (шум.). Хотя это, конечно, был знак коровы ***ud**.

И, возможно, германское **got** — «бог» восходит к диалектному имени этого знака. Да и слово **gut, goot** — «хорошо» (герм.) с ним соотносится, как русское **хорошо** — с **хорош, хорс** — «бог солнца» (др.-рус.).

3. **⊕ udu** — «бог-солнце» (***u-di**). Генеалогия знака: **⊙** — **⊕** — **⊕**. В самом начале именно Точку (красную) назвали по правилу грамматики отрицания — ***udi-n**. Не тогда ли родилось имя скандинавского Верховного бога — **Odin**? И славянское числительное — **odin**.

В славянских, близких к древним немцам, слово подпало под воздействие фонетического закона регрессивной ассимиляции. Если в конце заимствованного термина есть мягкий звук, он смягчит и все предшествующие. Мы начинали новеллу с чешского **rano** и заканчиваем чешским: ***odin > edin**.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: Языки и специальность» публикует статьи, доклады и сообщения как известных российских и зарубежных ученых, так и молодых специалистов, докторантов и аспирантов, а также рецензии, обзоры, информацию о научных проектах. Материалы публикуются на русском и английском языках. Журнал выходит 4 раза в год.

<http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=147>

<http://ru-rudn-ru.1gb.ru/node/2>

Внимание! Редколлегия принимает статьи аспирантов и докторантов только при наличии рецензии на статью от научного руководителя, отчет из системы «Антиплагиат ВУЗ» (оригинальность текста не менее 87%), заявление.

Каждая статья проходит **анонимное (внешнее) рецензирование** журнала. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов, в число которых входят как российские, так и зарубежные ученые.

После принятия редколлегией серии решения о возможности публикации статьи ответственный секретарь серии информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

Обязательна подписка на журнал как минимум на полугодие (журнал выходит 4 раза в год) по *каталогу Роспечати индекс журнала — 20830*.

Требования к рукописи, представляемой в редакционную коллегия

1. Блок 1 — на языке статьи: название статьи; ФИО автора(ов); адресные данные авторов (организация(и), адрес организации(й), авторское резюме; ключевые слова.

2. Блок 2 — полный текст статьи.

3. Блок 3 — список литературы на русском языке («Список литературы»), оформленный по ГОСТ Р 7.0.5-2008 (факультативен для публикаций на иностранном языке).

4. Блок 4 — информация Блока 1 в романском алфавите (если статья на русском языке) или на русском языке (если статья на английском) (транслитерация и перевод соответствующих данных) в той же последовательности: заглавие (перевод), ФИО авторов (транслитерация); название организации (перевод), адрес организации (транслитерация + перевод), аннотация (перевод), ключевые слова (перевод).

5. Блок 5 — список литературы в латинском алфавите (транслитерация + перевод) (“REFERENCES”). Если список литературы по п. 3 представлен в латинском алфавите, блок 5 не требуется.

6. Блок 6 — сведения об авторе/авторах статьи должны быть представлены в конце рукописи и содержать следующую информацию: ФИО полностью, (при наличии) ученая степень и ученое звание, должность, место работы, (при наличии) названия 2-3 важных научных работ, электронная почта.

Авторские резюме (аннотации) должны быть: 1) информативными (не содержать общих слов); 2) оригинальными (не быть дословным переводом); 3) содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); 4) структурированными (следовать логике статьи); 5) «англоязычными» (написаны стандартным английским языком); компактными (объем текста авторского резюме определяется содержанием публикации (объемом сведений, их научной ценностью и/или практическим значением), но не менее 700 знаков.

Резюме должно сопровождаться несколькими ключевыми словами или словосочетаниями, отражающими основную тематику статьи и облегчающими классификацию работы в компьютерных поисковых систем. Размер ключевого словосочетания не может быть больше 100 знаков, включая пробелы (ограничение для e-library).

Ссылки на источники даются в виде алфавитного списка литературы с нумерацией после текста. Сначала идут источники на русском, затем на иностранных языках. В самом тексте (после цитирования) информация об источнике печатается в квадратных скобках с указанием номера по списку.

Поля страницы: 2 см; размер бумаги А4 (210×297 мм); шрифт “Times New Roman”, кегль — 12; межстрочный интервал — 1,5.

Объем рукописи до 20 000 знаков. В отдельных случаях до 40 000 знаков.

Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

Транслитерация. На сайте <http://www.translit.ru> можно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу. Для транслитерации литературы следует пользоваться вариантами без обозначений твердого и мягкого знака.

Адрес страницы на сайте рецензируемого научного издания в сети «Интернет», где размещены правила направления, рецензирования и опубликования научных статей: <http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=147>

Адрес страницы «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность» на сайте «Электронной научной библиотеки “ELibrary.ru”» http://elibrary.ru/title_about.asp?id=11968

Адрес эл. почты: Bulletin.LanguageTeaching@yandex.ru

Доп. адреса: sinyachkin_vp@rudn.university; bakhtikireeva_um@pfur.ru

Благодарим за сотрудничество!

INFORMATION FOR AUTHORS

The journal «Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series of Education Issues: Languages and Speciality» welcomes research articles, book reviews, literature overviews, and research project announcements by experts in the field and young scholars. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors. The languages of publication are Russian, English French, German, Spanish. The journal publishes 4 issues a year.

SUBMISSION REQUIREMENTS

Manuscripts should be submitted as WORD files online at edulangjournalrudn@pfur.ru

The submission should include 700 to 1000 word abstract, 6 to 8 key words and a cover sheet with the following information: Name of the author(s), affiliation, title, degree, telephone and email address. A manuscript should not exceed 30,000—40,000 characters with spaces, including bibliography and footnotes. The recommended font is Times New Roman, 12-point with line spacing 1.5.

Submissions are subject to blind review by two experts in the field. Authors who wish to receive the journal issue with their publication should commit themselves to 1-year-long subscription to the journal.

Further information and submission guidelines can be found at <http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=147>

AUTHORS GUIDELINES

The articles submitted to the editorial board undergo a reviewing procedure.

The volume of the article should not exceed 1 publication base (40 000 printable characters). No more than three illustrations, diagrams or schemes can be placed within the article.

The article should be e-mailed in English or in Russian with abstract & keywords both in English and Russian.

The following are the requirements for manuscripts submitted to the editorial board.

1. The materials submitted to the editorial board must be presented in electronic and in print format. The text-based editor is Word. The materials should be signed by the author on the title page near the name of the author.

2. The title page of the article must contain the complex of the elements located on the page in the following order. At the top of the page the title of the article is printed in capital letters bold font. Surnames of the authors follow the heading and are printed by lower case letters.

3. References should follow the body of the text in alphabetical order, first the sources in Russian language, then the sources in foreign languages. References to the cited sources, and notes should be incorporated in the text of the article, after the quotation in square brackets, with the number from the list of references. Bibliographical description of the

source in the list of references is implemented in accordance with the rules of GOST 7.0.5-2008. Font and line spacing, is the same as in the article.

4. Margins: top — 2 cm; bottom — 2 cm; left — 2 cm; right — 2 cm; the size of a paper — A4 (210×297 mm); font «Times New Roman» № 12; line spacing — 1.5.

5. Notes and quotations incorporated in the body of the text should be numbered consecutively.

6. Materials without substantiated research support or not corresponding to the rules mentioned higher will not be considered.

7. The following data about the author should be attached to the manuscript: first name, middle name initial, last name, academic degree, academic title, place of employment, postal address, work address, home address, office phone number, home telephone number, fax, e-mail.

8. A short abstract of the article in Russian and English, the title of the article in English and the list of key words (no more than 15) are to be attached.

9. Please address the materials to the following address: FGBOU VPO Peoples' Friendship University of Russia, *Miklukho-Maklaya str., 10 A, Moscow, Russia, 117198*
Editorial board of the journal "Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series of Education Issues: Languages and Speciality"

E-mail: edulangjournalrudn@pfur.ru

We look forward to your submissions!

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

О СТИЛЕ ЦИТИРОВАНИЯ	Уважаемые авторы! С 1 номера 2018 года наш журнал переходит к стилю MLA в оформлении библиографических данных. Это касается, в первую очередь, структурного блока REFERENCES, который будет формироваться в соответствии с Руководством указанного стиля. Внутри текста мы сохраняем сквозное (последовательное) цитирование, помещая ссылку на источник в квадратные скобки с указанием его порядкового номера и страницы: [1. С. 432], [2. P. 67]. Более подробную информацию Вы можете получить по ссылке http://www.chicagomanualofstyle.org/tools_citationguide.html В таблице представлены образцы оформления РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ в блоке REFERENCES (Примечание: РУССКОЯЗЫЧНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ОФОРМЛЯЕТСЯ В СООТВЕТСТВИИ С ГОСТ). Обратите внимание, что в русскоязычном списке указывается количество страниц (для книги) и номеров страниц (для журнала), а для REFERENCES эта информация факультативна; однако для стиля MLA важно указание о том, печатная или электронная книга представлена (Print/Web), а также данные о языке оригинала (in Russ.). MLA-ФОРМУЛА: №. Фамилия, И.О. Год. Транслитерированное название источника [Перевод названия на английский]. Город (полностью, без аббревиации): Издательство. Печ./эл. (язык оригинала).	
КНИГА ОДНОГО АВТОРА	Список литературы	References
	<i>Лотман М.Ю.</i> Внутри мыслящих миров. М.: Азбука-Классика, 2016. 448 с.	Lotman, M. Yu. 2016. Vnutri myslyashchikh mirov [Inside the Thinking Worlds]. Moscow: Azbuka-Klassika. Print. (in Russ.)
КНИГА БОЛЕЕ ДВУХ АВТОРОВ	<i>Маслова В.А., Пименова М.В.</i> Коды лингвокультуры. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 180 с.	Maslova, V.A., and M.V. Pimenova. 2016. Kody lingvokultury [Codes of Linguoculture]. Moscow: FLINTA: Nauka. Print. (in Russ.)
ПЕРЕИЗДАННАЯ КНИГА	<i>Жолковский А.К.</i> Блуждающие сны: статьи разных лет. 3-е изд. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 512 с.	Zholkovskii, A.K. 2016. Bluzhdayushchie sny: stat'i raznykh let [Wandering Dreams: Articles of Different Years]. 3-rd ed. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016. Print. (in Russ.)
ГЛАВА В КНИГЕ	<i>Эсалнек А.Я.</i> Архетип. Введение в литературоведение. М.: Издательский центр «Академия», 2012. 720 с. С. 345—359.	Esalnek, A.Ya. 2012. "Arkhetip" ["Archetype"]. In Vvedenie v literaturovedenie [Introduction to Literary Criticism], edited by L.V. Chernets, 345—359. Moscow: Izdatel'skii tsentr «Akademiya». Print. (in Russ.)
КНИГА ПОД РЕДАКЦИЕЙ	Антология концептов / под. ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. 512 с.	Karasik, V.I., and I.A. Sternin, eds. 2007. Antologiya kontseptov [Anthology of Concepts]. Moscow: Gnozis. Print. (in Russ.)
ПЕРЕВЕДЕННАЯ КНИГА	<i>Чиксентмихайи М.</i> Поток. Психология оптимального переживания / пер. с англ. М.: Смысл, 2013. 461 с.	Chiksentmikhaii, M. 2013. Potok [Flow]. Translated by E.Perova. Moscow: Smysl. Print. (in Russ.)
ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА	<i>Тлостанова М.В.</i> От философии мультикультурализма к философии транскulturации. М.: РУДН, 2008. 251 с. [электронный ресурс]. URL: XXXXXXXXXXXXXXXX (дата обращения: 00.00.00.)	Tlostanova, M.V. 2008. Ot filosofii multikul'turalizma k filosofii transkul'turatsii [From Multicultural Philosophy to the Philosophy of Transculturation]. Moscow: RUDN. http://XXXXXXXXXXXXX. Web. (in Russ.)
СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ	<i>Муранска Н.</i> Словацкая поэзия в русских переводах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 1. С. 102—109. doi: 0.22363/2618-897X-2017-14-1-102-109	Muranska, N. 2017. "Slovatskaya poeziya v russkikh perevodakh" [Slovak Poetry in Russian Translations]. RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices 14 (1): 102—109. doi: 0.22363/2618-897X-2017-14-1-102-109

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ	Если по итогам конференции опубликован Сборник трудов, работа оформляется так же, как статья в журнале. Если работа была представлена на Конференции в устной форме, необходимо указать следующие данные: Бахтикиреева У.М., Валикова О.А. Среди миров // Материалы ежегодной Конференции Науки и Искусства, Болгария (21.07.17. — 30.07.17.)	Bakhtikireeva, U.M., and O.A. Valikova. 2017. "Sredi mirov" [Among the Wor(l)ds]. Paper presented at the annual meeting for the Science and Arts, Bulgaria, August 21—30.
ИНТЕРНЕТ	Как правило, ссылка на сайт дается ВНУТРИ текста в круглых скобках: (по данным сайта РУДН от 09.03.17, http://www.rudn.ru/). Нет необходимости помещать эти данные в REFERENCES/СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ. В случае, если Вы ссылаетесь на электронную книгу/журнал, Вы оформляете их по образцам, представленным выше.	
ПЕРИОДИКА	Ссылка на информацию из газет и журналов приводится ВНУТРИ текста в круглых скобках: — «ЦИТАТА ИЗ ГАЗЕТЫ/ЖУРНАЛА» (PSYCHOLOGIES, июнь, 2015).	
МЕДИА	Если Вы ссылаетесь на информацию, представленную в форме CD-записи, кинофильма, ролика, пожалуйста, укажите следующее: Автора работы, Год выпуска, Название, Формат: Цветаева М. Лирика. Читает Анна Большова. CD.	Tsvetaeva, M. 2014. Lirika [Lyrics]. Read by Anna Bolshova. Compact disc.
ЗАРУБЕЖНЫЕ ИСТОЧНИКИ (смотрите расширенный список в блоке REFERENCES на англоязычной странице сайта)		
ОДИН АВТОР	Ortiz F. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, and London: Duke University Press. 1995	Ortiz, F. 1995. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, and London: Duke University Press. Print.
НЕСКОЛЬКО АВТОРОВ	Garcia O., and L. Wei. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan. 2014. Print	Garcia, O., and L. Wei. 2014. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan. Print
СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ	Huggan G. "Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge". Literature Interpretation Theory. Issue 26, vol. 2: 85—105. 2015. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx	Huggan, G. 2015. "Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge". Literature Interpretation Theory 26 (2): 85—105. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx

ABOUT THE STYLE OF CITING (MLA)	Beginning with the first issue of 2018, we take as a basis the MLA style for processing bibliographic data. However, instead of the alphabetical list of literature, we continue to use the order of quoting sources in the text (ORDINAL CITATION). Below the rules and examples for REFERENCES are given. For full information on this style, see The Chicago Manual of Style (16th edn) or http://www.chicagomanualofstyle.org/tools_citationguide.html
IN THE TEXT (PLACEMENT)	Sources are cited in the text, usually in square brackets, by ordinal number in the text, and a page number. Full details are given in the Reference list (under the heading References). Place the reference at the appropriate point in the text; normally just before punctuation: [1. P. 34].
REFERENCE LIST	GENERAL PRINCIPLES
ORDER	As the source is mentioned in the text. In the Reference list all cited works are given sequentially: 1. Ortiz, F. 1995. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Spanish edition. / Transl. into English by Harriet de Onis. New York: Knopf, (1940)1947. Reprint: Durham, NC, and London: Duke University Press Books, USA. IMPORTANT: Please, use the form of the author name as it appears on the title page or head of an article. Typically, the author's name is given in full: Ortiz, Fernando; Kellman, Stephen , etc., but you may also use initials: Ortiz, F.; Kellman, S. Choose only one variant of spelling a name, and use it in the list of References. We kindly ask you not to mix these two types.
PUNCTUATION	Headline-style capitalization is used. In headline style, all major words (nouns, pronouns, verbs, adjectives, adverbs) are capitalized. For non-English titles, use sentence-style capitalization.
BOOK	ONE AUTHOR №. Surname, Name. Year. Book Title: The Subtitle. City: Publisher. Print/Web Example: 1. Ortiz, Fernando. 1995. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, and London: Duke University Press. Print. OR 1. Ortiz, F. 1995. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, and London: Duke University Press. Print. TWO AUTHORS №. A1 Surname, Name, and A2 Name Surname. Year. Book Title: The Subtitle. City: Publisher. Print/Web. Example: 1. Garcia, Ofelia, and Lee Wei. 2014. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan. Print. OR 1. Garcia, O., and L. Wei. 2014. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan. Print THREE AUTHORS №. A1 Surname, Name, A2 Name Surname, and A3 Name Surname. Year. Book Title: The Subtitle. City: Publisher. Print/Web. Example: 1. Harrison, John, Elizabeth Owl, and Kate Green. 2012. Book Title: The Subtitle. Abingdon: Routledge. Print. OR 1. Harrison, J., E. Owl., and K. Green. 2012. Book Title: The Subtitle. Abingdon: Routledge. Print.

	ORGANISATION AS AUTHOR: University of Chicago Press. 2012. The Chicago Manual of Style. 16th ed. Chicago: University of Chicago Press. BOOK IS NOT IN ENGLISH: №. Surname, Name. Year. Title in transliteration [Translation into English]. City: Publisher. Print/Web. Example: №. Tlostanova, Madina. 2008. <i>Ot filosofii mul'tikul'turalizma k filosofii transkul'turacii</i> [From multiculturalism philosophy to transculturation philosophy]. Moscow: RUDN Press, 2008. Print. OR №. Tlostanova, M.V. 2008. <i>Ot filosofii mul'tikul'turalizma k filosofii transkul'turacii</i> [From multiculturalism philosophy to transculturation philosophy]. Moscow: RUDN Press, 2008. Print. ONLINE Cite the online version, include the URL or DOI: Harrison, John. 2016. Book Title: The Subtitle. Oxford: Clarendon Press. doi: xxxxxxxxxxxx. Harrison, John. 2016. Book Title: The Subtitle. Oxford: Clarendon Press. http:// xxxxxxxxxxxx/.
JOURNAL	ONE AUTHOR 1. Surname, Name. Year. "Article Title: The Subtitle." Journal Title in Full Issue: pages. doi:xxxxxxxxxxxxxxxxxx. 1. Huggan, Graham. 2015. "Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge." <i>Literature Interpretation Theory</i> 26 (2): 85—105. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx OR 1. Huggan, G. 2015. "Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge." <i>Literature Interpretation Theory</i> 26 (2): 85—105. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx TWO AUTHORS 1. A1 Surname, Name, and A2 Name Surname. Year. "Article Title: The Subtitle." Journal Title in Full Issue: pages. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx. Example: 1. Mutekwa Anias, and Musanga Terrence. 2013. "Subalternizing and Reclaiming Ecocentric Environmental Discourses in Zimbabwean Literature: (Re)reading Doris Lessing's <i>The Grass is Singing</i> and Chenjerai Hove's <i>Ancestors</i>". <i>Interdisciplinary Studies in Literature and Environment</i>. 20 (2): 239—257. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx OR 1. Mutekwa A., and M. Terrence. 2013. "Subalternizing and Reclaiming Ecocentric Environmental Discourses in Zimbabwean Literature: (Re)reading Doris Lessing's <i>The Grass is Singing</i> and Chenjerai Hove's <i>Ancestors</i>". <i>Interdisciplinary Studies in Literature and Environment</i>. 20 (2): 239—257. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx THREE AUTHORS A1 Surname, Name, A2 Name Surname, and A3 Name Surname. Year. "Article Title: The Subtitle." Journal Title in Full Issue: pages. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx Example: 1. Loginova, Olga, Galina Ivanova, and Aizhan Shakirtova. 2016. «Multicultural Education in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan: General Trends and National Peculiarities». <i>Journal of Education</i> (9): 3301—3312. doi: xxxxxxxxxxxxxx

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Количество комплектов:

на 2018 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

(индекс издания)

ПВ	место	литер

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Стоимость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2018 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

20830

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия «Полилингвильность и транскультурные практики»

Количество комплектов:

на 2018 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал

20830

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия «Полилингвильность и транскультурные практики»

Стоимость	подписки	_____ руб. ___ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ___ коп.		

на 2018 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)